

ISSN 2306-9899 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-11-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-11-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shinkaretskaya Galina Georgievna, doktor yuridicheskikh nauk,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kavigor@gmail.com

Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, 400062. г. Волгоград, Университетский проспект, 100, ainshakova@list.ru

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Нижегородская академия МВД РФ, кафедра гражданского права и процесса, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, бокс 268, aadem@bk.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра международного права. 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Алимов Кадыр Захидович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, главный редактор журнала «Узбекский журнал международного права», вице-президент Ассоциации юристов-международников Узбекистана (Узбекистан, 700174, г. Ташкент, ВУЗ городок)

Александр Белоглавек – профессор юридического факультета Пражского университета /Чехия/, арбитр Международного арбитражного суда Международной торговой палаты /Париж/, президент Всемирной ассоциации юристов /г. Вашингтон/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Бабин Борис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, исполнительный секретарь Украинского независимого морского профсоюза (Украина, 65029, г. Одесса, ул. Дидрихсона, д. 13)

Бальмон Луи – доктор права, профессор университета Ницца-София Антиполис (Франция, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, Франция)

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры

гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов (117198, г.Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Буроменский Михаил Всеволодович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, профессор кафедры международного права Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (Украина, 61024, м. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77).

Даниленко Денис Васильевич — доктор права, Университет Экс-Марсель /Aix-Marseille Universite, France/, главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издавательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа" (115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211)

Денисов Владимир Наумович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Украина, 01601, г. Киев, ул. Трёхсвятительская, д. 4)

Ерпылева Наталия Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка улица, д. 17)

Каламкарян Рубен Амаякович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Камиллери Энрико — профессор юридического факультета Палермского университета /Италия/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Ассоциации международного права (117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34)

Кешнер Мария Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации /1999-2012/ (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Костенко Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса Российской академии наук (prof_48kost@mail.ru)

Курбанов Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист

Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, руководитель секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право /Венецианской комиссии/ (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Курдюков Геннадий Иринархович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Любимов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Российская академия наук, Заместитель главного ученого секретаря Президиума РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, lyubimov_science@mail.ru

Сазонова Кира Львовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, Проспект Вернадского, 84)

Саул Бен — доктор права, профессор, директор Сиднейского центра международного и глобального права (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Штиблар Франьо — профессор юридического факультета Люблянского университета /Словения/, профессор Болонского университета /Италия/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Стон Петер Аллан — профессор юридического факультета Эссексского университета /Великобритания/ (stonp@essex.ac.uk)

Толстопятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76)

Шугуров Марк Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии (410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1)

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, margokfmn@yandex.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Аюрова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Безбородов Юрий Сергеевич - доктор юридических наук, Уральский Федеральный Университет им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина, профессор, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковleva, профессор, 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 21, кв. 21, yury.bezborodov@gmail.com

Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУ ВО "Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева", Юридический институт, директор института; Кафедра теории и истории государства и права и международного права, заведующий кафедрой; Кафедра уголовного права и криминологии, профессор, 443011, Россия, Самарская область область, г. Самара, ул. академика Павлова, 1 Г, ауд. 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» , главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Самович Юлия Владимировна - доктор юридических наук, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 421001, Россия, республика Республика Татарстан, г. Казань, ул. Чистопольская, 73, кв. 123, juliasamovich@gmail.com

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 295000, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шинкарецкая Галина Георгиевна - доктор юридических наук, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Editorial collegium

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Inshakova Agnes Olegovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, 400062. Volgograd, Universitetskiy Prospekt, 100, ainshakova@list.ru

Demichev Alexey Andreevich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Civil Law and Procedure, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Highway, box 268, aadem@bk.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law. 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Alimov Kadyr Zahidovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Editor-in-Chief of the journal "Uzbek Journal of International Law", Vice-President of the Association of International Lawyers of Uzbekistan (Uzbekistan, 700174, Tashkent, University town)

Alexander Beloglavek — Professor of the Faculty of Law of Prague University /Czech Republic/, arbitrator of the International Arbitration Court of the International Chamber of Commerce /Paris/, President of the World Bar Association / Washington/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Babin Boris Vladimirovich — Doctor of Law, Associate Professor, Executive Secretary of the Ukrainian Independent Maritime Trade Union (Ukraine, 65029, Odessa, Didrikhson str., 13)

Balmont Louis — Doctor of Law, Professor at the University of Nice-Sofia Antipolis (France, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, France)

Ksenia Mikhailovna Belikova — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198)

Buromensky Mikhail Vsevolodovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Professor of the Department of International Law of the National Law University. Yaroslav the Wise (Ukraine, 61024, Kharkiv, Pushkinskaya str., 77).

Denis Vasiliyevich Danilenko — Doctor of Law, University of Aix-Marseille /Aix-Marseille Universite, France/, Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC (115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, building 6A, office 211)

Denisov Vladimir Naumovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Head of the Department of International Law and Comparative Jurisprudence of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, 01601, Kiev, Trehsvyatytelska str., 4)

Natalia Yurievna Erpyleva — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Public and Private Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics" (17 Malaya Ordynka Street, Moscow, 119017)

Ruben Amayakovich Kalamkarian — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Camilleri Enrico — Professor of the Faculty of Law of the University of Palermo /Italy/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Anatoly Yakovlevich Kapustin — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, President of the Association of International Law (34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218)

Keshner Maria Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Kovler Anatoly Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Judicial Power of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Judge of the European Court of Human Rights from the Russian Federation /1999-2012/ (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1, p. 13 /4th academic building/)

Kostenko Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Laureate of the F.F. Martens Prize of the Russian Academy of Sciences (prof_48kost@mail.ru)

Rashad Afatovich Kurbanov — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Secretariat of the Delegation of the Russian Federation to the European Commission for Democracy through Law /Venice Commission/ (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Kurdyukov Gennady Irinarchovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Lyubimov Alexey Pavlovich - Doctor of Law, Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Scientific Secretary of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky

Prospekt, Moscow, 119991, Russia, lyubimov_science@mail.ru

Sazonova Kira Lvovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119606)

Saul Ben — Doctor of Law, Professor, Director of the Sydney Center for International and Global Law (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Stiblar Franjo — Professor at the Faculty of Law of the University of Ljubljana /Slovenia/, Professor at the University of Bologna /Italy/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Stone Peter Alan — Professor at the Faculty of Law of the University of Essex /UK/ (stonp@essex.ac.uk)

Tolstopyatenko Gennady Petrovich — Doctor of Law, Professor, Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) The Ministry of Foreign Affairs of Russia (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454)

Shugurov Mark Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Saratov State Law Academy (410056 Saratov, Volskaya str., 1)

Zhenis Mukhtarovich Kembayev — Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Kobzar-Frolova Margarita Nikolaevna - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Moscow, Znamenka str., 10, margokfmn@yandex.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Bezborodov Yuri Sergeevich - Doctor of Law, Ural Federal University. The First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Professor, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Professor, 21 Chapaev str., 21, yuri, 620142, Russia, Yekaterinburg. bezborodov@gmail.com

Bezverkhov Artur Gennadievich - Doctor of Law, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Law Institute, Director of the Institute; Department of Theory and History of State and Law and International Law, Head of the Department; Department of

Criminal Law and Criminology, Professor, 443011, Russia, Samara Region, Samara region, akademika Pavlova str., 1 G, room 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khatyrina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Yulia Vladimirovna Samovich - Doctor of Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Kazan), Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 421001, Russia, Republic of the Republic of Tatarstan, Kazan, 73 Chistopolskaya str., 123 sq., juliasamovich@gmail.com

Chernyadyeva Natalia Alekseevna - Doctor of Law, Russian State University of Justice, Crimean Branch, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 295000, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shinkaretskaya Galina Georgievna - Doctor of Law, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

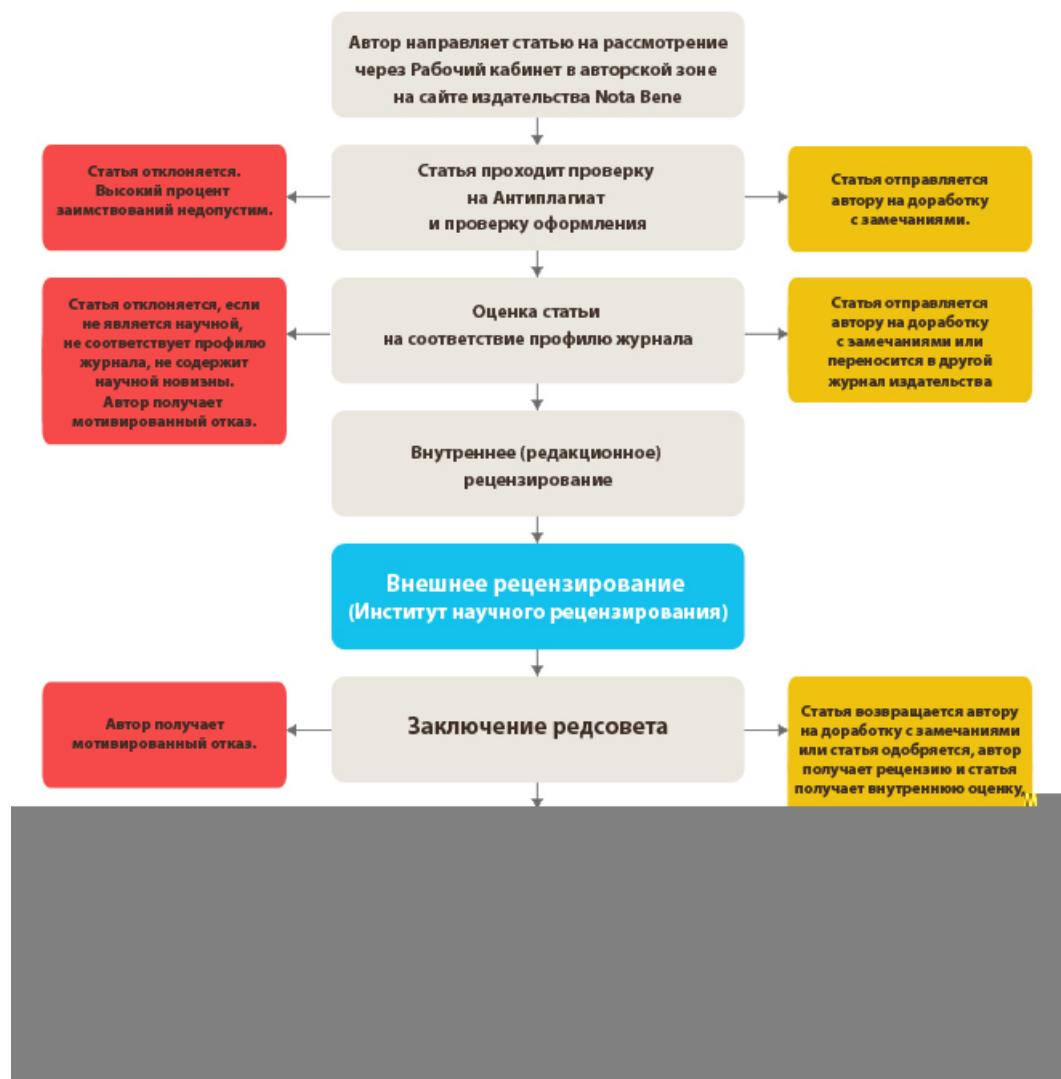
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Патронова А.Р. Проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супругов	1
Инь Ю., Чжан Ч. Применение статьи 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния к исключению противоправности деяний, связанных с удалением космического мусора других государств	13
Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Петренко Е.Г. Возможен ли общественный контроль в отношении международных правительственные организаций: к постановке проблемы	25
Сергеева А.А., Воскобойник И.О., Питулько К.В., Соколова Е.В. «Правосудие переходного периода»: общая характеристика	39
Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Проблемы и перспективы научно-технологического сотрудничества России и Индии в современных условиях: международно-правовое измерение	52
Англоязычные метаданные	96

Contents

Patronova A.R. The problem of dividing the rights of beneficiaries to property transferred to a foreign trust as common property of spouses	1
Yin Y., Zhang Z. Application of Article 25 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts	13
Malinovskii O.N., Goncharov V.V., Petrenko E.G. Is public control possible in relation to international governmental organizations: towards the formulation of the problem	25
Sergeeva A.A., Voskoboinik I.O., Pitulko K.V., Sokolova E.V. "Transitional justice": general characteristics	39
Shugurov M.V., Pechatnova Y.V. Problems and prospects of scientific and technological cooperation between Russia and India in modern conditions: international legal dimension	52
Metadata in english	96

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Патронова А.Р. Проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супругов // Международное право. 2024. № 3. С. 1-12. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.71811 EDN: JBHVWR URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71811

Проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супругов

Патронова Анастасия Руслановна

аспирант; кафедра Международного частного права; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

119296, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 52к1

✉ patronova.anastasian@gmail.com

[Статья из рубрики "Международное частное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2024.3.71811

EDN:

JBHVWR

Дата направления статьи в редакцию:

25-09-2024

Дата публикации:

02-10-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы бенефициарных прав супругов на совместно нажитое имущество. Автор на примере судебной практики судов Российской Федерации анализирует возможность раздела прав на имущество, переданное в иностранный траст, в российской юрисдикции. Неизвестность отечественной правовой системе таких понятий как «траст» и «бенефициарная собственность» ведут к возникновению ряда проблем при разрешении упомянутой категории споров, что ведет к незащищенности прав и законных интересов заинтересованных лиц. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена отсутствием единообразной практики и как следствие подхода российских судов к квалификации бенефициарных прав. Чаще всего суды исходят из невозможности

заявления данных прав к разделу в связи с непризнанием их в качестве имущества Гражданским Кодексом Российской Федерации и в качестве общего имущества супругов Семейным Кодексом Российской Федерации. В статье исследуются преимущества применения иностранного права при рассмотрении споров о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст. В ходе проведенного исследования автор обращается к методу сравнительного анализа для выявления основных противоречий судебной практики по рассматриваемой категории споров. Проведенным исследованием выявлена необходимость обращения к иностранному праву не только на стадии разрешения спора, но и при квалификации юридических понятий, в силу неизвестности институтов траста и бенефициарной собственности отечественной правовой системе. Автор приходит к выводу о наличии таких юридически значимых обстоятельств для справедливого разрешения упомянутой категории споров: установление фигуры бенефициара, представление суду документов о создании траста, доказывание имущественного интереса заинтересованной стороны на переданное в траст имущество. В силу сложившейся разрозненной практики российских судов видится необходимость в принятии Верховным Судом Российской Федерации разъяснений с обязанностью судов обращаться к иностранному праву при рассмотрении споров, осложненных иностранным элементом, в частности в спорах о разделе имущества, переданного в иностранный траст.

Ключевые слова:

супруги, раздел имущества, общее имущество супругов, суд, траст, бенефициарные права, квалификация юридических понятий, иностранное право, правовая природа, применимое право

Споры о разделе общего имущества супругов являются одной из самых распространенных категорий, разрешаемых судами. При этом данные споры являются одними из самых чувствительных. В особенности если, в течение брака между супругами, не был заключен брачный договор, и стороны не смогли урегулировать спор мирно. Таким образом, семейный конфликт перерастает в длительную судебную тяжбу. Проблемы при разделе общего имущества супругов в судебном порядке возникают не только из-за осложнения данного процесса эмоциональным фактором его участников, но в некоторых случаях в силу неизвестности российскому законодательству ряда правовых институтов, входящих в состав активов супругов.

Так, Московский городской суд, рассматривая апелляционную жалобу истца по гражданскому делу № 33-2311/2016 (2-4315/15) по иску Потаниной Н.Н. к компаниям «Вайтлиф Холдинг Лимитед», «Олдфрей холдинг Лимитед» и Потанину В.О. о разделе совместно нажитого имущества супругов указал, что права бенефициаров на общие корпоративные активы супругов «не могут быть отнесены к имуществу как в гражданском правовом смысле, так и в семейно-правовом смысле» [Апелляционное определение Московского городского суда от 20.01.2016 г. по делу № 33-2311/2016 № 2-4315/15]. Указанный спор был неоднократным предметом исследования различных научных трудов, так как является прецедентом, установившим принцип невозможности признания бенефициарных прав общим имуществом супругов только лишь на основании неизвестности данной конструкции отечественному праву. В настоящем исследовании мы предлагаем проанализировать действительно ли невозможность квалификации бенефициарных прав супругов на имущество, переданное в иностранный траст, в

соответствии с нормами российского законодательства лишает заинтересованную сторону права на судебную защиту.

Начиная с распада Советского Союза, по причине роста благосостояния населения и образования так называемой олигархической прослойки востребованным способом аккумулирования общего имущества супружеского среди граждан нашей страны стала его передача в иностранный траст. Пониманию траста как зарубежного правового института посвящено немало трудов отечественных авторов, где данная конструкция рассматривается в сравнении с институтом доверительного управления имуществом (В.С. Новикова [1], С.Л. Будина [2], Н.В. Соколовой [3]). При этом в большинстве существующих научных трудов вопросы раздела имущества, переданного в траст, исследуются на примере практики иностранных судов. Одним из немногих авторов, рассматривающих в своих научных работах проблему распространения режима общего имущества супружеского, предусмотренного российским законодательством, на активы, переданные в траст, является В.А. Канашевский [4].

Классическим определением траста является следующее: «это правоотношение, в соответствии с которым учредитель траста (settlor) передает имущество одному или более доверительным собственникам, трасти (trustee), который осуществляет управление указанным имуществом в интересах одного или более лиц – бенефициаров (beneficiaries)» [5]. Основными преимуществами передачи имущества в траст являются: консолидация имущества, передача имущества в управление профессиональному управляющему, защита имущества от требований кредиторов, получение бенефициарных прав на имущество, находящееся в трасте. Ситуация осложняется, когда фактические брачные отношения сторон прекращаются, и один из супружеских требует раздела имущества, переданного в траст, или признания бенефициарных прав общим имуществом с целью последующего раздела.

В течение прошедших десятилетий суды Российской Федерации неоднократно сталкивались с делами о разделе такого имущества по искам одного из супружеских. До 2022 года граждане Российской Федерации наравне с гражданами европейских государств в общем порядке выступали в качестве учредителей траста в соответствии с законодательством страны места его учреждения. Ситуация изменилась в связи с принятием Парламентом Европейского Союза Регламента ЕС 2022/576 (Council Regulation (EU) 2022/576) [Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014]. Статья 5m принятого Регламента фактически запрещает российским гражданам быть учредителями или бенефициарами европейских трастов, фондов или аналогичных структур. Среди принятых запретов указаны: «создание или управление трастами и подобными структурами в ЕС для россиян в качестве учредителей или бенефициаров, предоставление адреса, а также услуги директора, секретаря или акционера для таких структур» [6]. Введенные ограничения, однако, не отменяют актуальности рассматриваемой проблемы, так как суды общей юрисдикции Российской Федерации являются предпочтительным форумом для разрешения споров о разделе общего имущества, в том числе находящегося за рубежом, в связи с быстрой судопроизводства и экономической выгодой для сторон по сравнению с судами большинства европейских государств.

Передача совместно нажитого имущества супружеского в зарубежный траст означает сознательное подчинение траста правовому режиму иностранного государства, основанному на концепции расщепленной собственности, когда одна часть правомочий собственника (управление и распоряжение выделенным имуществом) принадлежит

доверительному собственнику, а другая часть (получение дохода от эксплуатации имущества) - бенефициару. Анализируя сущностную природу трастов, В.А. Канашевский отмечает, что: «титул собственности по общему праву (legal title) принадлежит доверительному собственнику, а титул по праву справедливости (equitable title) - бенефициару (бенефициарам). Именно поэтому траст определяется как «право, которое может быть принудительно осуществлено по праву справедливости (equity)» [7]. Соответственно, переданное в траст одним из супругов имущество не может быть разделено между ними только лишь в соответствии с правилами российского законодательства, поскольку российскому праву институт траста неизвестен, и в России отсутствует право справедливости (equity) как самостоятельная правовая система, регулирующая отношения между субъектами траста.

Законодательство Российской Федерации исходит из принципа общности имущества, нажитого супружами в течение брака (ст. 34 Семейного Кодекса Российской Федерации) [Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ]. В соответствии с положением Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» в состав имущества, подлежащего разделу, включается общее имущество супружеское, имеющееся у них в наличии на время рассмотрения дела либо находящееся у третьих лиц [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»]. Таким образом, буквальное толкование действующего законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции означают, что разделу между супружескими подлежит лишь имущество, принадлежащее им на момент рассмотрения спора.

Конструкция траста, в котором один из супружеских или оба супруга являются его учредителями, предполагает, что совместно нажитое имущество, переданное в него, выбывает из владения супружеских и становится собственностью доверительного управляющего трастом, который в свою очередь осуществляет права собственника в интересах бенефициара на условиях, прописанных в договоре об учреждении траста (trust deed).

Сложность состоит в том, что российская правовая система исходит из невозможности разделения статута собственности. Все три правомочия собственника, а именно право владения, право пользования и право распоряжения имуществом, сосредоточены в руках одного лица. В то время, как страны общего права, исходят из возможности такого разделения, что делает возможным существование института траста: вся триада прав собственника принадлежит доверительному управляющему, при этом правомочие получения дохода от управления имуществом, а также возможность получения переданного в траст имущества в будущем принадлежат бенефициару. Данная сложноструктурная модель исходит из исторически сложившейся в странах ангlosаксонской системы права концепции «расщепления» права собственности. Более того, указанные правомочия собственника «обладают самостоятельностью и даже в разрозненной форме являются достаточными для того, чтобы лицо, наделенное ими, считалось собственником имущества» [8].

Несмотря на неизвестность российскому праву понятий траст и бенефициарная собственность, супружеским, передавшим общее имущество в иностранный траст, бенефициарами которого они являются, не может быть отказано в судебной защите только лишь на приведенном основании. Согласно ч. 2 ст. 1187 Гражданского кодекса

Российской Федерации (далее – ГК РФ) «если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, не известны российскому праву или известны в ином словесном обозначении либо с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ]. Именно этим положением должен руководствоваться правоприменитель при рассмотрении споров о разделе общего имущества супругов, переданного в иностранный траст.

Как установлено ч. 1 ст. 1191 ГК РФ суд *ex officio* является органом, устанавливающим содержание норм иностранного права. Тем самым, выявив в рассматриваемом споре наличие иностранного элемента, суду необходимо обратиться к стадии выбора применимого права. По общему правилу, при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом. Однако в случае с трастом, как понятием неизвестным российской правовой системе, уже на стадии квалификации юридических понятий, то есть выбора применимого права, должно применяться иностранное право, признающее такую конструкцию как траст.

На практике в подавляющем большинстве случаев суды, сталкиваясь с концепцией бенефициарной собственности, отказывают в признании таковой в качестве общего имущества супругов со ссылкой на положения семейного законодательства Российской Федерации и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 15. В ранее упомянутом споре по иску Потаниной Н.Н. к компании «Вайтлиф Холдинг Лимитед», компании «Олдфрей холдинг Лимитед», Потанину В.О. о разделе совместно нажитого имущества суды обеих инстанций (первая инстанция и апелляция), отказывая в разделе бенефициарных прав супруга в офшорных компаниях, указали на то, что бенефициарные права не могут быть отнесены к «имуществу» как в гражданско-правовом смысле (ст. 128 ГК РФ), так и в семейно-правовом смысле (п. 2 ст. 34 СК РФ), в том числе и к имуществу, подлежащему разделу между супругами (ст. 38 СК РФ). По мнению судов, с учетом того, что требования истца о разделе общего имущества заявлены в отношении акций, принадлежащих компаниям, а не бывшему супругу Потанину В.О., правовых оснований для удовлетворения исковых требований о разделе общего имущества супругов не имеется.

В соответствии с определением Московского городского суда «ст. 34 СК РФ распространяет режим общности имущества супругов лишь на такое имущество, которое непосредственно принадлежит одному или обоим супругам. Ни данная статья, ни какая-либо иная норма семейного законодательства не включают в состав общего имущества супругов то имущество, которое не принадлежит супругам или одному из супругов. <...> Ни семейное законодательство Российской Федерации, ни гражданское законодательство Российской Федерации не знают концепции «бенефициарной собственности» и не придают этому понятию никакого юридического значения. Такая собственность не является субъективным гражданским правом, поэтому ее отнесение к общему имуществу супругов и раздел между супругами невозможны» [Апелляционное определение Московского городского суда от 20.01.2016 г. по делу № 33-2311/2016 № 2-4315/15]. Кассационная жалоба истца на судебные постановление нижестоящих инстанций не была передана для рассмотрения в коллегию Верховного суда Российской Федерации [Определение Верховного Суда РФ от 24.10.2016 г. по делу № 5-КГ16-164].

Очевидно, что указанные судебные постановления идут вразрез с правилами квалификации юридических понятий, неизвестных российскому праву. При таком

подходе судов в случае передачи предприимчивым супругом общего имущества в иностранный траст перед назревающим расторжением брака, добросовестный супруг останется без причитающейся ему по закону части имущества. В зарубежных странах передача супругом имущества в траст непосредственно перед инициированием процесса расторжения брака является основанием для признания такой передачи недействительной [9].

Тем не менее, в то же время (2015 - 2016 гг.) российскими судами формируется диаметрально противоположная делу Потаниных судебная практика по аналогичному вопросу. Так, в деле по иску Сергеевой А.А. к Дубину М.Л. Верховный Суд Российской Федерации указал на необходимость доказывания принадлежности имущества, находящегося в трасте определенному лицу: «Ввиду особого правового режима компаний, зарегистрированных в офшорных зонах, и непубличной структуры владения акциями данных компаний самостоятельное представление доказательств о бенефициарном собственнике компаний «Триплтон Интернэшнл Лимитед» и «Мэнфорд Интернэшнл Лимитед» являлось для Сергеевой А.А. затруднительным, в связи с чем она в порядке ст. 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обратилась к суду с соответствующим ходатайством, которое было удовлетворено. Однако к моменту принятия решения и его проверки в апелляционном порядке информация по запросу в суд не поступила. Причины неисполнения запроса и информация о ходе его исполнения судами не устанавливались. При таких обстоятельствах отказ в удовлетворении исковых требований Сергеевой А.А. за недоказанность факта принадлежности Дубину М.Л. указанных выше компаний свидетельствует о нарушении судами права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции о защите основных прав человека и основных свобод, а также ст. 123 Конституции Российской Федерации» [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 по делу № 5-КГ15-34].

В развитие положения о необходимости доказывания фигуры бенефициарного собственника судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что «правовой режим имущества, принадлежащего иностранному юридическому лицу, определяется правом соответствующей иностранной юрисдикции» [Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2016 г. по делу № 305-ЭС15-14197]. Тем самым, нельзя не согласиться с выводом О. Сиражетдиновой о том, что в случае квалификации юридического понятия и выбора применимого права не имеет правового значения то обстоятельство, что бенефициаром иностранной компании является гражданин Российской Федерации.

Прецедентным также является дело № А63-5209/16 по иску граждан Российской Федерации, в частности, к трастовой компании, расположенной в республике Кипр, о признании недействительными (ничтожными) договоров о подписке на акции. При рассмотрении указанного дела Верховный Суд РФ, признал за бенефициарами-гражданами Российской Федерации право собственности на имущество, переданное в траст, в связи с нахождением траста под их контролем и управлением. Более того, суд применил к рассматриваемым отношениям положения ст. 1012 ГК РФ, регулирующей договор доверительного управления имуществом [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 мая 2017 г. № 308-ЭС17-1916]. Также суд апелляционной инстанции и Верховный Суд Российской Федерации в основу судебных постановлений заложили толкование норм иностранного права, данное в заключении адвоката Коллегии адвокатов Республики Кипр.

Следует отметить, что помимо проблемы определения правовой природы прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, суды сталкиваются с существенными затруднениями при распределении бремени доказывания по такой категории дел. Юридически значимым обстоятельством при разрешении требований о разделе бенефициарных прав на имущество, переданное в иностранный траст, является возможность ознакомления суда с договором о создании траста и иными корпоративными документами для изучения структуры владения имуществом. Однако согласно положениям законодательства большинства юрисдикций, пользующихся популярностью для создания траста по причине особого налогового режима, фигуры учредителя и бенефициаров траста носят конфиденциальный характер. В научной литературе указывается, что бенефициары траста защищены хорошо разработанной совокупностью правовых норм, устанавливающих очень строгие ограничения по управлению имуществом траста [10]. Структура владения имуществом также носит непубличный характер и не подлежит разглашению без запроса уполномоченного органа. Как отмечает О. Сиражетдинова судам необходимо направлять запросы о предоставлении сведений о бенефициарах компаний в соответствующие органы публичной власти иностранных государств, а также привлекать данное иностранное юридическое лицо к участию в деле [11]. Однако в настоящий момент существуют высокие риски того, что споры о разделе активов иностранной организации по искам российских граждан не смогут быть рассмотрены отечественными судами объективно и полно в связи с низкой исполнимостью судебных запросов компетентными зарубежными органами.

Таким образом, бенефициарные права супругов на имущество, переданное в иностранный траст, представляют собой фактически существующие права требования, обеспеченные экономической выгодой. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, все имущество, нажитое супругами в течение брака, является их совместной собственностью и может быть заявлено к разделу в судебном порядке. Несмотря на то, что бенефициарные права как таковые не являются имуществом в силу буквального толкования данного понятия, они закрепляют реальный имущественный интерес супругов (одного из них) на переданное в иностранный траст имущество. Поэтому справедливый раздел общего имущества без учета фактического благосостояния супругов, включая имущественные права, невозможен.

Неизвестность отечественному праву концепции бенефициарной собственности и траста не может являться основанием для отказа в судебной защите прав заинтересованной стороны. В сложившейся ситуации разрозненной судебной практики видится необходимым принятие разъяснений высшей судебной инстанции России с указанием обязанности суда обращаться к положениям иностранного законодательства при рассмотрении дел, осложненных иностранным элементом. На практике у суда существуют действенные способы установления содержания иностранного права. В связи с заинтересованностью сторон в доказывании обстоятельств дела, чаще всего ими представляются различные правовые заключения, аффидевиты с толкованием норм иностранного права.

Тем самым, правильная доказательственная база, а именно доказывание имущественного интереса оппонента на переданное в траст имущество, прослеживание цепочки передачи имущества являются существенными факторами для признания спорных активов общим имуществом супругов и их последующего справедливого раздела.

Библиография

1. Новиков В.С. Доверительная собственность (траст) в законодательстве, правовой доктрине и судебной практике стран романо-германской правовой семьи // Закон. 2023. № 3. С. 182 – 203.
2. Будылин С.Л. Титулы и ценности. Раздел семейного имущества и трасти // Закон. 2017. № 2. С. 42 – 56.
3. Соколова Н.В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
4. Канащевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27 – 38.
5. Oxford Dictionary of Legal Terms, Sixth Edition / Edited by Elizabeth A. Martin, Market House Books, 2003.
6. Морозова О.С., Берман А.И. Налоговые аспекты некоторых инструментов наследственного планирования // Закон. 2024. № 2. С. 89-96.
7. Канащевский В.А. Коллизионные вопросы раздела между супругами совместно нажитого имущества, находящегося за рубежом // Закон. 2020. № 2. С. 178-185.
8. Тягай Е.Д. Право собственности на недвижимость в США: Сложноструктурные модели. М.: Проспект, 2014.
9. Faust D.I. Asset Protection Trusts: Some Practical Recommendations / Ed. by A. Kaplan. New York: Globe Business Ltd, 2010.
10. Канащевский В.А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37-49.
11. Сиражетдинова О. Раздел зарубежного имущества. Анализ споров // Жилищное право. 2020. № 1. С. 71-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супружеского. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Споры о разделе общего имущества супружеского являются одной из самых распространенных категорий, разрешаемых судами. При этом данные споры являются одними из самых чувствительных. В особенности если, в течение брака между супружескими, не был заключен брачный договор, и стороны не смогли урегулировать спор мирно, то семейный конфликт перерастает в длительную судебную тяжбу. Проблемы при разделе общего имущества супружеского в судебном порядке возникают не только из-за осложнения данного процесса эмоциональным фактором его участников, но в некоторых случаях в силу неизвестности российскому законодательству ряда правовых институтов, входящих в состав активов супружеского". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора, к примеру: "Соответственно, переданное в траст одним из супружеских имущество не может быть разделено между супружескими только лишь в соответствии с правилами российского законодательства, поскольку российскому праву институт траста неизвестен и в России

отсутствует право справедливости (equity) как самостоятельная правовая система, регулирующая отношения между субъектами трастов и как следствие концепция расщепления собственности"; "Как установлено ч. 1 ст. 1191 ГК РФ суд ex officio является органом, устанавливающим содержание норм иностранного права. Тем самым, выявив в рассматриваемом споре наличие иностранного элемента, суду необходимо обратиться к стадии выбора применимого права. По общему правилу, при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом. Однако в случае с трастом, как понятием неизвестным российской правовой системе, уже на стадии квалификации юридических понятий, то есть выбора применимого права, должно применяться иностранное право, признающее такую конструкцию как траст.

На практике в подавляющем большинстве случаев суды, сталкиваясь с концепцией бенефициарной собственности, отказывают в признании таковой в качестве общего имущества супругов со ссылкой на положения семейного законодательства Российской Федерации и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 15"; "В развитие положения о необходимости доказывания фигуры бенефициарного собственника судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что «правовой режим имущества, принадлежащего иностранному юридическому лицу, определяется правом соответствующей иностранной юрисдикции» [Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2016 г. по делу N 305-ЭС15-14197]. Тем самым, нельзя не согласиться с выводом О. Сиражетдиновой о том, что в случае квалификации юридического понятия, выбора применимого права не имеет правового значения то обстоятельство, что бенефициаром иностранной компании является гражданин Российской Федерации" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует проблему раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супругов, попутно формируя у читателей целостное представление о возможном решении данной проблемы. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "При этом данные споры являются одними из самых чувствительных. В особенности если, в течение брака между супругами, не был заключен брачный договор, и стороны не смогли урегулировать спор мирно, то семейный конфликт перерастает в длительную судебную тяжбу" - "При этом данные споры являются одними из самых чувствительных, в особенности если в течение брака между супругами не был заключен брачный договор, и стороны не смогли урегулировать спор мирно. Таким образом, семейный конфликт перерастает в длительную судебную тяжбу" (стилистические ошибки).

Ученый отмечает: "В соответствии с положением Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» в состав имущества, подлежащего разделу, включается общее имущество супругов, имеющееся у них в наличии на время рассмотрения дела либо находящееся у третьих лиц [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении

судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»]" - "Постановлением".

Автор пишет: "При рассмотрении указанного дела Верховный Суд РФ, признав за бенефициарами - гражданами Российской Федерации право собственности на имущество, переданное в траст, в связи с нахождением траста под их контролем и управлением" - "признал".

Ученый указывает: "Более того, суд переменил к рассматриваемым отношениям положения ст. 1012 ГК РФ, регулирующей договор доверительного управления имуществом [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 мая 2017 г. № 308-ЭС17-1916]" - "применил".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычленении - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 5 источниками (научными статьями и словарем). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (О. Сиражетдинова и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, бенефициарные права супругов на имущество, переданное в иностранный траст, представляют собой фактически существующие права требования, обеспеченные экономической выгодой. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, все имущество, нажитое супругами в течение брака, является их совместной собственностью и может быть заявлено к разделу в судебном порядке. Несмотря на то, что бенефициарные права как таковые не являются имуществом в силу буквального толкования данного понятия, они закрепляют реальный имущественный интерес супругов (одного из них) на переданное в иностранный траст имущество. Поэтому справедливый раздел общего имущества без учета фактического благосостояния супругов, включая имущественные права, невозможен. Неизвестность отечественному праву концепции бенефициарной собственности и траста не может являться основанием для отказа в судебной защите прав заинтересованной стороны. В сложившейся ситуации разрозненной судебной практики видится необходимым принятие разъяснений высшей судебной инстанции России с указанием обязанности суда обращаться к положениям иностранного законодательства при рассмотрении дел, осложненных иностранным элементом. На практике у суда существуют действенные способы установления содержания иностранного права. В связи с заинтересованностью сторон в доказывании обстоятельств дела, чаще всего ими представляются различные правовые заключения, аффидевиты о содержании с толкованием норм иностранного права. Тем самым, правильная доказательственная база, а именно доказывание имущественного интереса оппонента на переданное в траст имущество, прослеживание цепочки передачи имущества, являются существенной возможностью для признания спорных активов общим имуществом супругов и их последующего справедливого раздела" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного частного права, гражданского права, семейного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супругов» предметом исследования являются нормы права, регулирующие имущественные отношения, осложненные иностранным элементом, в том числе, в брачно-семейной сфере.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенакальные и частные (такие как: диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной. Можно согласиться с автором, что «...проблемы при разделе общего имущества супругов в судебном порядке возникают не только из-за осложнения данного процесса эмоциональным фактором его участников, но в некоторых случаях в силу неизвестности российскому законодательству ряда правовых институтов, входящих в состав активов супругов». Также верно отмечается, что «...несмотря на неизвестность российскому праву понятий траст и бенефициарная собственность, супругам, передавшим общее имущество в иностранный траст, бенефициарами которого они являются, не может быть отказано в судебной защите...». Доктринальные разработки по данной проблематике имеют значимость для совершенствования современного отечественного законодательства и его правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной, например: «...бенефициарные права супругов на имущество, переданное в иностранный траст, представляют собой фактически существующие права требования, обеспеченные экономической выгодой. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, все имущество, нажитое супругами в течение брака, является их совместной собственностью и может быть заявлено к разделу в судебном порядке. Несмотря на то, что бенефициарные права как таковые не являются имуществом в силу буквального толкования данного понятия, они закрепляют реальный имущественный интерес супругов (одного из них) на переданное в иностранный траст имущество. Поэтому справедливый раздел общего имущества без учета фактического благосостояния супругов, включая имущественные права, невозможен». В статье представлены и иные заслуживающие внимания с точки зрения практической значимости результаты исследования. Результаты этого исследования можно оценить как определенный вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Соблюдаены требование по объему статьи. Содержание статьи соответствует ее названию. Однако название статьи, на взгляд рецензента, нуждается в корректировке, поскольку является слишком сложным для восприятия, и вряд ли уместно в названии статьи использовать причастные обороты и повторы слов (имущество, имущества). Статья структурирована. Материал

изложен последовательно и ясно. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из судебной практики. Однако введение не отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи. Во введении необходимо обосновать актуальность темы исследования, указать цели и задачи, определить методологию и предполагаемые результаты. Кроме того, в заключении следовало бы представить конкретные итоги исследования, а не ограничиваться общим выводом. Замечания устранимые и не умаляют проделанной автором работы.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, однако мало ссылок на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Проблема раздела прав бенефициаров на имущество, переданное в иностранный траст, в качестве общего имущества супружеского» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку в целом отвечает требованиям, предъявляемым к публикациям в научных журналах. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области семейного права, гражданского права и международного частного права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Инь Ю., Чжан Ч. Применение статьи 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния к исключению противоправности деяний, связанных с удалением космического мусора других государств // Международное право. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.71935 EDN: LTYQRJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71935

Применение статьи 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния к исключению противоправности деяний, связанных с удалением космического мусора других государств**Инь Юйхай**

доктор юридических наук

профессор, Российско-китайский центр сравнительного правоведения, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюаньлу, 1, оф. 1003

✉ yinyh@szu.edu.cn

Чжан Чжань

ORCID: 0000-0001-8366-9807

кандидат политических наук

преподаватель, российско-китайский центр сравнительного правоведения, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюаньлу, 1, оф. 657

✉ zhan.zhang@yandex.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)**DOI:**

10.25136/2644-5514.2024.3.71935

EDN:

LTYQRJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2024

Дата публикации:

14-10-2024

Аннотация: По мере углубления исследования и использования человеком космоса проблема космического мусора становится все более острой. Накопление космического мусора представляет огромную угрозу для исследования и использования космоса, также могут повлиять на атмосферу Земли и экологическую среду. Международные организации поощряют национальные и неправительственные организации к тому, чтобы они проявляли инициативу по удалению космического мусора. Однако действующее международное космическое право не содержит исчерпывающих норм, регулирующих активное удаление космического мусора других государств, что не позволяет установить законность таких действий в международном праве. В контексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (ARS) было бы полезно прояснить вопрос об ответственности государства за активное удаление космического мусора других государств. В данной статье используются метод исследования литературы и метод анализа случаев. В частности, был проведен детальный анализ применения соответствующих положений статьи 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Было проведено изучение необходимых условий для исключения противоправности «чрезвычайного положения», применяемого государством, осуществляющим удаление космического мусора, в тех случаях, когда государство, которому принадлежит этот мусор, не дает согласия на удаление космического мусора другим государством, что дает полезные идеи для решения проблемы космического мусора и регулирования космической деятельности с точки зрения международного права. В частности, было отмечено, что необходимо совершенствовать правовую систему и что активное удаление космического мусора других государств должно обсуждаться в каждом конкретном случае. Если страна, которой принадлежит космический мусор, явно не согласна с другими странами на очистку своего космического мусора, продолжение очистки космического мусора других стран должно быть определено как международно-противоправное действие. Однако после того, как страна выступит с инициативой по очистке космического мусора других стран, она также может ввести чрезвычайное положение для устранения противоправности своих действий в зависимости от конкретных обстоятельств, способствуя тем самым активному участию стран в очистке космического мусора и защите космической среды.

Ключевые слова:

космический мусор, активное удаление, международно-противоправные деяния, ответственность государств, законность, низкоорбитальное гигантское созвездие, существенный интерес, состояние необходимости, большая неминуемая опасность, сопоставление преимуществ

1. Постановка вопроса

Космический мусор считался серьезной проблемой с начала космической эры. Усилия по очистке космического мусора предпринимаются на протяжении десятилетий. В 80-х годах НАСА и другие космические агентства начали изучать эту проблему и разрабатывать методы удаления мусора с орбиты. Один из ранних подходов предусматривал использование сетей для улавливания и удаления мусора, в то время как другие предложения включали использование лазерного или ионного луча для удаления мусора с орбиты. В последние годы наблюдаются высокие темпы развития низкоорбитальных гигантских созвездий, что может привести к резкому увеличению

количества космического мусора [\[16\]](#). 12 сентября 2023 года Европейское космическое агентство опубликовало доклад о том, что на сегодняшний день общий вес космических объектов на орбите достиг 11 000 тонн [\[5\]](#). В тот же день Европейское космическое агентство опубликовало данные о том, что, по оценкам статистической модели (MASTER-8), в настоящее время насчитывается 36 500 фрагментов космического мусора диаметром более 10 см, 1 миллион фрагментов космического мусора диаметром от 1 см до 10 см и 130 миллионов фрагментов космического мусора размером от 1 мм до 1 см [\[13\]](#). В то же время, поскольку космический мусор вращается вокруг Земли со средней скоростью 36 000 километров в час [\[2\]](#), он может нанести значительный ущерб спутникам или космическим аппаратам. Таким образом, проблему космического мусора нельзя недооценивать.

В настоящее время усилия по решению проблемы космического мусора можно разделить на три основные категории: предупреждение образования космического мусора, активное удаление мусора и управление космическим движением. Еще в 2007 году Норман Ллойд Джонсон (Norman Lloyd Johnson), руководитель программы НАСА по космическому мусору, отметил, что с 2020 года удаление от 5 до 20 крупных объектов космического мусора в год может сдерживать рост общего количества космического мусора, тем самым гарантируя, что в будущем космическая среда не будет продолжать ухудшаться [\[17\]](#). Однако в нынешнем международном космическом праве не существует исчерпывающих норм, регулирующих активное удаление космического мусора других государств, и в настоящем документе основное внимание будет уделено анализу состава международно-противоправных действий государств и неправительственных субъектов по активному удалению космического мусора в контексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные действия в тех случаях, когда государство, которой принадлежит космический мусор, прямо заявляет о своем несогласии с удалением, и возможность освобождения от ответственности за противоправные действия.

2. Исключение противоправности активного удаления космического мусора других государств

Если государство прямо заявляет, что оно не разрешает другому государству удалять свой собственный космический мусор, то дальнейшее удаление другим государством космического мусора будет представлять собой нарушение международного обязательства, и в этом случае можно только ссылаться на «состояние необходимости» для исключения противоправности. В статье 25 ARS говорится, что государство может временно не выполнять некоторые другие менее важные или менее неотложные международные обязательства, когда защищает существенный интерес, которому угрожает большая и неминуемая опасность единственным для государства путем, который не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств. Согласно статье 25 ARS, существует четыре основных требования для ссылки на «состояние необходимости». Далее в данной статье будет показано, как эти четыре требования должны быть выполнены в контексте космического пространства.

(1) Защита «существенного интереса»

В статье 25 ARS говорится о том, что государство может ссылаться на «состояние необходимости» в качестве оправдания для исключения противоправности несоблюдения международного обязательства этого государства в контексте защиты «существенного интереса». Из комментариев ARS можно сделать вывод, что этот «существенный интерес» включает в себя как существенный интерес страны, так и ее

граждан, а также существенный интерес международного сообщества [\[14\]](#). Кроме того, ссылка на «состояние необходимости» не обязательно должна ставить под угрозу само существование государства, и именно по этой причине бизнес также включен в список «существенного интереса» [\[11\]](#). Например, Международный Суд в деле *Case Concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project* постановил, что экологические интересы также могут быть отнесены к категории «существенного интереса» государства [\[7\]](#). Судья Международного Суда Джеймс Кроуфорд пояснил, что этимология слова «существенный» указывает на связь с «жизнью» государства [\[3\]](#). Многие третейские суды также придерживались этой точки зрения, считая, что в данном случае решающее значение имеют следующие национальные интересы: существование и независимость государства, поддержание общественного порядка [\[4\]](#), благосостояние населения страны, доступ к общественным услугам и функционирование государственных учреждений [\[12\]](#).

В космическом пространстве большое количество искусственных спутников, и столкновение спутников также является наиболее вероятной ситуацией, которая приведет к потере «существенного интереса» страны. Искусственные спутники в настоящее время в основном выполняют функции связи, навигации, наблюдения Земли, научных исследований, дистанционного зондирования и исследования космоса. В частности, функции спутниковой связи, навигации и наблюдения Земли тесно связаны с «жизнью» страны. Во-первых, спутники связи обычно используются для связи на большие расстояния. Представьте себе больницу, где посреди ночи внезапно не могут связаться с хирургом, или взлетающий самолет не может получить сигнал от вышки, что угрожает благополучию граждан страны. Во-вторых, навигационные спутники, как правило, широко используются в авиационных, морских и дорожных приложениях. Если экипаж, выходящий в море, потеряет GPS-навигацию, он также потерянся в огромном океане. Существуют также спутники наблюдения Земли, роль которых, как правило, заключается в мониторинге и наблюдении за поверхностью Земли, атмосферой и океанами, а также в сборе данных о погодных условиях, изменении климата, стихийных бедствиях, экологических изменениях и других связанных с Землей явлениях, которые, если цунами и землетрясения в стране невозможно предсказать, также приводят к потере «существенного интереса» страны. Таким образом, государство может ссылаться на «состояние необходимости» как на позитивное доказательство того, что его собственные спутники связи, навигационные спутники и спутники наблюдения Земли будут подвергнуты столкновению с космическим мусором, что существование его страны будет поставлено под угрозу, общественный порядок будет трудно поддерживать, благосостояние его населения будет подорвано или что государственные учреждения не будут функционировать. Таким образом, первый элемент «состояния необходимости» был доказан.

(2) «Большая и неминуемая опасность»

Понятие «опасность» можно разбить на два составных элемента: риск и вред. Риск означает возникновение «триггерного события», которое может нанести «большую» и «неминуемый» ущерб основным интересам. Опасность должна быть «большой» в количественном или качественном смысле [\[1\]](#). Кроме того, он должен быть «неминуемым», но это не обязательно требует, чтобы риск был неизбежным: на практике, поскольку невозможно определить, обязательно ли произойдет событие или опасность, критерием для определения того, что событие является «неминуемым», должна быть вероятность того, что это триггерное событие или опасность произойдет [\[8\]](#).

Во-первых, что касается элемента «большой опасности», то мы считаем, что термин «количественное или качественное значение» относится к двум различным способам измерения или оценки серьезности рассматриваемой опасности. Когда опасность оценивается количественно, это означает, что тяжесть или степень опасности измеряется или оценивается на основе числа или измеримых факторов. Это может включать оценку степени, масштаба или величины, связанной с опасностью. Например, если ущерб измеряется на основе экономических потерь, количественная оценка может включать определение конкретной денежной суммы, которая будет потеряна. Когда опасность оценивается в качественном смысле, это означает, что серьезность или важность опасности оценивается на основе нецифровых или субъективных факторов. Это может включать рассмотрение характера, характеристик или качественных аспектов опасности. Качественная оценка может включать оценку таких факторов, как воздействие на благосостояние человека, степень вызванного эмоционального расстройства или нарушение основных прав или ценностей. Упоминание как количественных, так и качественных оценок свидетельствует о том, что опасность в случае ссылки на «состояние необходимости» должна быть значительной как с числовой, так и с нечисловой точек зрения.

В контексте космического пространства, когда речь идет о ситуациях, которые могут считаться «большими» как в количественном, так и в качественном смысле, есть примерно следующие два вида ситуаций. Во-первых, космический мусор, образующийся в результате столкновений с искусственными спутниками, создает опасность для других действующих спутников и космических аппаратов, что приводит к сбоям в работе систем связи, навигации и наблюдения Земли. Это может привести к огромным экономическим потерям для страны, помешать научным исследованиям и повлиять на все аспекты человеческой жизни, зависящие от спутниковых технологий, это с точки зрения национальных интересов. Во-вторых, каскадный эффект космического мусора. Накопление космического мусора на околоземной орбите представляет собой серьезную угрозу. Если столкновение между двумя объектами создает больше мусора, это может вызвать каскадный эффект, также известный как эффект Кесслера. Это может привести к тому, что некоторые орбиты станут непригодными для использования из-за чрезмерной плотности мусора, что затруднит или даже сделает невозможным освоение космоса и эксплуатацию спутников, это с точки зрения международного сообщества в целом.

Конкретные требования к вероятности возникновения «неминуемой» опасности или триггерного события должны зависеть от конкретной ситуации. Соответствующий уровень вероятности может варьироваться в зависимости от ряда факторов, включая потенциальные последствия, характер события или опасности и конкретную область. В некоторых случаях мы должны установить более низкий порог вероятности, чтобы гарантировать, что потенциальный риск не произойдет. Например, в ключевых отраслях безопасности, таких как авиация или ядерная энергетика. В других случаях может потребоваться более высокий порог вероятности, особенно если последствия события или травмы незначительны. Например, в повседневном принятии решений или разработке политики. В конечном счете, определение надлежащего порогового значения вероятности, которое включает в себя баланс различных факторов, включая потенциальное воздействие, имеющиеся доказательства, социальные ценности и требования конкретной ситуации, которая обычно требует анализа в каждом конкретном случае с учетом мнений экспертов, научных данных и принципов управления рисками.

В космическом контексте космические аварии, которые могут привести к серьезным человеческим жертвам, значительному ущербу окружающей среде или огромным

экономическим потерям, обычно связаны с параличом спутников связи, навигации, наблюдения Земли и научных исследований. Таким образом, степень «неминуемости» столкновений спутников с космическим мусором, о которой говорилось выше, может быть обусловлена более низким пороговым значением вероятности, позволяющим государству ссылаться на «состояние необходимости», когда вероятность достигает 50% или менее. Столкновение других спутников дистанционного зондирования и космических исследований с космическим мусором относительно не влечет за собой серьезных человеческих жертв, ущерба окружающей среде и экономических потерь, и поэтому государствам разрешается ссылаться на «состояние необходимости» только в том случае, если им может быть присвоен более высокий порог вероятности.

Таким образом, для измерения «большой и неминуемой опасности» мы должны сначала проанализировать серьезность опасности качественно и количественно, а затем дать ей соответствующий порог вероятности в соответствии с реальностью опасности, чтобы определить, когда страна может ссылаться на «состояние необходимости».

(3) Реализация «единственного пути»

В комментарии КМП поясняется, что ссылка на «состояние необходимости» должна быть исключена, если существуют другие доступные пути [\[15\]](#). Для того чтобы соответствовать критерию «доступности», альтернативные пути должны отвечать следующим трем условиям: законность, осуществимость и эффективность. Законность и осуществимость не будут подробно обсуждаться. Важно, чтобы альтернативный путь был эффективным, потому что только тогда он может защитить существенный интерес, который находятся под угрозой [\[6\]](#). Для характеристики «эффективности» доктор Райан Мэнтон (Dr. Ryan Manton) считает, что этот порог должен быть следующим: может ли этот путь защитить соответствующие интересы [\[10\]](#). Кроме того, альтернативные пути, которые вносят минимальный вклад в защиту соответствующих интересов, не могут заменить путь, который может быть более успешными в будущем.

Поэтому, ссылаясь на «состояние необходимости», мы должны доказать, что другие пути не являются законными, нереализуемыми, неэффективными или, по крайней мере, менее эффективными по сравнению с принятым путем. В контексте космического пространства использование «состояния необходимости» для удаления космического мусора в целях защиты соответствующих интересов может продемонстрировать эффективность этого пути по нескольким аспектам. Во-первых, на техническом уровне можно рассмотреть зрелость отечественной технологии очистки, конкретно проанализировать отечественные исследования, разработки и практику в области технологии очистки от космического мусора, например, проанализировать, есть ли в стране базовая технология очистки для активного удаления с орбиты, захвата и замедления, или даже лазерная, электромагнитная, магнитная и другие технологии очистки в области новых технологий. Можно было бы также проанализировать целесообразность и устойчивость национальных миссий по удалению космического мусора. Это включает рассмотрение экономической целесообразности, технической осуществимости, временных рамок и потребностей в ресурсах для выполнения задач по очистке. В то же время необходимо оценить долгосрочную эффективность и устойчивость миссий по очистке, чтобы обеспечить устойчивую и стабильную космическую среду после очистки. Во-вторых, анализ с точки зрения географического положения и орбитальных ресурсов. Например, относительно обширный географический район и воздушное пространство России и Китая, а также преимущества их собственных спутников и космических аппаратов в орбитальных ресурсах свидетельствуют о том, что Россия и Китай обладают определенными

преимуществами и возможностями в области удаления космического мусора. В-третьих, что касается международного сотрудничества и инициатив, то активная пропаганда сотрудничества в области международного космического пространства и ряд инициатив и программ сотрудничества в области удаления космического мусора могут свидетельствовать о ведущей роли и активном участии страны в урегулировании кризиса, связанного с космическим мусором, и о репутации и авторитете страны в урегулировании кризиса, связанного с космическим мусором. Эти три аспекта являются тремя наиболее убедительными аргументами, подтверждающими эффективность, и, конечно же, подкрепляемыми внутренними законами, правилами и политикой некоторых стран, которые могут продемонстрировать соблюдение и ответственность страны в решении проблемы космического мусора, что также является одним из аспектов, доказывающих эффективность государства в использовании «состояния необходимости» для активной очистки космического мусора других государств.

(4) Менее важные или менее неотложные обязательства — реализация сопоставления преимуществ

Статья 25 ARS отражает тот факт, что «состояние необходимости» освобождает государство от ответственности за защиту высших интересов в случае коллизии двух интересов [\[9\]](#). Возражение в отношении чрезвычайного положения позволяет государству не выполнять «некоторые другие менее важные или менее неотложные обязательства». Сохраняя доминирующие интересы в ситуации, государство минимизирует общий вред, и эта конвенционалистская предпосылка рассматривает запрос как «защиту парадигмы». Тем не менее, как сравнить преимущества между двумя интересами? По каким критериям мы можем определить, что защита одного интереса за счет другого уменьшит вред? В качестве предварительного условия судебный орган должен принять справедливое решение с точки зрения ссылающегося государства и с учетом обстоятельств, при которых была принята мера. Как правило, внутреннее законодательство определяет интересы, на которые можно ссылаться (например, на жизнь или тело), и интересы, на которые нельзя ссылаться (как правило, на жизнедеятельность). Кроме того, в международном праве не существует абсолютной шкалы интересов или ценностей, за исключением тех, которые защищены императивными нормами.

Нам самом деле, комментарий к проекту статьи 33 (предшественник статьи 25) может дать определенный ответ. В нем говорится, что «любое поведение, выходящее за рамки того, что абсолютно необходимо для этой цели, неизбежно представляет собой само по себе международно-противоправное деяние, даже если оно является приемлемым в отношении остальной части этого деяния» [\[15\]](#). Этот принцип соразмерности указывает на то, что для того, чтобы взвесить более высокие и более низкие интересы, можно оценить, являются ли меры, принимаемые в ответ на ситуацию, соразмерными и обеспечивают ли соответствующие интересы справедливый баланс. Кроме того, мы считаем, что важность и значение защищаемых интересов могут быть оценены с учетом того, соответствуют ли они основным правам, общественной безопасности, национальной безопасности или другим важным социальным интересам. Высший интерес - это интерес, который имеет значительное влияние и оказывает значительное положительное влияние на человека или общество в целом. Особый характер чрезвычайного положения означает, что случаи, когда «состояние необходимости» может быть использовано в качестве основания для невыполнения обязательств, являются редкими и должны быть строго ограничены, однако существование чрезвычайного положения как обстоятельства, исключающего противоправность, получило благоприятную

авторитетную поддержку и было рассмотрено рядом международных трибуналов, в которых «состояние необходимости» было принято в принципе.

3. Заключение

В заключение следует отметить, что правовые границы активного удаления космического мусора других государств должны рассматриваться в каждом конкретном случае. Для «идентифицируемого» космического мусора требуется классификация. Если государство прямо не соглашается с удалением космического мусора другим государством, то продолжение удаления должно быть определено как международно-противоправное действие, и в это время государство, осуществляющее удаление космического мусора должно заранее проконсультироваться с государством, которому принадлежит этот мусор. Вместе с тем государство может также ссылаться на «состояние необходимости» для исключения противоправности в конкретных обстоятельствах после того, как оно по собственной инициативе очистило космический мусор других государств, при условии соблюдения конкретных требований: существенного интереса, большой и неминуемой опасности, единственного пути и сравнения интересов. Космос является общим наследием человечества, и мы должны защищать его от загрязнения и часто активно «убирать» космическую гигиену. Для поощрения национальных инициатив по удалению космического мусора международному сообществу необходимо укрепить сотрудничество и координацию и как можно скорее усовершенствовать правовую систему удаления космического мусора.

Библиография

1. Cassella S. La nécessité en droit international: De l'état de nécessité aux situations de nécessité. Brill Press, 2011, 159.
2. Cowing K. Space debris: A quantitative analysis of the in-orbit collision risk and its effects on the Earth. (2023-06-30) [2023-09-11]. <https://phys.org/news/2023-06-space-debris-quantitative-analysis-in-orbit.html>.
3. Crawford, James. State Responsibility: The General Part. Cambridge University Press, 2014, 307.
4. Enron Corporation and Ponderosa Assets LP v Argentine Republic, ICSID Case No ARB/01/3, Award (22 May 2007) para. 289; Bernhard von Pezold and Others v Republic of Zimbabwe, ICSID Case No ARB/10/15, Award (28 July 2015) para. 628.
5. ESA Space Debris Office, ESA'S ANNUAL SPACE ENVIRONMENT REPORT, The European Space Agency, GEN-DB-LOG-00288-OPS-SD, 2023, 53.
6. Federica P. Michael W. Necessity 20 Years On: The Limits of Article 25 // ICSID Review, 2022(1-2), 1-2.
7. Fitzmaurice M. Necessity in International Environmental Law. Netherlands Yearbook of International Law, 2010, 41, 163.
8. Henderson C. The Use of Force and International Law. Cambridge University Press, 2018, 277.
9. Larry, Alexander. Lesser evils: A closer look at the paradigmatic justification // Law and Philosophy, 2005, 24, 629.
10. Manton R. Necessity in international law. University of Oxford, 2016, 170-171.
11. Paddeu, Federica, Justification and Excuse in International Law: Concept and Theory of General Defences. Cambridge University Press, 2018, 348.
12. Sempra Energy International v Argentine Republic, ICSID Case No ARB/02/16, Award (29 September 2007) para. 326; BG Group Plc v The Republic of Argentina, UNCITRAL, Award (24 December 2007) para. 393; National Grid plc v The Argentine Republic, UNCITRAL, Award (3 November 2008) para. 245.

13. The European Space Agency, Space debris by the numbers. (2023-9-12) [2023-9-14]. URL: <https://sdup.esoc.esa.int/dicosweb/statistics/>.
14. United Nations. Materials on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts (Second Edition). United Nations Publication, 2023, 274.
15. United Nations. Yearbook of the International Law Commission (Volume II Part Two). United Nations Publication, 1980, 49.
16. 王国语, 卫国宁. 低轨巨型星座的国际空间法问题分析 [Ван Гоюй, Вэй Гонин. Анализ проблем международного космического права в связи с низкоорбитальными мега-группировками] // International Law Studies, 2022 (02), 84-97.
17. 曹喜滨, 李峰, 张锦绣等. 空间碎片天基主动清除技术发展现状及趋势 [Цао Сибинь, Ли Фэн, Чжан Цзиньсю и др. Состояние и тенденции развития космических технологий активного удаления космического мусора] // Журнал Национального университета оборонных технологий, 2015, 37 (04), 117-120.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема применения статьи 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния к исключению противоправности деяний, связанных с удалением космического мусора других государств. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Космический мусор считался серьезной проблемой с начала космической эры. Усилия по очистке космического мусора предпринимаются на протяжении десятилетий. В 80-х годах НАСА и другие космические агентства начали изучать эту проблему и разрабатывать методы удаления мусора с орбиты. Один из ранних подходов предусматривал использование сетей для улавливания и удаления мусора, в то время как другие предложения включали использование лазерного или ионного луча для удаления мусора с орбиты. В последние годы наблюдаются высокие темпы развития низкоорбитальных гигантских созвездий, что может привести к резкому увеличению количества космического мусора [16]. 12 сентября 2023 года Европейское космическое агентство опубликовало доклад о том, что на сегодняшний день общий вес космических объектов на орбите достиг 11 000 тонн [5]. В тот же день Европейское космическое агентство опубликовало данные о том, что, по оценкам статистической модели (MASTER-8), в настоящее время насчитывается 36 500 фрагментов космического мусора диаметром более 10 см, 1 миллион фрагментов космического мусора диаметром от 1 см до 10 см и 130 миллионов фрагментов космического мусора размером от 1 мм до 1 см [13]. В то же время, поскольку космический мусор вращается вокруг Земли со средней скоростью 36 000 километров в час [2], он может нанести значительный ущерб спутникам или космическим аппаратам. Таким образом, проблему космического мусора нельзя недооценивать"; "Еще в 2007 году Норман Ллойд Джонсон (Norman Lloyd Johnson), руководитель программы НАСА по космическому мусору, отметил, что с 2020 года удаление от 5 до 20 крупных объектов космического мусора в год может сдерживать рост общего количества космического мусора, тем самым гарантируя, что в будущем космическая среда не будет продолжать ухудшаться [17]. Однако в нынешнем международном космическом праве не существует исчерпывающих норм, регулирующих

активное удаление космического мусора других государств...". Дополнительно исследователю необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... государство может ссылаться на «состояние необходимости» как на позитивное доказательство того, что его собственные спутники связи, навигационные спутники и спутники наблюдения Земли будут подвергнуты столкновению с космическим мусором, что существование его страны будет поставлено под угрозу, общественный порядок будет трудно поддерживать, благосостояние его населения будет подорвано или что государственные учреждения не будут функционировать"; "... для измерения «большой и неминуемой опасности» мы должны сначала проанализировать серьезность опасности качественно и количественно, а затем дать ей соответствующий порог вероятности в соответствии с реальностью опасности, чтобы определить, когда страна может ссылаться на «состояние необходимости»; "Во-первых, на техническом уровне можно рассмотреть зрелость отечественной технологии очистки, конкретно проанализировать отечественные исследования, разработки и практику в области технологии очистки от космического мусора, например, проанализировать, есть ли в стране базовая технология очистки для активного удаления с орбиты, захвата и замедления, или даже лазерная, электромагнитная, магнитная и другие технологии очистки в области новых технологий. Можно было бы также проанализировать целесообразность и устойчивость национальных миссий по удалению космического мусора. Это включает рассмотрение экономической целесообразности, технической осуществимости, временных рамок и потребностей в ресурсах для выполнения задач по очистке. В то же время необходимо оценить долгосрочную эффективность и устойчивость миссий по очистке, чтобы обеспечить устойчивую и стабильную космическую среду после очистки. Во-вторых, анализ с точки зрения географического положения и орбитальных ресурсов. Например, относительно обширный географический район и воздушное пространство России и Китая, а также преимущества их собственных спутников и космических аппаратов в орбитальных ресурсах свидетельствуют о том, что Россия и Китай обладают определенными преимуществами и возможностями в области удаления космического мусора. В-третьих, что касается международного сотрудничества и инициатив, то активная пропаганда сотрудничества в области международного космического пространства и ряд инициатив и программ сотрудничества в области удаления космического мусора могут свидетельствовать о ведущей роли и активном участии страны в урегулировании кризиса, связанного с космическим мусором, и о репутации и авторитете страны в урегулировании кризиса, связанного с космическим мусором" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи автор исследует составы международно-противоправных деяний государств и неправительственных субъектов по активному удалению космического мусора в контексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния в тех случаях, когда государство, которому принадлежит космический мусор, прямо заявляет о своем несогласии с удалением, а также возможность освобождения от ответственности за соответствующие противоправные деяния. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших

недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Однако в нынешнем международном космическом праве не существует исчерпывающих норм, регулирующих активное удаление космического мусора других государств, и в настоящем документе основное внимание будет уделено анализу состава международно-противоправных деяний государств и неправительственных субъектов по активному удалению космического мусора в контексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные действия в тех случаях, когда государство, которой принадлежит космический мусор, прямо заявляет о своем несогласии с удалением, и возможность освобождения от ответственности за противоправные действия" - "которому".

Ученый отмечает: "Поэтому, ссылаясь на «состояние необходимости», мы должны доказать, что другие пути не являются законными, нереализуемыми, неэффективными или, по крайней мере, менее эффективными по сравнению с принятым путем" - "Поэтому, ссылаясь на «состояние необходимости», мы должны доказать, что другие пути не являются законными, реализуемыми, эффективными или, по крайней мере, более эффективными по сравнению с принятым путем".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Все аббревиатуры при их первом использовании должны расшифровываться (НАСА, КМП и др.).

Библиография исследования представлена 17 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими материалами) на английском и французском языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В заключение следует отметить, что правовые границы активного удаления космического мусора других государств должны рассматриваться в каждом конкретном случае. Для «идентифицируемого» космического мусора требуется классификация. Если государство прямо не соглашается с удалением космического мусора другим государством, то продолжение удаления должно быть определено как международно-противоправное действие, и в это время государство, осуществляющее удаление космического мусора должно заранее проконсультироваться с государством, которому принадлежит этот мусор. Вместе с тем государство может также ссылаться на «состояние необходимости» для исключения противоправности в конкретных обстоятельствах после того, как оно по собственной инициативе очистило космический мусор других государств, при условии соблюдения конкретных требований: существенного интереса, большой и неминуемой опасности, единственного пути и сравнения интересов. Космос является общим наследием человечества, и мы должны защищать его от загрязнения и часто активно «убирать» космическую гигиену. Для поощрения национальных инициатив по удалению космического мусора международному сообществу необходимо укрепить сотрудничество и координацию и как можно скорее усовершенствовать правовую систему удаления космического мусора"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Петренко Е.Г. Возможен ли общественный контроль в отношении международных правительственные организаций: к постановке проблемы // Международное право. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.71770 EDN: LLEATU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71770

Возможен ли общественный контроль в отношении международных правительственные организаций: к постановке проблемы

Малиновский Олег Николаевич

ORCID: 0000-0001-6541-9046

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

Статья из рубрики "Теория и философия международного права"

DOI:

10.25136/2644-5514.2024.3.71770

EDN:

LLEATU

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2024

Дата публикации:

14-10-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена формализации и анализу проблемы, связанной с возможностью осуществления общественного контроля в отношении международных правительственные организаций. В отличие от органов публичной власти национальных государств, конституции и законодательство большинства из которых предусматривает возможность организации и осуществления общественного контроля в отношении их деятельности, актов и решений, международные правительственные организации, создаваемые представителями органов публичной власти национальных государств, по сути, выведены из предмета ведения контроля народов мира. Это обстоятельство создает благоприятные условия для безответственности в поведении должностных лиц данных международных правительственные организаций, что приводит к нарушению прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, предусмотренных как национальными законодательствами, так и международным правом. В работе использован ряд методов научного исследования, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. В работе исследованы основные проблемы, которые препятствуют организации и осуществлению народами мира мероприятий общественного контроля в отношении международных правительственные организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах. Авторами разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем, в том числе путем: закрепления в Уставе ООН и учредительных документах международных правительственные организаций права народов на организацию и осуществление общественного контроля в отношении международных правительственные организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах (с детализацией принципов, форм, методов, принципов и механизма мероприятий указанного контроля, видов его субъектов, уполномоченных на проведение данных мероприятий общественного контроля); создания межгосударственных и международных ассоциаций и союзов общественного контроля, которых следует наделить полномочиями по проведению вышеуказанных мероприятий; закрепления в международном и национальном законодательстве системы мер правовой ответственности за противодействие указанным субъектам общественного контроля в организации и проведении вышеуказанных мероприятий общественного контроля; организации научно-практических исследований по проблематике указанной разновидности общественного контроля; разработки системы мер проверки эффективности и результативности работы вышеуказанных субъектов общественного контроля.

Ключевые слова:

общественный контроль, международные, правительственные организации, постановка проблемы, народовластие, народный суверенитет, государственный суверенитет, национальный суверенитет, Российская Федерация, эффективность

Введение.

Проблематика ответственности международных правительственные организаций (включая ответственность ООН) широко исследуется в работах А. Н. Антонова, [2, с. 32-39] А. С. Гуласарян, [8, с. 1174-1185] В. Ю. Замятиной, [10, с. 130-136] Ж. А. Кожамкуловой, [11, с. 260-262] О. В. Неженец, [12, с. 230-235] Е. Г. Петренко, [14, с. 86-89] М. В. Тамразян, [15, с. 128-131] а также ряда иных авторов. Ряд авторов, в частности, Е. В. Бердникова, [3, с. 6-9] В. В. Гончаров, [5, с. 80-91] Е. Г. Петренко, [6, с. 76-79] А. А. Борисова, [7, с. 78-91] Т. Д. Завьялова, [9, с. 111-121] В. М. Пальченкова, [13, с. 51-56] уделяет пристальное внимание вопросам международно-правовых основ общественного контроля. Однако в российской и зарубежной научной и учебной литературе имеется недостаточное число работ, [4, с. 94-99] в которых бы поднималась проблематика, посвященная возможности и необходимости осуществления общественного контроля в отношении международных правительственные организаций. Этим обстоятельством и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает обоснование необходимости введения в научный дискурс международного права современных проблем и перспектив организации и осуществления общественного контроля в отношении международных правительственные организаций и их территориальных подразделений на уровне национальных государств. В качестве основных задач исследования можно выделить: а) анализ места и роли международных правительственные организаций в системе субъектов международного права; б) обоснование права народа на осуществление общественного контроля за любыми объектами, реализующими публичные полномочий; в) анализ современного международного законодательства, составляющего международно-правовую основу института общественного контроля; г) формализация и анализ основных проблем, препятствующих организации и осуществления общественного контроля в отношении международных правительственные организаций и их территориальных подразделений на уровне национальных государств; д) разработка и обоснование системы мероприятий по разрешению указанных проблем.

Методы и методология исследования.

В работе использован ряд методов научного исследования, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Эмпирическую основу исследования составили международное и национальное законодательство, закрепляющее основы общественного контроля и права гражданского общества на контроль за механизмом публичной власти в стране, документы, материалы, информация, связанные с практической деятельностью субъектов общественного контроля.

Основная часть.

Анализ международной политической обстановки показывает, что мир вступил в эпоху своеобразной политической турбулентности, характеризующейся ростом числа межгосударственных конфликтов, увеличением миграционных потоков, появлением и развитием рукотворных региональных и глобальных катастроф, пандемий, существенным ростом военных расходов большинства государств. В этой связи возрастает роль и значение международных правительственные организаций. При этом, речь идет не только об Организации Объединенных Наций, но и целом ряде иных общепланетарных и региональных международных правительственные организаций универсального и специализированного характера. И, если Российская Федерация в целом

придерживается в международных правительственные организациях, членом которых является, позиции, направленной на поддержание мира и безопасности человечества, то целый ряд стран открыто высказывают и проводят откровенно агрессивную позицию, направленную на возникновение и проведение межгосударственных конфликтов, войн, подрыв мира и безопасности человечества.

При этом, сформированные по итогам второй мировой войны конструкция международных правительственные организаций, ключевой из которых является ООН, системы международного права и международной безопасности, переживаю системный и структурный кризис, выражаящийся в частности:

Во-первых, в неспособности ООН и ряда иных международных правительственные организаций обеспечить поддержание мира и безопасности человечества. Доказательством этого служит, например, откровенно беззубые высказывания представителей ООН и других международных правительственные организаций относительно обстрелов Израилем территории Ливана и Сирии, нежелание проводить международные расследования недавних террористических актов, связанных со взрывом пейджеров и иных электронных устройств на территории Ливана, обстрелом ЦАХАЛ мирных объектов социальной инфраструктуры в Секторе Газа и т.п. инциденты.

Во-вторых, сильной зависимости указанных международных правительственные организаций от политического и экономического истеблишмента США и стран ядра мировой капиталистической системы, а также транснациональных корпораций. Это выражается в попытке указанных стран воздействовать, с одной стороны, на государства периферийного капитализма (в частности, на страны так называемого «третьего мира»), понуждая последних к позиции при голосовании в ООН, которая устраивает США (например, по Российской Федерации), с другой стороны, на должностных лиц различных международных правительственные организаций (в частности, МАГАТЭ), которые, например, игнорируют факты преступных обстрелов АЭС на территории Российской Федерации со стороны вооруженных формирований Украины.

В-третьих, периодическим игнорированием США и рядом иных стран своих обязанностей, связанных с членством в ООН и ряде иных международных правительственные организаций. В частности, в период президентства Д. Трампа США не выполняли обязанности по уплате членских взносов в ООН и ряд иных международных правительственные организаций, тем самым оказывая на них определенное политическое давление.

В-четвертых, навязыванием США в международных правительственные организациях (включая ООН) политики двойных стандартов по отношению к Российской Федерации, а также ее деятельности по защите прав, свобод и законных интересов граждан России на территории субъектов страны, где осуществляется специальная военная операция. По инициативе США ООН и ряд иных международных правительственные организаций делают попытки принятия резолюций ООН, иных международных правовых документов, осуждающих действия Российской Федерации по защите прав, свобод и законных интересов своих граждан, что противоречит Уставу ООН и ряду международных пактов, конвенций, иных правовых актов (в частности, Международному пакту от 16.12.1966 «Об гражданских и политических правах», Международному пакту от 19.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах»).

В этой связи мы можем констатировать то обстоятельство, что деятельность международных правительственные организаций и их должностных лиц (включая ООН), с

одной стороны, все более противоречит нормам международного права (например, Уставу ООН и вышеназванным международным правовыми актам), с другой стороны, становится инструментом давления США и других стран ядра мировой капиталистической системы на государства периферийного капитализма для навязывания чуждой им внутренней и внешней политики. Кроме того, ряд международных правительственные организаций (например, НАТО) откровенно используются для подготовки и развязывания войн по всей территории планеты.

В этой связи, мы считаем, что деятельность, акты и решения международных правительственные организаций должны быть признаны объектами контроля со стороны народов мира, аналогично тому, как действия, акты и решений органов публичной власти, публичных организаций, иных органов и организаций, реализующих отдельные публичные полномочия, признаны национальными законодательствами большинства стран (включая Российскую Федерацию) в качестве объектов контроля со стороны гражданского общества (в России данными полномочиями наделены субъекты общественного контроля).

Какие же аргументы можно привести в обоснование необходимости организации и осуществления общественного контроля в отношении вышеназванных объектов? И какие нормы международного права лежат в основе права народов на общественный контроль в отношении данных объектов?

Во-первых, стоит напомнить, что Организация Объединенных Наций создавалась от имени народов планеты. Преамбула Устава ООН прямо говорит о том, что учредителем ООН выступают народы объединенных наций, которые делегировали своим правительствам, действующим через своих представителей, полномочия по принятию Устава Организации Объединенных Наций и по созданию международной организации «Объединенные Нации». То есть, первичный суверенитет закреплен именно за народами объединенных наций, а сами международные правительственные организации, включая ООН, существуют лишь в связи с волей народов мира. В этой связи, представляется логичным, что народы объединенных наций, создавая международные правительственные организации (ООН и производные от нее организации), должны обладать и совокупностью юридических гарантий, которые бы позволили народам объединенных наций осуществлять контроль как в целом за делегированными международным правительенным организациям полномочиями, так и за их ежедневной практической деятельностью, выражющейся в принятии определенных решений, издании тех или иных международных актов, документов, обязательных или рекомендуемых к исполнению на территории национальных государств.

Во-вторых, ООН и созданные в рамках ООН международные правительственные организации, которые являются основной и наиболее полновластной разновидностью международных правительственные организаций, обязаны в своей деятельности руководствоваться целями, определенными в статье 1 Устава ООН. Все цели ООН, так или иначе посвящены, с одной стороны, сохранению и укреплению мира и безопасности человечества (соответственно – предотвращению войны), а с другой стороны, обеспечению нормального неконфликтного взаимодействия между нациями, народами и национальными государствами (путем развития дружественных отношений, посредством принятия мер, направленных на укрепление всеобщего мира, путем международного сотрудничества в части разрешения региональных и общепланетарных проблем, а главное – путем обеспечения сохранения, развития и реализации прав и свобод человека).

Таким образом, права и свободы человека закреплены в учредительных документах ООН в качестве системообразующих ценностей Объединенных Наций, сохранению, развитию и реализации которых и посвящена деятельность ООН и иных международных правительственные организаций. Представляется, что важнейшим элементом, гарантирующим данные права и свободы, является право народов, осуществляться контроль за данными процессами.

В-третьих, в мире существует значительное количество международных правительственные организаций, которые созданы ограниченным числом государств и вне мандата ООН. Например, это касается международных военных альянсов, в частности, НАТО. Деятельность указанных организаций формально посвящена и направлена на защиту стран участниц данных организаций от военных вторжений. На практике же данные организации (НАТО – в первую очередь) выступают инструментом подготовки и организации войн в мире. Учредительные документы данных организаций (в частности, НАТО) вообще не предусматривают какой-либо их подотчетности, с одной стороны, ООН, а с другой стороны, гражданскому обществу стран участниц данных международных правительственные организаций. Таким образом, народы указанных стран устраниены от возможности контроля за их деятельностью. Следствием этого народы указанных могут быть вовлечены в масштабные и даже планетарные военные конфликты, не имея формальных юридических возможностей оказать влияние на данные процессы в части предотвращения указанных военных конфликтов, тем самым обеспечив сохранение своих прав, свобод и законных интересов (включая прав на мир и безопасность человечества).

В-четвертых, международные правительственные организации (в частности, ООН) наделены определенными правами, которые могут напрямую затрагивать права, свободы и законные интересы человека и гражданина в отдельных национальных государствах. В частности, статья 42 и ряд иных Устава ООН предусматривает возможность применения Вооруженных Сил в отношении отдельных национальных государств от имени Объединенных Наций (например, для поддержания или восстановления международного мира и безопасности человечества). Данные процессы напрямую затрагивают всю совокупность прав, свобод и законных интересов народов, проживающих в странах, в отношении которых будут задействованы указанные Вооруженные Силы ООН. При этом, представляется, что гражданское общество как стран, чьи воинские контингенты будут вводиться в рамках вышеназванной миссии, так и стран, куда будут введены данные контингенты, должно иметь возможность осуществлять контроль за указанными процессами в целях обеспечения прав, свободы и законных интересов человека и гражданина.

В этой связи, мы считаем необходимым ввести в научный дискурс проблематику, касающуюся возможности и необходимости контроля народов мира за деятельность, актами и решениями международных правительственные организаций и их территориальных подразделений в национальных государствах.

Однако, следует отметить, что организации и осуществление указанного общественного контроля связаны с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие:

Во-первых, Устав Организации Объединенных Наций и иные учредительные документы ООН и других международных правительственные организаций не закрепляют институт контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти. Это касается как контроля за национальной бюрократией (органами публичной власти, публичными

организациями и иными органами и организациями, реализующими отдельные публичные полномочия), так и контроля народов мира за международной бюрократией (международными правительственные организациями, их территориальными подразделениями в национальных государствах, а также их должностными лицами).

Решение указанной проблемы видится либо во внесении соответствующих изменений и дополнений в Устав ООН, либо отдельные международные документы, в частности, в упомянутый выше Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах». В данные международно-правовые акты следует включить право народов мира на осуществление контроля гражданского общества за деятельность, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных подразделений и их должностных лиц. В указанных международно-правовых актах необходимо закрепить основные принципы, цели, задачи, виды и формы мероприятий контроля гражданского общества за указанными объектами, механизм их взаимодействия с данными международными правительственные организациями.

Во-вторых, крупной проблемой выступает то обстоятельство, что не понятно, какой субъект может быть уполномочен на осуществление контроля от имени народов Объединенных Наций за деятельность, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных подразделений, а также их должностных лиц. Представляется, что следует предусмотреть в международно-правовых актах возможность и необходимость создания международных союзов и ассоциация субъектов общественного контроля (субъектов или институтов гражданского общества), которые могли бы организовать и проводить указанные контрольные мероприятия от имени народов Объединенных Наций в отношении вышеназванных объектов.

Если посмотреть по аналогии на законодательство, в частности, Российской Федерации об общественном контроле (Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), то мы увидим, что в России возможность объединения субъектов общественного контроля в ассоциации и союзы предусмотрена, а также упоминается право субъектов общественного контроля, их ассоциаций и союзов участвовать в международном сотрудничестве с аналогичными субъектами гражданского общества из других стран. Тем более, что статья 22 Международного пакта от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» закрепила в качестве безусловного право граждан на свободу ассоциации с другими лицами для защиты своих интересов.

Представляется, что на международном уровне должно существовать большое количество межгосударственных и международных союзов и ассоциаций общественного контроля, которые и будут наделены соответствующими правами по контролю за деятельностью, актами и решениями международных правительственные организаций, включая ООН. Это позволит поставить под контроль народов Объединенных Наций международную бюрократию международных правительственные организаций всех типов, что укрепит, с одной стороны, международный мир и безопасность, а с другой стороны, создаст универсальные механизмы защиты, реализации и охраны прав, свобод и законных интересов человека на международном уровне и уровне национальных государств.

В-третьих, существенной проблемой выступает то обстоятельство, что в международном и национальном законодательстве по сути отсутствует система мер правовой ответственности за противодействие законной деятельности субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества) в части организации и проведения ими

мероприятий общественного контроля за деятельностью, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных подразделений, а также их должностных лиц. Решение данной проблемы видится во включении соответствующих норм как в международное уголовное законодательство, так и в национальные уголовные кодексы, нормативно-правовые акты, регулирующие административно-правовую ответственность в указанных государствах.

В-четвертых, крупная проблема состоит и в том, что научно-правовая доктрина международного права не содержит достаточного количества материалов, посвященных изучению проблематики возможности и необходимости организации и осуществления гражданским обществом народов Объединенных Наций мероприятий по контролю за деятельностью, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных подразделений, а также их должностных лиц. Представляется, что решение данной проблемы видится, с одной стороны, с организации подобных исследований международными и межгосударственными союзами и ассоциациями субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), а с другой стороны, национальными субъектами общественного контроля (применительно к Российской Федерации – в первую очередь Общественной палатой России). Кроме того, данные исследования должны быть инициированы и профинансираны ООН, которая располагает на 2024 год значительным бюджетом, исчисляемым миллиардами долларов США, которые необходимо тратить не только на прожорливую международную бюрократию данной международной правительственной организации, но и на исследования по контролю их деятельности субъектами гражданского общества народов Объединенных Наций, за чей счет и осуществляется финансирование ООН.

В-пятых, существенной проблемой, на наш взгляд, является и необходимость разработки и закрепления системы контроля за эффективностью и результативностью деятельности любых субъектов общественного контроля (гражданского общества), которые будут наделены вышеназванными контрольными полномочиями. Их деятельность будет требовать определенных расходов. Следовательно, результаты данной деятельности должны быть максимально экономически эффективными (например, в части проверки обоснованности и соответствия нормам международного права процессов расходования денежных средств указанными международными правительственными организациями и т.п.). Решение данной проблемы видится в разработке современных механизмов оценки указанной деятельности, в том числе, с использованием цифровых технологий, [\[1, с. 3454-3463; 6, с. 76-79\]](#) технологий искусственного интеллекта.

Заключение.

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Международные правительственные организации (включая ООН) являются важнейшей разновидностью субъектов международного права, которые обладают необходимым набором полномочий, позволяющих обеспечить содействие в реализации, охране и защите прав и свобод человека в различных национальных государствах.
2. Народы Объединенных Наций имеют право на контроль за деятельностью, актами и решениями не только национальных органов публичной власти, публичных организаций, иных органов и организаций, реализующих отдельные публичные полномочия, но и за деятельность, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных подразделений на уровне национальных государств, а также

международной бюрократии данных структур.

3. Международно-правовую основу для вышеназванного контроля составляет Устав ООН, вышеупомянутые международные пакты, посвященные отдельным разновидностям прав и свобод человека, иные международно-правовые акты и документы.

4. В качестве основных проблем, препятствующих организации и осуществлению общественного контроля в отношении международных правительственные организаций и их территориальных подразделений, можно выделить следующие: а) отсутствие закрепления в международном праве права народов на организацию и осуществление общественного контроля в отношении международных правительенных организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах (с детализацией принципов, форм, методов, принципов и механизма мероприятий указанного контроля, видов его субъектов, уполномоченных на проведение данных мероприятий общественного контроля); б) отсутствие на международном и межгосударственном уровне системы субъектов, уполномоченных на проведение указанных мероприятий; в) отсутствие в международном праве и национальном законодательстве системы мер правовой ответственности за противодействие процессам проведения данных мероприятий; г) не разработанность в доктрине международного права института контроля гражданского общества за деятельность, актами и решениями международных правительенных организаций, их территориальных подразделений на уровне национальных государств, а также международной бюрократии данных структур; д) не разработанность системы оценки эффективности и результативности указанных мероприятий.

5. Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, включающих в себя: а) закрепление в Уставе ООН и учредительных документах международных правительенных организаций права народов на организацию и осуществление общественного контроля в отношении международных правительенных организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах (с детализацией принципов, форм, методов, принципов и механизма мероприятий указанного контроля, видов его субъектов, уполномоченных на проведение данных мероприятий общественного контроля); б) создание межгосударственных и международных ассоциаций и союзов общественного контроля, которых следует наделить полномочиями по проведению вышеназванных мероприятий; в) закрепление в международном и национальном законодательстве системы мер правовой ответственности за противодействие указанным субъектам общественного контроля в организации и проведении вышеназванных мероприятий общественного контроля; г) организацию научно-практических исследований по проблематике указанной разновидности общественного контроля; д) разработку системы мер проверки эффективности и результативности работы вышеназванных субъектов общественного контроля.

Библиография

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. Т. 12. № 4. С. 3454-3463.
2. Антонов А. Н. Ответственность миссии ООН в Косово за нарушение права на жизнь вследствие недостаточно полного проведенного расследования (S.C. v. UNMIK) // Международное правосудие. 2013. № 2 (6). С. 32-39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19120601_41255776.pdf.

3. Бердникова Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля // Международное публичное и частное право. 2018. № 4. С. 6-9.
4. Гончаров В. В. Общественный контроль за филиалами и представительствами международных неправительственных организаций на территории России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 7 (120). С. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
5. Гончаров В. В. Международное сотрудничество субъектов общественного контроля: к постановке проблемы // Международное право и международные организации. 2023. № 4. С. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Гончаров В. В., Максимова С. М., Петренко Е. Г., Поярков С. Ю. О проблемах и перспективах развития информационного обеспечения общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
7. Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Гуласарян А. С. Ответственность международных организаций и национальные суды // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9 (34). С. 1174-1185.
9. Завьялова Т. Д., Кириллов Р. А., Кириллова О. Ю. Общественный контроль в системе государственных закупок: международный опыт и российская практика // Вестник МИРБИС. 2020. № 2 (22). С. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
10. Замятин В. Ю. Развитие современной концепции ответственности международных организаций // Право и государство: теория и практика. 2005. № 12. С. 130-136. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12887859_20568520.pdf.
11. Кожамкулова Ж. А. Некоторые аспекты ответственности международных организаций // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2014. № 2 (29). С. 260-262. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41560998_94174172.pdf.
12. Неженец О. В., Петренко Е. Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. 2020. № 35. С. 230-235.
13. Пальченкова В. М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 51-56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
14. Петренко Е. Г., Кулешова Е. Д. Проблемы защиты жертв военного конфликта на Востоке Украины // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 86-89.
15. Тамразян М. В. Международная ответственность ООН за действия своих миротворческих сил // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7-1. С. 128-131. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17645846_16296212.pdf

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Возможен ли общественный контроль в отношении международных правительственные организаций: к постановке проблемы».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам общественный контроль в отношении международных правительственные организаций. Автором рецензируемой статьи указывается на тот факт, что «сформированные по итогам второй мировой войны конструкция международных правительственные организаций, ключевой из которых является ООН, системы международного права и международной безопасности, переживают системный и структурный кризис». В связи с этим указывается на некоторые направления совершенствования международной структуры таких организаций, предлагаются пути совершенствования их функционирования. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения нормативно-правовых актов, международных актов, мнения ученых, материалы практики, эмпирические данные, связанные с деятельностью международной правительственные организаций.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Отмечается, что проводится исследование, «целью которого выступает обоснование необходимости введения в научный дискурс международного права современных проблем и перспектив организации и осуществления общественного контроля в отношении международных правительственные организаций и их территориальных подразделений на уровне национальных государства». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Так, указано в статье, что «В работе использован ряд методов научного исследования, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Эмпирическую основу исследования составили международное и национальное законодательство, закрепляющее основы общественного контроля и права гражданского общества на контроль за механизмом публичной власти в стране, документы, материалы, информация, связанные с практической деятельностью субъектов общественного контроля».

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, положений международных актов). Например, следующий вывод автора: «По инициативе США ООН и ряд иных международных правительственные организаций делают попытки принятия резолюций ООН, иных международных правовых документов, осуждающих действия Российской Федерации по защите прав, свобод и законных интересов своих граждан, что противоречит Уставу ООН и ряду международных пактов, конвенций, иных правовых актов (в частности, Международному пакту от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах», Международному пакту от 19.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах»)».

На основании изучения практики деятельности международных организаций автор делает и следующий важный в контексте цели исследования вывод: «в мире существует значительное количество международных правительственные организаций, которые созданы ограниченным числом государств и вне мандата ООН. Например, это касается международных военных альянсов, в частности, НАТО. Деятельность указанных организаций формально посвящена и направлена на защиту стран участниц данных организаций от военных вторжений. На практике же данные организации (НАТО – в первую очередь) выступают инструментом подготовки и организации войн в мире. Учредительные документы данных организаций (в частности, НАТО) вообще не предусматривают какой-либо их подотчетности, с одной стороны, ООН, а с другой стороны, гражданскому обществу стран участниц данных международных

правительственных организаций. Таким образом, народы указанных стран устраниены от возможности контроля за их деятельностью. Следствием этого народы указанных могут быть вовлечены в масштабные и даже планетарные военные конфликты, не имея формальных юридических возможностей оказать влияние на данные процессы в части предотвращения указанных военных конфликтов, тем самым обеспечив сохранение своих прав, свобод и законных интересов (включая прав на мир и безопасность человечества)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема общественного контроля в отношении международных правительственные организаций сложна и неоднозначна. Действительно, в современном мире деятельности таких организаций вызывает серьезные возражения и сомнения. Эффективность таких организаций неразрывно связана с возможность контроля за их деятельностью. Сложно спорить с автором в том, что «Анализ международной политической обстановки показывает, что мир вступил в эпоху своеобразной политической турбулентности, характеризующейся ростом числа межгосударственных конфликтов, увеличением миграционных потоков, появлением и развитием рукотворных региональных и глобальных катастроф, пандемий, существенным ростом военных расходов большинства государств. В этой связи возрастает роль и значение международных правительственные организаций. При этом, речь идет не только об Организации Объединенных Наций, но и целом ряде иных общепланетарных и региональных международных правительственные организаций универсального и специализированного характера. И, если Российская Федерация в целом придерживается в международных правительственные организациях, членом которых является, позиции, направленной на поддержание мира и безопасности человечества, то целый ряд стран открыто высказывают и проводят откровенно агрессивную позицию, направленную на возникновение и проведение межгосударственных конфликтов, войн, подрыв мира и безопасности человечества».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«В качестве основных проблем, препятствующих организации и осуществлению общественного контроля в отношении международных правительственные организаций и их территориальных подразделений, можно выделить следующие: а) отсутствие закрепления в международном праве права народов на организацию и осуществление общественного контроля в отношении международных правительственные организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах (с детализацией принципов, форм, методов, принципов и механизма мероприятий указанного контроля, видов его субъектов, уполномоченных на проведение данных мероприятий общественного контроля); б) отсутствие на международном и межгосударственном уровне системы субъектов, уполномоченных на проведение указанных мероприятий; в) отсутствие в международном праве и национальном законодательстве системы мер правовой ответственности за противодействие процессам проведения данных мероприятий; г) не разработанность в доктрине международного права института контроля гражданского общества за деятельность, актами и решениями международных правительственные организаций, их территориальных

подразделений на уровне национальных государств, а также международной бюрократии данных структур; д) не разработанность системы оценки эффективности и результативности указанных мероприятий».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию деятельности международных организаций. В частности,

«Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, включающих в себя: а) закрепление в Уставе ООН и учредительных документах международных правительственные организаций права народов на организацию и осуществление общественного контроля в отношении международных правительственные организаций, а также их территориальных представительств в отдельных государствах (с детализацией принципов, форм, методов, принципов и механизма мероприятий указанного контроля, видов его субъектов, уполномоченных на проведение данных мероприятий общественного контроля); б) создание межгосударственных и международных ассоциаций и союзов общественного контроля, которых следует наделить полномочиями по проведению вышеназванных мероприятий; в) закрепление в международном и национальном законодательстве системы мер правовой ответственности за противодействие указанным субъектам общественного контроля в организации и проведении вышеназванных мероприятий общественного контроля; г) организацию научно-практических исследований по проблематике указанной разновидности общественного контроля; д) разработку системы мер проверки эффективности и результативности работы вышеназванных субъектов общественного контроля».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с деятельностью международных организаций.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в полной мере достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его

мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к толкованию направлениям совершенствования деятельности международных организаций на современном этапе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Сергеева А.А., Воскобойник И.О., Питулько К.В., Соколова Е.В. «Правосудие переходного периода»: общая характеристика // Международное право. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.71975 EDN: KNJSKR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71975

«Правосудие переходного периода»: общая характеристика

Сергеева Анжелика Анатольевна

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного права и процесса; Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Басков, 16

lokhi@yandex.ru**Воскобойник Игорь Олегович**

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного права и процесса; Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Басков, 16

lokhi@rambler.ru**Питулько Ксения Викторовна**

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного права и процесса; Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

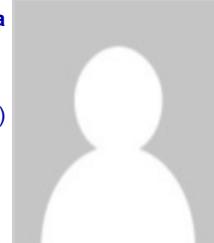
197341, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Басков, 16

lokhi@rambler.ru**Соколова Елена Валерьевна**

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного права и процесса; Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Басков, 16

lokhi@rambler.ru[Статья из рубрики "Международные судебные органы"](#)**DOI:**

10.25136/2644-5514.2024.3.71975

EDN:

KNJSKR

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2024

Дата публикации:

17-10-2024

Аннотация: Предметом исследования выступает особый процессуальный механизм установления обстоятельств совершения геноцида и иных преступлений против человечности в период функционирования различных тоталитарных режимов, широко использующих практику массового нарушения прав человека, идеологию исторической исключительности, разрушение институтов гражданского общества. Обычно речь идет о государствах, переживших диктатуру или войну, поэтому в центре судебного познания оказываются, в первую очередь, прецеденты грубых нарушений правил ведения войны, пытки, массовые казни, рабство. Декларируемые цели «правосудия переходного периода» состоят в реабилитации пострадавших от репрессий. Авторами проведено исследование деятельности специальных судебных присутствий и комиссий по установлению истины и примирению, обобщен медиативный опыт, реализованный в государствах Африки и Юго-Восточной Азии. В основе методологии исследования находятся принципы диалектического познания, а также широкий спектр общенаучных и частно-научных методов (анализ, синтез, правовая компаративистика). Совокупность этих методов позволила получить наукоемкие результаты, подтвержденные эмпирической базой, в основу которой положены конкретные прецеденты деятельности структур «правосудия переходного периода». Основные выводы исследования сконцентрированы вокруг особенностей предметной подсудности примирительных комиссий и трибуналов, охватывающей только акты насилия в отношении гражданского населения. Авторами впервые дана оценка эффективности деятельности этих учреждений в ряде государств. Различные методики, составляющие «правосудие переходного периода», обычно сочетают «исцеляющие» меры восстановительного правосудия (комиссии по установлению истины и примирению) и параллельную систему карательного правосудия (преимущественно в отношении лиц, несущих главную ответственность за самые серьезные преступления и непосредственных их исполнителей). В тексте статьи обосновано, что мероприятия, проводимые в рамках «правосудия переходного периода», направлены на реформирование социальных институтов посредством восстановления верховенства закона и обеспечение в перспективе функционирования конституционно учрежденных судебных органов.

Ключевые слова:

права человека, правосудие, международные судебные органы, примирительные комиссии, медиация, толерантность, преступления против человечности, геноцид, трибунал, судебное присутствие

С помощью термина «правосудие переходного периода» принято характеризовать механизм установления обстоятельств совершения преступлений против человечности в период функционирования различных тоталитарных режимов, в практике которых широко

распространены массовые нарушения прав человека, разрушение институтов гражданского общества и иные деструктивные явления, направленные на стигматизацию этнических, религиозных и иных меньшинств. После демонтажа этих режимов в результате государственного переворота, вооруженного конфликта или иных событий возникает необходимость реабилитации жертв репрессий и урегулирования иных негативных последствий. В центре ретроспективного судебного познания оказываются, в первую очередь, прецеденты грубых нарушений правил ведения войны, пытки, массовые казни, рабство. Осуществление уголовного преследования лиц, причастных к этим преступлениям, достаточно затруднительно, поскольку в период тоталитарного правления имеет место имитация законности таких действий, а кроме того, рядовые исполнители находятся под влиянием как субординации, так и страха за собственную жизнь, вследствие чего установить их вину зачастую невозможно. Организаторы геноцида и иных преступлений, напротив, не всегда оказываются досягаемыми для уголовного преследования, предпочитая скрываться в эмиграции или же выдвигая версии относительно собственной неосведомленности или непричастности к их совершению. Кроме того, установленное после свержения диктатуры гражданское согласие может оказаться хрупким и подверженным разрушению, поэтому «правосудие переходного периода» требует учета данных обстоятельств [\[1, с. 245-249\]](#).

Из этого следует, что в рамках осуществления «правосудия переходного периода» наиболее востребованными становятся те модели судебного разбирательства, которые уже функционируют в национальной правовой системе или же такие, которые учреждаются по соглашению между конкретным государством и Организацией Объединенных Наций. Именно гибридная модель международного уголовного правосудия представляется максимально эффективной, поскольку включает использование внутригосударственных ресурсов и устоявшегося международно-правового опыта. В таком случае содеянное виновными квалифицируется в соответствии с национальным уголовным законодательством и международными стандартами, сформированными в универсальной правозащитной системе.

«Правосудие переходного периода» и его отдельные учреждения уже были предметом научных исследований, опубликованных как российскими [\[2, с. 32-53; 3, с. 75-80; 4, с. 3-19\]](#), так и зарубежными авторами [\[5, с. 87-91\]](#). Признавая ценность полученных результатов для развития международного права, а также отраслевых юридических наук (уголовного права, уголовно-процессуального права), стоит обратить внимание на то, что конкретные прецеденты деятельности трибуналов, судебных присутствий, комиссий по примирению не подвергались комплексному анализу, выстроенному с учетом относительно большой страноведческой выборки. При этом дискуссионный характер носят выводы ученых, основанные на применении к институтам «правосудия переходного периода» сложившихся концепций отправления правосудия (функции судебной власти), поскольку национальные модели судебной власти в постконфликтных странах используются в таких случаях в экстраординарном режиме, реализуя нестандартные подходы к взаимодействию с гражданским обществом. В рамках настоящей статьи предполагается восполнить этот пробел.

«Правосудие переходного периода» имеет широкий спектр разноплановых задач, главными из которых является установление истинного характера исследуемых событий и национальное примирение. В этой связи структурами ООН практикуется учреждение примирительных комиссий, которые собирают фактологическую информацию и проверяют ее достоверность. Как правило, в этой деятельности принимают активное участие международные правозащитные организации, хотя их представители не всегда

способствуют восстановлению шкалы ценностей, основанной на уважении к праву, высказывая открытую поддержку одной из сторон конфликта [\[6, с. 87-103\]](#).

«Правосудие переходного периода» осуществляется в сложных условиях, складывающихся вследствие слабой развитости общественных институтов и низкого уровня авторитета судебных решений. Из этого следует, что для ликвидации последствий социальных конфликтов и достижения цели национального примирения необходимо проведение открытого судебного разбирательства, в ходе которого будет возможной дача юридической оценки событиям и фактам, относящимся к недавнему историческому прошлому. Осуществление судебного процесса в условиях состязательности и обеспечение равных прав стороне обвинения и стороне защиты, предъявление обвинений не только исполнителям, сколько организаторам массовых убийств и иных преступлений, исследование максимального объема информации, относящейся к инкриминируемым действиям, – необходимые и важные параметры, определяющие справедливость будущего приговора.

«Правосудие переходного периода» обладает некоторыми специфическими рисками, относящимися к обвинительному уклону. Во многих случаях деятельность гибридных судов или национальных судебных учреждений подвергается критике за действительную или мнимую тенденциозность выводов, заложенную тем обстоятельством, что разбирательство осуществляется при поддержке международного сообщества представителями той стороны гражданского конфликта, которая находится у власти. Однако это, скорее, оценочные суждения, основанные на аргументации по механизму «суд победителей над побежденными». Между тем, формализованный судебный процесс, очевидно, имеет преимущество над внесудебной расправой или же общественным осуждением событий, связанных с геноцидом и другими преступлениями против человечности. До начала процесса определяется применимое право, формируется объем обвинений, определяется круг лиц, деятельность которых будет исследована в судебном заседании. К сожалению, после окончания Второй мировой войны общество не достигло того уровня цивилизованности, который исключает тоталитарные практики, допускающие уничтожение инакомыслящих, захватнические войны, этнические и иные насильтственные конфликты. Но использование механизмов международного правосудия для их юридической оценки видится наиболее оптимальным вариантом, учитывающим интересы и граждан отдельного государства, и международного сообщества.

«Правосудие переходного периода» включает в себя судебные и внесудебные механизмы, в том числе преследование по закону, возмещение ущерба, установление истины, институциональные реформы. Данные направления деятельности курирует Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Декларируемые цели «правосудия переходного периода» состоят в том, чтобы одновременно восстановить достоинство пострадавших, постепенно сформировать взаимное доверие между противоборствовавшими группами и способствовать институциональным изменениям, необходимым для установления новых отношений среди населения, чтобы утвердилось верховенство закона в условиях отказа от практик, делающих возможной полную или частичную безнаказанность. Различные методики, составляющие «правосудие переходного периода», обычно сочетают «исцеляющие» меры восстановительного правосудия (комиссии по установлению истины и примирению) и параллельную систему карательного правосудия (преимущественно в отношении лиц, несущих главную ответственность за самые серьезные преступления и непосредственных их исполнителей). Кроме этого, мероприятия, проводимые в рамках «правосудия переходного периода», направлены на реформирование институтов общества посредством восстановления

верховенства закона и обеспечение в перспективе функционирования судебных органов. В то же время их цель состоит в том, чтобы преступления, совершенные в течение предыдущего периода, не остались безнаказанными.

Зарубежными учеными выделены следующие признаки «правосудия переходного периода»:

- исследование в рамках судебного процесса особо опасных нарушений прав человека, совершенных в период существования диктатуры или иного тоталитарного режима;
- обеспечение приоритета интересов жертв преступлений;
- ограничение обратной силы закона;
- сочетание восстановительных и карательных элементов [\[7, с. 225-263\]](#).

Под эгидой ООН были разработаны ключевые понятия, необходимые для восстановления гражданского согласия в постконфликтных обществах. Наиболее важными из них являются:

- господство права – принцип управления, в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека. Для его утверждения необходимы меры, обеспечивающие соблюдение принципов примата права, равенства перед законом, ответственности перед законом, беспристрастного применения законов, разделения властей, участия в принятии решений, правовой определенности, недопущения произвола и процессуальной и правовой транспарентности;
- правосудие – наивысшее выражение ответственности и справедливости в деле защиты и охраны прав и предупреждения нарушений и наказания за них. Правосудие предполагает уважение прав обвиняемых, интересов жертв и заботу о благополучии общества в целом;
- правосудие переходного периода – комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчетность, справедливость и примирение. К их числу могут относиться как судебные, так и несудебные механизмы с различной степенью международного участия (или вообще без такого), а также отдельные действия по судебному преследованию, возмещению ущерба, установлению фактов, институциональной реформе, предварительному обзору и прекращению дел либо сочетание вышеописанных действий.

Опыт учреждения специальных органов для осуществления «правосудия переходного периода» показывает, что в зависимости от социально-политической ситуации могут быть избраны следующие модели:

- учреждение специального суда (фактически – разновидности трибунала *ad hoc*, но с особенностями комплектования при участии судей, представляющих постконфликтное государство). Такой суд обладает автономией по сравнению с внутригосударственными судебными органами, может наделяться параллельной юрисдикцией и принимать к производству любое дело, относящееся к его подсудности, изымая его из производства

внутригосударственного суда, не находящегося с ним в инстанционных правоотношениях. Такой подход был использован при создании Специального суда по Сьерра-Леоне, устанавливавшего обстоятельства совершения военных преступлений и преступлений против человечности во время гражданской войны в этом государстве [\[8, с. 137-161\]](#);

- создание особых судебных присутствий, являющихся частью национальной судебной системы, по инициативе миссии ООН или временной администрации. Хотя к деятельности таких органов привлекаются судьи, представляющие постконфликтное государство, основную роль в оценке доказательств совершения преступлений, относящихся к юрисдикции таких судов, играют представители иностранных государств, обладающих более высоким профессионализмом и независимостью. Судебные коллегии уполномочиваются как на рассмотрение дел по существу, так и на апелляционный пересмотр постановленных приговоров. Такой способ осуществления правосудия был реализован в Восточном Тиморе, Камбодже, отчасти в Ираке, Косово, Восточной Боснии и Герцеговине, Ливане [\[9, с. 214-231\]](#).

Обе модели реализуются на основании соглашений, заключенных между ООН и правительством постконфликтного государства. Инициатива заключения соглашения принадлежит правительству, а в части случаев – проявляется Временной администрацией ООН, обладающей всей полнотой власти до полного завершения конфликта. Существенным элементом соглашения является определение даты, начиная с которой совершенные преступления против человечности, военные преступления и нарушения международного гуманитарного права становятся подсудными созданному трибуналу. При этом на примере процессов в отношении граждан Конго и Судана можно заключить, что этот механизм отличается большей простотой и удобством, нежели использование гибридных моделей международного правосудия. Необходимо упомянуть и о том, что подсудимые, дела в отношении которых рассматриваются гибридными трибуналами, эксплуатируют защитительную версию, основанную на представлении о тенденциозности деятельности трибунала и доводах об обвинительном уклоне.

В силу комплексного характера «правосудия переходного периода» оно имеет ряд отличий от традиционных механизмов правосудия, основанных на дифференциации досудебного и судебного производства по уголовному делу. Это понятие включает и непроцессуальную деятельность, итоги которой могут впоследствии изучаться в рамках судебного разбирательства. Указанная деятельность, согласно сложившейся практике структур ООН, реализуется через комиссии по установлению истины и примирению, учреждаемые в постконфликтных государствах [\[10, с. 99-105\]](#).

Процесс установления истины помогает постконфликтным государствам расследовать совершенные в прошлом нарушения прав человека. Он осуществляется комиссиями по установлению истины, комиссиями по расследованию или иными механизмами по установлению фактов. Комиссии по установлению истины представляют собой несудебные следственные органы, которые выявляют практику совершенных в прошлом систематических нарушений и выясняют причины и следствия этих разрушительных явлений. Комиссии по расследованию и другие органы по установлению фактов также имеют целью выяснить истинность утверждений, касающихся совершенных в прошлом нарушений прав человека, но функционируют в рамках более узких мандатов. Каждая комиссия по установлению истины является уникальным органом, созданным с учетом свойственного конкретному обществу контекста, и в основу ее формирования положены результаты национальных консультаций с привлечением пострадавших и организаций

гражданского общества. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека содействует разработке структуры и созданию комиссий по установлению истины, в том числе посредством ознакомления их с применимыми стандартами и передовым опытом. Оно также оказывает поддержку работе комиссий по расследованию и миссий по установлению фактов. Следует упомянуть о наиболее значимых элементах этой деятельности.

С июля 2008 года по июнь 2009 года УВКПЧ в сотрудничестве с Департаментом операций по поддержанию мира и Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) проводило работу по документированию серьезных нарушений прав человека и международного гуманитарного права, совершенных в Демократической Республике Конго в период с марта 1993 по июнь 2003 года. В результате этой работы выявлена система совершенных в прошлом нарушений прав человека, будут определены возможности судебных органов в деле борьбы с безнаказанностью и сформулированы рекомендации, нацеленные на обеспечение функционирования механизмов правосудия переходного периода. Как известно, некоторые полевые командиры и иные лица, причастные к совершению преступлений против гражданского населения в ДРК, предстали впоследствии перед Международным уголовным судом.

Соглашением о разделении власти 2008 г. в Кении предусмотрено создание Комиссии по расследованию обстоятельств насилия, совершенного после проведения выборов, и Комиссии по установлению истины, справедливости и примирению (КИСП). Первая из них в октябре 2008 г. опубликовала доклад, в котором документировались случаи насилия, совершенного после проведения выборов, и выносились рекомендации о создании специального трибунала и проведении всесторонней реформы полиции. В феврале 2009 г. парламент Кении отклонил законопроект о внесении в Конституцию поправки о создании специального трибунала. КИСП была законодательно учреждена в ноябре 2008 года.

В соответствии с всеобъемлющим мирным соглашением в Либерии предусмотрено создание Комиссии по установлению истины и примирению (КИП), которая была законодательно учреждена Национальным собранием в июне 2005 года. Секция по правам человека и защите Миссии Организации Объединенных Наций в Либерии (МООНЛ) поддерживала введение в силу Закона о Комиссии и участвовала в процессе подбора членов Комиссии посредством проведения информационно-просветительской работы и распространения бланков для выдвижения кандидатов. Был реализован проект по картированию конфликта, компилировавший 13 000 показаний свидетелей, которые были переданы Комиссии после ее создания в феврале 2006 г.

В Ломейском мирном соглашении 1999 года содержится положение, касающееся Комиссии по установлению истины и примирению в Сьерра-Леоне, которая была учреждена парламентом, принявшим соответствующий закон в феврале 2000 года. Впоследствии был учрежден специальный трибунал по Сьерра-Леоне, работавший до 2013 г.

В таких странах, как Афганистан и Сомали, создание комиссий по примирению в целом успеха не имело. Конфликты в этих государствах не завершились, и говорить о востребованности «правосудия переходного периода» в данный момент не представляется возможным. В Колумбии и Гватемале, где также происходили гражданские конфликты, примирение состоялось на основе внутренних правовых ресурсов, а юридическая оценка нарушений прав человека осталась в компетенции национальных судебных систем. В Колумбии в соответствии с Законом о справедливости

и мире были возбуждены дела в отношении 3 637 из 50 500 демобилизованных членов незаконных вооруженных формирований. Были предъявлены обвинения 73 членам Конгресса, 11 из которых были осуждены и 4 оправданы.

В Восточном Тиморе была реализована гибридная модель международного уголовного правосудия, в определенной степени имевшая экспериментальный характер. Временная администрация ООН в Восточном Тиморе лоббировала учреждение международного трибунала, но этого не произошло. Восточный Тимор не обладал ни развитым законодательством, ни независимой судебной системой. В 1975 г. его территория была аннексирована Индонезией, и в следующие 24 года жители острова подвергались насилию, казням, пыткам. Оккупация сопровождалась систематическими грубыми нарушениями прав человека жителей Тимора: массовыми убийствами, принудительными перемещениями, исчезновениями, высылкой за границу, ограничением передвижения, принудительными работами, произвольными арестами и содержанием под стражей, а также уголовными преследованиями за политическую деятельность. Одними из самых кровопролитных событий явились бомбардировка района Матебиан, приведшая к гибели десятков тысяч мирных жителей, массовые убийства в поселке Каарас в округе Викеке в 1983 г., когда в этом поселке были истреблены все взрослые мужчины и в живых были оставлены только женщины и дети, а также расправа в квартале Санта-Крус в Дили в 1991 году. Жертвами геноцида стало более 100 тысяч человек. В период с 1 января по 25 октября 1999 г. на территории Тимора был совершен ряд преступлений против человечности и военных преступлений, апогей которых имел место непосредственно после объявления результатов референдума, в ходе которого жители региона решительно отказались от интеграции с Индонезией.

В целях стабилизации обстановки и прекращения силовой борьбы за независимость Восточного Тимора от Индонезии туда был введен контингент миротворческих сил. Временная администрация ООН была наделена полномочиями по осуществлению законодательной, исполнительной и судебной власти, поэтому особые коллегии по тяжким преступлениям учреждались ее односторонним решением, принятым без переговоров и заключения соглашения между ООН и властями Восточного Тимора. Международная комиссия ООН по расследованию преступлений, совершенных военнослужащими индонезийской армии в период оккупации региона, собрала достаточное количество достоверных свидетельств, относящихся непосредственно к 1999 г., когда борьба за независимость обострилась. Представляется важным, что ряд опрошенных поименно указали лиц, причастных к убийствам, изнасилованиям и другим преступлениям. Часть этих субъектов являлись членами группировок, функционировавших при фактической поддержке оккупационных властей.

Всего было учреждено три коллегии: две в окружном суде г. Дили (столица Восточного Тимора) и одна в апелляционном суде округа Дили. В состав каждой входили двое иностранных судей и один судья из Восточного Тимора. При этом массовые убийства жителей Восточного Тимора индонезийскими военными фиксировались по всей территории региона. Предметная юрисдикция коллегий была определена во взаимосвязи со следующими преступлениями: геноцид, преступления против законов и обычаяев ведения войны, убийства, половые преступления, пытки, преступления против человечности. В период деятельности особых коллегий обвинения были выдвинуты в отношении 87 лиц, а еще 303 лицам обвинения предъявлялись заочно и не были рассмотрены в суде в связи с тем, что обвиняемые не находились на территории Тимора-Лешти. 85 подсудимых были признаны виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения, однако те, кто виновен в наиболее тяжких преступлениях, не

был и, вероятно, никогда не будет передан в руки правосудия.

Несколько иначе механизм осуществления «правосудия переходного периода» функционировал на территории африканского государства Сьерра-Леоне. Предметную подсудность Специального суда по Сьерра-Леоне составляли преступления против человечности, нарушения ст. 3 Женевских конвенций о защите жертв войны, другие серьезные нарушения международного гуманитарного права. В ст. 5 Соглашения была определена альтернативная подсудность Специальному суду по Сьерра-Леоне дел о преступлениях, ответственность за совершение которых регламентировалась национальными Законом о предотвращении жестокого обращения с детьми (1926 г.) и Законом об умышленном причинении вреда (1861 г.). Оба названных закона являлись частью национальной правовой системы Сьерра-Леоне и в этом качестве оказались в сфере применимого права. Обусловлено это тем, что в Сьерра-Леоне имел место вооруженный конфликт немеждународного характера (хотя фактически в его течение вмешивались иностранные государства, а экс-глава одного из них (Либерии) даже предстал перед Специальным судом).

В дополнение к перечисленным нормам, применимым при рассмотрении дел Специальным Судом по Сьерра-Леоне, ему разрешалось использовать национальный закон об уголовном процессе (1965 г.), а также правилами и процедурами, востребованными Международным трибуналом по Руанде, а при апелляционном пересмотре постановленных решений – также руководствоваться существующими решениями этого трибунала и Международного трибунала по бывшей Югославии. Правила процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по Руанде, существующие в момент учреждения Специального суда, применялись *mutatis mutandis* для проведения юридических процессов в Специальном суде. Судьи Специального суда могли вносить в правила процедуры и доказывания поправки или принимать дополнительные правила в том случае, когда применимые правила не регулировали или недостаточно регулировали какую-либо конкретную ситуацию. Впоследствии Специальный суд по Сьерра-Леоне вынес обвинительные приговоры в отношении 13 человек. Из них три человека умерли, и один скрывается от правосудия. Остальные девять человек, в том числе, бывший президент Либерии Чарльз Ганкей Тейлор, были осуждены и приговорены к лишению свободы на сроки от 15 до 52 лет. Большинство подсудимых признало вину, однако Тейлор вину не признал, причастность к финансированию группировок и организации насильственных преступлений в отношении гражданского населения отрицал. Во время процесса были допрошены около ста свидетелей, и их показания стали важными доказательствами его осведомленности о совершении таких преступлений и совершении ряда организаторских действий.

На примере деятельности Специального суда по Сьерра-Леоне можно видеть, что гибридный трибунал, не встроенный в национальную судебную систему, но занимающий в ней особое положение, обладает возможностями для эффективного осуществления правосудия. В частности, может дать верную юридическую оценку действиям нескольких сторон конфликта, особенно когда они совпадают до степени смешения, сопровождаясь актами насилия в отношении гражданского населения. В определенной степени гибридная модель, апробированная в Сьерра-Леоне, способствовала и реинтеграции бывших участников конфликта в мирную жизнь.

Обобщив практику осуществления «правосудия переходного периода», можно заключить, что, кроме юридической функции, оно имеет два важных гуманитарных направления деятельности: поддержание хрупкого гражданского согласия в постконфликтных обществах и восстановление доверия граждан к органам

государственной власти. Активное участие в деятельности примирительных комиссий и судебных присутствий представителей международных организаций является важной гарантией ее беспристрастности. Использование в качестве применимого права нормативных актов, входящих в правовую систему таких государств, выступает условием справедливой правовой оценки преступлений, совершенных в период вооруженного конфликта.

Библиография

1. Питулько, К. В. Международное уголовное право и процесс : учебник. М: КноРус, 2023.
2. Бурмагин С. В. О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // Правоведение. 2018. № 1. С. 32-53.
3. Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал 2005. № 1. С. 75-80.
4. Джерыкин И.В. Правосудие переходного периода в контексте проблемы ответственности несовершеннолетних за военные преступления // Universum Juris. 2021. № 1. С. 3-19.
5. Олсон Л. Механизмы, дополняющие судебное преследование // Международный журнал Красного креста. 2002. № 845. С. 87-91.
6. Бектиимирова Н.Н. Международный трибунал над «красными кхмерами» как механизм реализации правосудия переходного периода // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 87-103.
7. Соттас Э. Правосудие переходного периода и санкции // Международный журнал Красного креста. 2008. Т. 90. № 870. С. 225-263.
8. Уильямсон Д.А. Обзор международных органов правосудия, действующих в Африке // Международный журнал Красного креста. 2006. Т. 88. № 861. С. 137-161.
9. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в большую политику // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13. С. 214-231.
10. Шипилов А.Ю. Вмешательство Ч. Тейлора в гражданскую войну в Сьерра-Леоне (по материалам Специального суда по Сьерра-Леоне) // Кунсткамера. 2019. № 4. С. 99-105.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема «правосудия переходного периода». Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "С помощью термина «правосудие переходного периода» принято характеризовать механизм установления обстоятельств совершения преступлений против человечности в период функционирования различных тоталитарных режимов, в практике которых широко распространены массовые нарушения прав человека, разрушение институтов гражданского общества и иные деструктивные явления, направленные на стигматизацию этнических, религиозных и иных меньшинств. После демонтажа этих режимов в результате государственного переворота, вооруженного конфликта или иных событий возникает необходимость реабилитации жертв репрессий и урегулирования

иных негативных последствий. В центре ретроспективного судебного познания оказываются, в первую очередь, прецеденты грубых нарушений правил ведения войны, пытки, массовые казни, рабство. Осуществление уголовного преследования лиц, причастных к этим преступлениям, достаточно затруднительно, поскольку в период тоталитарного правления имеет место имитация законности таких действий, а кроме того, рядовые исполнители находятся под влиянием как субординации, так и страха за собственную жизнь, вследствие чего установить их вину зачастую невозможно. Организаторы геноцида и иных преступлений, напротив, не всегда оказываются досягаемыми для уголовного преследования, предпочитая скрываться в эмиграции или же выдвигая версии относительно собственной неосведомленности или непричастности к их совершению. Кроме того, установленное после свержения диктатуры гражданское согласие может оказаться хрупким и подверженным разрушению, поэтому «правосудие переходного периода» требует учета данных обстоятельств [1, с. 245-249]". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "«Правосудие переходного периода» обладает некоторыми специфическими рисками, относящимися к обвинительному уклону. Во многих случаях деятельность гибридных судов или национальных судебных учреждений подвергается критике за действительную или мнимую тенденциозность выводов, заложенную тем обстоятельством, что разбирательство осуществляется при поддержке международного сообщества представителями той стороны гражданского конфликта, которая находится у власти. Однако это, скорее, оценочные суждения, основанные на аргументации по механизму «суд победителей над побежденными». Между тем, формализованный судебный процесс, очевидно, имеет преимущество над внесудебной расправой или же общественным осуждением событий, связанных с геноцидом и другими преступлениями против человечности"; "На примере деятельности Специального суда по Сьерра-Леоне можно видеть, что гибридный трибунал, не встроенный в национальную судебную систему, но занимающий в ней особое положение, обладает возможностями для эффективного осуществления правосудия. В частности, может дать верную юридическую оценку действиям нескольких сторон конфликта, особенно когда они совпадают до степени смешения, сопровождаясь актами насилия в отношении гражданского населения. В определенной степени гибридная модель, апробированная в Сьерра-Леоне, способствовала и реинтеграции бывших участников конфликта в мирную жизнь" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи автор дает общую характеристику проблеме «правосудия переходного периода». В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков общего характера.

Библиография исследования представлена 6 источниками (научными статьями и учебником). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Таким образом, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд источников исключительно в подтверждение своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений

работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Обобщив практику осуществления «правосудия переходного периода», можно заключить, что, кроме юридической функции, оно имеет два важных гуманитарных направления деятельности: поддержание хрупкого гражданского согласия в постконфликтных обществах и восстановление доверия граждан к органам государственной власти. Активное участие в деятельности примирительных комиссий и судебных присутствий представителей международных организаций является важной гарантией ее беспристрастности. Использование в качестве применимого права нормативных актов, входящих в правовую систему таких государств, выступает условием справедливой правовой оценки преступлений, совершенных в период вооруженного конфликта"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье ««Правосудие переходного периода»: общая характеристика» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере осуществления международного уголовного правосудия.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные (такие как: диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной: ««правосудие переходного периода» осуществляется в сложных условиях, складывающихся вследствие слабой развитости общественных институтов и низкого уровня авторитета судебных решений». Автор верно отмечает, что «...использование механизмов международного правосудия для их юридической оценки видится наиболее оптимальным вариантом, учитывающим интересы и граждан отдельного государства, и международного сообщества». Можно согласиться с утверждением, что «в силу комплексного характера «правосудия переходного периода» оно имеет ряд отличий от традиционных механизмов правосудия, основанных на дифференциации досудебного и судебного производства по уголовному делу. Это понятие включает и непроцессуальную деятельность, итоги которой могут впоследствии изучаться в рамках судебного разбирательства». Все эти обстоятельства подтверждают важность доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования современного права и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, можно отметить,

что и в этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной: например, «... гибридный трибунал, не встроенный в национальную судебную систему, но занимающий в ней особое положение, обладает возможностями для эффективного осуществления правосудия. В частности, может дать верную юридическую оценку действиям нескольких сторон конфликта, особенно когда они совпадают до степени смешения, сопровождаясь актами насилия в отношении гражданского населения». Автором представлены и другие заслуживающие внимания результаты исследования. Данная статья отличается научной новизной и может быть расценена как вклад в науку. Стиль, структура, содержание. Статья написана с использованием специальной юридической терминологии. В качестве замечания технического характера можно отметить, что не все аббревиатуры автором разъяснены при первом упоминании. Соблюдаены требованиям по объему статьи. Содержание статьи соответствует ее названию. Статья логически структурирована, включает в себя введение, в котором обоснована актуальность темы исследования, основную часть и заключение, где сделаны выводы по результатам исследования. Тема раскрыта. Материал изложен последовательно и ясно. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из практики. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников, мало ссылок на публикации последних лет. Представляется, что некорректно использовать для научной публикации в качестве источников учебники и учебные пособия. Предлагается скорректировать и актуализировать список библиографии. Имеющиеся ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье содержатся ссылки на мнения других специалистов. По дискуссионным вопросам представлена авторская позиция.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья ««Правосудие переходного периода»: общая характеристика» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку отвечает установленным требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной, а также имеет практическую значимость. Публикация по данной теме может представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области международного права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Проблемы и перспективы научно-технологического сотрудничества России и Индии в современных условиях: международно-правовое измерение // Международное право. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.72085 EDN: XGTSTF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72085

Проблемы и перспективы научно-технологического сотрудничества России и Индии в современных условиях: международно-правовое измерение**Шугуров Марк Владимирович**

ORCID: 0000-0003-3604-3961

доктор философских наук

профессор; кафедра международного права; Саратовская государственная юридическая академия

410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

✉ shugurovs@mail.ru

Печатнова Юлия Вадимовна

аспирант; кафедра теории и истории государства и права; Алтайский государственный университет

656049, Россия, г. Барнаул, Социалистический пр-т, 68

✉ jp_0707@mail.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)**DOI:**

10.25136/2644-5514.2024.3.72085

EDN:

XGTSTF

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2024

Дата публикации:

29-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является активизация сотрудничества России и Индии в сфере науки, технологий и инноваций в контексте реагирования на

антироссийские санкции в отношении российской науки. Цель статьи заключается в определении инициативных направлений научно-технологического взаимодействия двух стран в современных условиях, которые позволяют эффективным образом реализовать положения, образующие собой системную правовую базу двустороннего сотрудничества. В статье показано, что инициатором активизации сотрудничества выступает Россия, намеревающаяся восполнить ущерб от потери институциональных связей с некоторыми основными государствами-партнерами в научной сфере. Авторы подробно останавливаются на характеристике механизма правового регулирования российско-индийского научно-технологического сотрудничества как с точки зрения его исторического становления, так и сквозь призму его соответствия современным потребностям активизации двустороннего сотрудничества. В процессе достижения цели исследования и решения поставленных задач авторы использовали следующие методы и подходы: историко-правовой метод, метод прогнозирования, формально-догматический метод, системный подход, метод моделирования. Авторы статьи пришли к выводу о том, что действие развитого международно-правового механизма регулирования МНТС двух стран стало основой успехов, достигнутых в многолетнем сотрудничестве. Данный механизм сочетает в себя реализацию положений межправительственных двусторонних соглашений (вертикальный уровень), а также положений соглашений, заключенных между российскими и индийскими учреждениями научно-образовательной сферы (горизонтальный уровень). Направления сотрудничества и перспективы его регулирования задают политico-правовые документы стратегического характера (декларации, заявления, меморандумы). Все это дополнено использованием программного метода, который создает условия для реализации соответствующих международно-правовых обязательств. Организационный механизм представлен межправительственными структурами. Вместе с тем, в настоящее время данное сотрудничество по своему объему не столь значительно, а положения политico-правовых документов подчас имеют характер декларативных намерений, которые пока не воплощаются в широком объеме конкретных научных проектов. Новизна статьи заключается в осмыслении перспектив российско-индийского МНТС сквозь призму решения задачи активизации участия России в сотрудничестве в географических направлениях, не осложненных санкциями.

Ключевые слова:

научно-технологическое сотрудничество, антироссийские санкции, российско-индийское сотрудничество, стратегическое партнерство, инновации, совместные проекты, академический обмен, финансирование исследований, взаимный интерес, трансфер технологий

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>

Введение

Осложнения в сфере участия России в международном научно-технологическом сотрудничестве (далее – МНТС), вызванные введением беспрецедентных экономических и связанных с ними научных санкций, побуждают нашу страну активизировать научные связи в географических направлениях, которые не затронуты прессингом санкционного давления. Существенной компенсацией негативных последствий приостановки действия соответствующих соглашений, а также институциональных разрывов в международном

сотрудничество в научно-технической сфере, которые были предприняты западными государствами, их университетами, научными центрами и академическими ассоциациями, стала интенсификация сотрудничества России с государствами Азии.

Усиление внимания к государствам Азии в рамках общего курса поворота на Восток произошло в период введения первых пакетов антироссийских санкций. Беспрецедентный шквал антироссийских санкций 2022 года стал своего рода драйвером перехода от риторики поворота на Восток к реальной практике выстраивания новых форматов внешнеполитических связей. Вполне заметно, что расширение экономических связей с государствами данного региона сопряжено с расширением и углублением научно-технологического сотрудничества, в сфере которого до этого уже был накоплен существенный задел и получены значимые результаты.

К одному из государств, экономические отношения и научно-технологические связи с которым претерпели в последнее время существенную актуализацию, относится Индия, являющаяся на сегодняшний день одним из перспективных полюсов глобального экономического и научно-технологического развития. Как верно отмечает А.В. Куприянов, «санкции, наложенные западными странами на Россию, представляют для нее серьезный вызов, вынуждая искать союзников на Востоке. Одним из них является Индия – традиционный российский партнер в Южной Азии, зона интересов которого постоянно расширяется» [\[1, с. 131\]](#).

Как таковое, российско-индийское сотрудничество, основанное на традиционно дружественных отношениях, представлено широким спектром направлений в различных сферах экономики, науки и культуры (Г. Иващенко Успехи и перспективы российско-индийских отношений (16.01.2020) (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uspekh-i-perspektivy-rossiysko-indiyskikh-otnosheniy/>)), [\[2\]](#)). Новый виток развития многоплановых российско-индийских отношений в 2022–2024 гг. является продолжением прежней активизации сотрудничества двух стран в высокотехнологичных отраслях в русле российской политики импортозамещения [\[3\]](#), а также в общем контексте инициатив по углублению контактов с дружественными государствами в условиях определенного ослабления влияния на них со стороны США.

Несмотря на то, что наши страны на сегодняшний не относятся к числу основных партнеров в научно-технологической сфере, их заинтересованность друг в друге не вызывает сомнений, тем более МНТС было и остается инструментом достижения глобальной конкурентоспособности государств [\[4\]](#). Инициатором активизации сотрудничества выступает Россия, намеревающаяся восполнить ущерб от потери институциональных связей с некоторыми основными государствами-партнерами в научной сфере. С учетом того, что Индия на данный момент достигла серьезных результатов по целому ряду направлений науки, технологий и инноваций (далее – НТИ), российской стороной предпринята целая серия инициатив по переходу к качественно новому уровню научно-технологического сотрудничества с Индией, которая также демонстрирует свою заинтересованность в нем.

Представление о том, что Россия и Индия являются стратегическими партнерами в научно-технологической сфере, является скорее стратегическим ориентиром, нежели констатацией реального положения дел. Его реализация на практике предполагает усиление интенсивности и расширение направлений научно-технологического сотрудничества. В свою очередь, решение данной задачи требует обеспечения перехода к качественно новому уровню связанности в рамках торгово-экономических и

производственных отношений. Политическая основа осуществления скачка в двусторонних отношениях – особо привилегированное стратегическое партнерство двух стран, которое одновременно предполагает установку на формирование модели полицентричного мира.

Общий контекст взаимного притяжения – стремление занять достойное место в процессе перехода к Индустрии 4.0 и усилить свои конкурентные преимущества. Одновременно с этим вполне заметны и прагматические интенции. Для России – это стремление сохранить и усилить свой научно-технологический потенциал, а также расширить направления внешнеэкономических связей, которые пострадали от масштабных санкций, в том числе в научно-технологической сфере. Для Индии – это стремление как можно более эффективно использовать для своей выгоды ситуацию, в которой оказалась Россия, являющаяся ее стратегическим партнером, в том числе ключевым партнером по линии БРИКС. Важнейшей предпосылкой перехода научно-технологического сотрудничества на новый уровень, который обеспечивает лидерство в «отраслях будущего», является укрепление политической связанности двух государств, а также развитие диалога не только между представителями академической сферы, но и представителями бизнес-сообществ двух стран.

В свете сказанного цель статьи заключается в выявлении инициативных направлений активизации научно-технологического взаимодействия России и Индии в современных условиях, которые внесут вклад в эффективную реализацию положений, образующих системную правовую базу двустороннего сотрудничества в сфере НТИ.

В число задач данного исследования входит следующее:

- систематизация правовых и политико-правовых основ российско-индийского МНТС;
- анализ достижений и проблем российско-индийского МНТС;
- рассмотрение текущих инициатив, нацеленных на расширение и углубление российско-индийского МНТС в условиях антироссийских санкций в отношении России.

В процессе достижения цели исследования и решения поставленных задач авторы использовали следующие методы и подходы: историко-правовой метод, метод прогнозирования, формально-догматический метод, системный подход, метод моделирования.

1.Правовые, политico-правовые и организационные основы научно-технологического сотрудничества России и Индии

Научно-технологическое сотрудничество России и Индии, тесно связанное с торгово-экономическими отношениями, представляет собой сферу двусторонних связей, которая включает в себя широкий спектр направлений (ИКТ, физика высоких энергий, возобновляемая энергетика, биотехнологии, медицинские науки, метеорология и т.д.). Как и экономическое взаимодействие, в историческом аспекте оно во многом определяется потребностями двух стран и зависит от текущей геополитической ситуации. Особенностью действия фактора геополитической ситуации, как в прошлом, так и в настоящем, является то, что он воздействует преимущественно на интенсивность российско-индийских связей, не оказывая сколь-нибудь значимого воздействия на изначальную предрасположенность и симпатию двух стран друг к другу. Поэтому сущностная основа их отношений, которая была заложена в свое время в эпоху СССР и далее укреплялась в постсоветский период, служит залогом расширения перспектив

двустороннего сотрудничества [5], в том числе в научно-технологической сфере, определяющей, как известно, уровень и темпы экономического и социального развития. Как бы то ни было, активизацию научно-технологического сотрудничества двух стран в современных условиях следует понимать не в качестве некоторого оживления «поникших» связей, а как их перевод на качественно новый уровень. Данный тезис можно обосновать рассмотрением российско-индийского научно-технического сотрудничества и его результатов.

Вполне логично начать с того, что важным фактором продуктивного взаимодействия двух стран в сфере НТИ является высокая степень институционализации их связей. Соответствующие правовые и организационные основы возникли еще в СССР и нашли свое дальнейшее развитие в постсоветский период. В результате сформировалась надежная платформа для «состыковки» всех заинтересованных сторон из обеих стран (университетов, научных центров, академий наук, инновационных компаний).

После Второй мировой войны СССР стал активным поставщиком на индийские рынки высокотехнологичной продукции, преимущественно военно-технического снаряжения [6]. Помимо этого, активно развивались советско-индийские отношения в сфере культуры, науки и образования (ст. 7 Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индия от 9 августа 1971 года (Нью-Дели, 9 августа 1971 года) (<https://docs.cntd.ru/document/1901358>)).

Кульминация сотрудничества приходится на конец 80-х гг. XX века. Это стало итогом реализации решений, принятых на высшем уровне. Научно-техническое сотрудничество России и Индии получило правовое оформление в 1987 году путем заключения Соглашения о Комплексной долгосрочной программе научно-технического сотрудничества между СССР и Индией от 3 июля 1987 года. Программа предусматривала поощрение прямых контактов между учеными и учреждениями, выполнение совместных проектов, результаты которых подлежат промышленному применению и коммерческому использованию. В целях обеспечения реализации Программы был учрежден Совместный совет. К результатам российско-индийского сотрудничества в данный период следует отнести разработку первой в Индии вакцины против полиомиелита и создание компании Bharat Immunological and Biologicals Corporation Ltd (BIBCOL) для ее производства.

В 1980-х годах в силу сложностей импорта стратегических передовых технологий индийское правительство осуществляло политику, направленную на достижение технологической самодостаточности посредством разработки и продвижения местных технологий, о чем провозглашалось в Заявлении о технологической политике 1983 года (Government of India Technology Policy Statement (January 1983) (<https://indiabioscience.org/media/articles/TPS-1983.pdf>)). Это привело к созданию Фонда развития технологий и Совета по технологиям, прогнозированию информации и оценке (TIFAC). Для достижения целей повышения технологической компетентности произошло расширение поддержки массового образования и научных исследований в вузах. В целях развития научно-технологического потенциала предполагалось развитие отношений с СССР в различных предметных технологических сферах. Так, в рамках Межгосударственного соглашения от 20 ноября 1988 года стороны договорились о строительстве первой индийской АЭС (Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией о сотрудничестве в сооружении в Индии атомной электростанции (Нью-Дели, 20 ноября 1988 г.) https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49032/)).

В 90-х годах ХХ века потенциал российско-индийских отношений некоторое время оказался не реализованным. Процесс восстановления динамики двухсторонних отношений продолжился до второй половины 1990-х гг. В этот период происходило формирование новых правовых и организационных основ, призванных обеспечить новый виток научно-технологического сотрудничества на основе постепенного восстановления прежнего уровня доверия [7].

В 1993 году был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией (Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией (Нью-Дели, 28 января 1993 г.) (<https://docs.cntd.ru/document/901884900>)), который продолжал традиции двустороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией от 9 августа 1971 года. Статья 7 Договора 1993 года закрепляла обязательство Высоких Договаривающихся Сторон оказывать содействие друг другу в развитии взаимовыгодного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

Правовую основу для развития двустороннего сотрудничества между Россией и Индией в рассматриваемой сфере устанавливает Межправительственное российско-индийское соглашение о научно-техническом сотрудничестве 1994 года (Межправительственное российско-индийское соглашение о научно-техническом сотрудничестве от 30 июня 1994 года (<https://docs.cntd.ru/document/901878297>)). Соглашение было заключено сроком на десять лет и в последующем автоматически продлевалось. Оно остается действующим и в настоящее время. Приоритетными направлениями сотрудничества, установленными в соглашении, являются фундаментальные и прикладные исследования в области естественных наук, промышленные исследования и новые технологии (ст. 2).

Согласно условиям соглашения, Россия и Индия обязуются содействовать научно-техническому развитию путем обмена научными кадрами, передачи научного опыта, организации совместных научно-технических мероприятий, проведения совместной научно-исследовательской работы, создания исследовательских центров и научных лабораторий, а также иных форм научно-технического сотрудничества (ст. 4). Таким образом, в соглашении нашли свое закрепление ключевые формы сотрудничества, которые подробно исследуются в специальной литературе [8].

Рассматриваемое соглашение также заложило институциональную основу сотрудничества, необходимую для реализации предусмотренных в нем положений. Согласно ст. 5 координацию и оценку совместной деятельности осуществляют российско-индийская Рабочая группа по научно-техническому сотрудничеству, действующая в рамках российско-индийской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. За соблюдение, координацию и исполнение соглашения отвечают Министерство науки и технической политики Российской Федерации (ныне Министерство науки и высшего образования – прим. авторов), а также Министерство науки и технологий Республики Индия, а в его составе Департамент науки и технологий Министерства науки и технологий Индии (далее – DST) (Department of Science and Technology, Government of India (<https://dst.gov.in/>)). Статья 6 предусматривает учреждение совместного российско-индийского комитета для рассмотрения и принятия решений по вопросам охраны и использования интеллектуальной и промышленной собственности. Во исполнение Соглашения 1994 года был подписан Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Индии об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность (Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Индии об охране и

использовании прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о научно-техническом сотрудничестве от 30 июня 1994 года (Нью-Дели, 4 декабря 2022 года) (<https://docs.cntd.ru/document/901866487>). Протокол устанавливает правовое регулирование отношений по созданию, передаче и охране прав на результаты интеллектуальной деятельности в рамках совместной научно-технической деятельности и коммерциализации ее результатов.

Новый импульс сотрудничеству двух стран придали положения Совместного документа о развитии торгового, экономического, промышленного, финансового и научно-технического сотрудничества от 21 декабря 1998 г. (Постановление Правительства РФ от 2 февраля 1998 г. № 115 «О проекте Совместного документа о развитии торгового, экономического, промышленного, финансового и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индия в 1998-2010 годах» (<https://base.garant.ru/2558460/>)). В разделе IV «Научно-техническое сотрудничество» стороны выразили намерение поощрять действия организаций двух стран в целях более эффективного использования научно-технических возможностей для решения актуальных научных и технических проблем, представляющих взаимный интерес, а также обеспечения более стабильного развития торгово-экономических связей между странами. В качестве направлений взаимодействия выделено следующее: развитие сотрудничества в различных областях с учетом имеющихся в странах приоритетов и конкретных задач; создание благоприятных условий для развития и расширения сфер научно-технического сотрудничества; стимулирование прямых связей между научными организациями Сторон; создание совместных исследовательских организаций; использование новых форм сотрудничества.

В 2000 году отношения между Индией и Россией приобрели характер стратегического партнерства. В Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 3 октября 2000 года (Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией (Дели, 3 октября 2000 г.) (<https://docs.cntd.ru/document/901783728>)) в качестве одного из направлений было выделено сотрудничество в сфере науки и техники, включая поощрение сложившихся и новых форм сотрудничества в фундаментальных и прикладных научных исследованиях, расширение обмена учеными и научной информацией, установление прямых связей между научно-исследовательскими учреждениями/высшими учебными заведениями. К тематическим направлениям было отнесено сотрудничество в таких областях, как океанология, сельскохозяйственные науки, медицинские науки и биотехнология, экологически чистые технологии, метеорология, стандартизация, метрология и сертификация продукции обеих стран, использование атомной энергии и космического пространства в мирных целях. В дополнение к этому акцент поставлен на совместном изыскании возможностей коммерческого применения результатов научно-технических исследований и конструкторских разработок.

Как отмечают индийские авторы, «оценивая раздел стратегического и политического измерения Индии и России, нет необходимости в каком-либо объяснении того, что две страны стали ближе друг к другу, по крайней мере, по сравнению с периодом холодной войны, поскольку сегодняшние отношения базируются на чувстве паритета, а не на чувстве чрезмерной независимости Индии от России...» [\[9, р. 1238\]](#).

Важным документом политического характера, который призван стимулировать российско-индийское научно-технологическое сотрудничество, стала Совместная

декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества от 4 декабря 2002 года (Совместная декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества (Дели, 4 декабря 2002 года) (<http://www.kremlin.ru/supplement/3548>)). Данный документ акцентирует внимание, прежде всего, на наращивании экономического потенциала государств, а также на развитии и укреплении рыночной экономики. Иными словами, научно-технологическое сотрудничество было преподнесено в единстве с экономическим сотрудничеством. В п. 4 Заявления подчеркивалось, что «несмотря на определенный прогресс в данном направлении благодаря росту двусторонних инвестиций и деловых обменов, огромный потенциал экономического сотрудничества реализован далеко не полностью и значительно отстает от высокого уровня политических отношений между двумя государствами» (Там же). С учетом данных обстоятельств особое внимание стороны решили сосредоточить на подъеме двусторонних экономических отношений посредством реализации целой системы мер, которые были предусмотрены в п. 7.

Что касается научно-технологической сферы взаимодействия, то в п. 15 констатировалось, что между двумя странами существует давняя традиция и налаженное плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество в области науки и технологий, а особенно в таких перспективных областях, как телекоммуникации, компьютеризация, информационные технологии и исследование космического пространства. Данное направление было решено и далее развивать с особым упором на создание условий для полноценной коммерциализации ключевых технологий в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями. В свою очередь предполагалось усиление внимания к высокотехнологичным и передовым областям исследований, а также их практическому применению.

В Совместном заявлении лидеров двух стран 2010 года (Совместное заявление: Десятилетие стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия и перспективы его развития (21 декабря 2010 года) (<http://special.kremlin.ru/supplement/825>)) был зафиксирован переход отношений между двумя государствами на уровень особо привилегированного стратегического партнерства. В п. 6 Заявления Стороны указали на совпадение понимания разработки новых инновационных технологий в качестве ключевого звена в осуществлении программ экономической модернизации национальной экономики. В соответствии с этим, была запланирована разработка программ взаимодействия, которые опирались бы на существующие связи между российскими и индийскими научными учреждениями и развивали бы далее имеющийся задел.

В 2018 году во время визита Президента России в Индию обе стороны заявили о необходимости расширения сотрудничества в области науки и технологий и приветствовали успешное проведение встречи 10-й российско-индийской Рабочей группы по науке и технологиям («Россия – Индия: надежное партнерство в меняющемся мире». Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Республики Индии Н. Моди (Дели, 5 октября 2018 года) (<http://www.kremlin.ru/supplement/5343>)). Стороны договорились придать импульс кооперации на основе Комплексной долгосрочной программы сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия в области НТИ путем разработки дорожной карты для укрепления связей между различными лабораториями, научными сообществами, университетами, учреждениями и организациями России и Индии по приоритетным направлениям научно-технического взаимодействия.

Как и в остальных областях международного сотрудничества, важным инструментом регулирования научно-технологических связей России и Индии является программный метод. Основным программным механизмом реализации научно-технического сотрудничества для развития совместных фундаментальных и прикладных исследований, создания новейших технологий и совместных производств, стала уникальная по своим масштабам и многогранности Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества между Россией и Индией (Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2000 г. № 733 (г. Москва) «О подписании Комплексной долгосрочной программы научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индия» (http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102067689) (далее – Комплексная программа). В определенном смысле она явилась развитием Комплексной долгосрочной программы научно-технического сотрудничества между СССР и Республикой Индией от 3 июля 1987 года. К целям сотрудничества отнесено проведение совместных исследований по перспективным направлениям фундаментальных и прикладных наук для решения актуальных научных и технических проблем, представляющих взаимный интерес; разработка и промышленное освоение результатов научно-технического взаимодействия, таких как технологии, новые приборы, оборудование и материалы; содействие развитию промышленного и экономического сотрудничества. В формулировке целей вполне прослеживается отражение приоритетных направлений сотрудничества, закрепленных в Соглашении 1994 года. По сравнению с Соглашением вполне заметно расширение областей сотрудничества (математика; теоретическая и прикладная механика; науки о Земле; физика и астрофизика; экология и охрана окружающей среды; химические науки; науки о жизни). Результаты, запланированные к внедрению в производственном секторе, относятся к весьма широкому перечню областей знаний, таких как биотехнология и иммунология; материаловедение; лазерная наука и техника; катализ; космическая наука и техника; ускорители и их применение; гидрология; вычислительная техника и электроника; биомедицинские науки и технологии; океанология и ресурсы океана; технические науки. В свою очередь в программе содержится политическое обязательство Сторон по всемерному содействию созданию условий для совместной коммерциализации результатов научных исследований и разработок, формирования механизма взаимодействия в области технологического обмена.

Что касается форм сотрудничества, то в разделе III представлен их предельно объемный перечень (обмен научно-технической информацией; краткосрочные и долгосрочные (более 3-х месяцев) обмены визитами и стажировками ученых и специалистов в научно-исследовательских центрах, высших учебных заведениях и академиях наук государств Сторон для осуществления научной работы; организация совместных семинаров, симпозиумов, конференций и выставок по вопросам, представляющим взаимный интерес; осуществление совместных научных и технологических исследований и разработок; создание совместных научно-исследовательских центров и конструкторских бюро, лабораторий и научных коллективов; обмен технологиями и ноу-хау; использование результатов совместных исследований и разработок, включая создание совместных высокотехнологичных предприятий в Российской Федерации и Республике Индия; другие согласованные формы).

В отличие от Соглашения в п. 2 данного раздела определяется порядок финансирования сотрудничества в соответствии с законами, правилами и процедурами каждой из стран.

В качестве институциональной основы реализации Комплексной программы учрежден совместный Российско-Индийский совет, задачами которого является рассмотрение и

согласование рекомендаций и предложений по вопросам, связанных с созданием наиболее благоприятных условий для осуществления сотрудничества; определение организационных и финансовых условий обмена учеными; изменение областей научно-технического сотрудничества в рамках Программы; утверждение координаторов деятельности в различных областях сотрудничества, определение и утверждение тематики научно-технических проектов и финансовых условий их реализации. Совместный совет подотчетен Межправительственной Российской-Индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству о результатах своей деятельности. Как показывает статистика, в выполнении этой программы приняли участие 71 институт из России и 55 институт и лабораторий из Индии (Бокова Т. Будущее инноваций: российско-индийское партнерство в науке и технологиях (02.05.2024) (<https://infobrics.org/post/41081/>)).

В 2010 году программа была продлена еще на десять лет, а именно до 2020 года (Комплексная долгосрочная программа сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия (Нью-Дели 21 декабря 2010 года) (утратили силу 31.12.2020 г.) (<https://docs.cntd.ru/document/902264225>)). Документ исходил из признания растущего значения науки и техники для социально-экономического развития обеих стран. К основной задаче программы отнесено повышение роли прикладных разработок, активизация взаимодействия в области высоких технологий, реализация фундаментальных и прикладных исследований с целью создания на их базе новых технологий, оборудования и материалов.

Если рассматривать цели сотрудничества, то, в принципе, они идентичны формулировкам предшествующей версии Программы. К таковым отнесено проведение совместных исследований по перспективным направлениям инновационных исследований и разработок для решения актуальных научных и технологических проблем, представляющих взаимный интерес; промышленное освоение результатов научно-технического взаимодействия; содействие развитию экономического и промышленного сотрудничества. В данных формулировках со всей очевидностью прослеживается единство научно-технологического, экономического и промышленного сотрудничества. Что касается областей сотрудничества, направленных на внедрение его результатов, а также областей фундаментальных наук, то они остались прежними (Раздел II «Области сотрудничества»). То же можно сказать и в отношении форм сотрудничества (Раздел III «Формы сотрудничества»). Одновременно с этим прослеживается значимый акцент на содействии созданию условий для совместной коммерциализации результатов научных исследований и разработок, формированию механизма взаимодействия в области передачи технологий.

Новым моментом является поощрение взаимного участия в крупных прикладных программах, влияющих на социально-экономический прогресс Российской Федерации и Республики Индия. Стороны высказали намерение предпринять необходимые шаги для выполнения совместных мега-проектов во взаимно согласованных социально-экономически важных областях, таких как устойчивая энергетика, доступное здравоохранение, информатика и информатизация.

Как и ранее, Стороны решили создать совместный Российско-Индийский совет по реализации Программы, задачами которого является следующее: рассмотрение и согласование рекомендаций и предложений по вопросам, связанным с созданием наиболее благоприятных условий для осуществления сотрудничества; определение организационных и финансовых условий обмена учеными и специалистами; утверждение

форм совместной деятельности (научно-исследовательские проекты, семинары, выставки, демонстрации технологий и т.д.) для реализации в рамках целевого финансирования; изменение областей научно-технического сотрудничества; утверждение координаторов направлений сотрудничества; рассмотрение эффективности и достаточности существующей инфраструктуры в управлении различными формами сотрудничества. Разработка рекомендаций по необходимым изменениям в инфраструктуре и путям ее поддержки; другие вопросы, представляющие взаимный интерес. Вполне заметно, что объем предмета ведения Совета был существенно расширен. Как и в Комплексной программе 2020-2010 гг., в рассматриваемой версии Программы специальным образом выделены финансовые условия сотрудничества (Раздел V. Финансовые условия). Согласно положениям раздела, сотрудничество в рамках Программы будет осуществляться в пределах выделяемых сторонами финансовых средств и в соответствии с законодательством двух стран. В дополнение к этому заинтересованным организациям России и Индии может быть оказана финансовая поддержка.

Практическим результатом реализации Комплексной программы стало развитие такой формы сотрудничества, как проведение комплексных совместных НИОКР на базе российско-индийских исследовательских центров по таким направлениям, как медицинские технологии, лазерные технологии, климатология, высокопроизводительные вычисления и т.д. Согласно имеющейся информации, в рамках ее реализации, начиная с 2000 года, поддержку получили более 500 двусторонних проектов НИОКР в области математики, механики, химии, физики, материаловедения, лазерной техники, электроники, океанологии, сейсмологии. Подготовлено свыше 1500 совместных публикаций, установлено более 10 тысяч научных контактов, проведено около 3 тысяч обменных визитов и более 100 совместных семинаров. Кроме того, с 2016 года Российским научным фондом (далее – РНФ) из DST проводится конкурсный отбор по поддержке международных российско-индийских научных коллективов. За это время стороны в общей сложности поддержали 63 проекта на сумму около 1,6 млрд рублей (Бокова Т. Будущее инноваций: российско-индийское партнерство в науке и технологиях (02.05.2024) (<https://infobrics.org/post/41081/>)).

Рассмотренная программа является базовой, но не единственной. В перечень российско-индийских программ входят:

- программы сотрудничества в области фундаментальной науки (DSTRFBR, ICMR-RFBR, DST-RSF);
- программы сотрудничества в области прикладной науки (DSTRMES, DBT-RMES);
- программа сотрудничества в области науки, технологий и инноваций (DST-FASO);
- программа сотрудничества по унифицированной оценке технологий и ускоренной коммерциализации между Индией и Россией (DST-FASIE);
- программа инновационного моста между Индией и Россией (IRBI);
- программы факультетов (GIAN, VAJRA);
- Рамочная программа НТИ БРИКС (DST-RFBR, RMES, FASIE) [\[10, п. 3\]](#).

В современных условиях большое распространение получил такой вид документов о сотрудничестве, как меморандумы. Их функциональное предназначение состоит в определении направлений сотрудничества. Подобный меморандум о сотрудничестве

между Министерством образования и науки РФ и Министерством науки и технологий Правительства Индии в области науки, технологий и инноваций был заключен 24 декабря 2012 года в ходе пятой встречи Рабочей группы по науке и технологиям (Меморандум о сотрудничестве между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерство науки и технологий Правительства Индии в области науки, технологий и инноваций (Нью-Дели, 24 декабря 2012) (<https://docs.cntd.ru/document/499014978>)). Стороны договорились осуществлять сотрудничество посредством совместной разработки и реализации программ или проектов на основе протоколов или самостоятельных соглашений между Минобрнауки России, Министерством науки и технологий Индии и третьими сторонами, заключаемых в развитие настоящего Меморандума, в которых будет конкретизироваться содержание деятельности, обязательства Сторон и бюджет программ или проектов. В п. 4 внимание было уделено финансовым аспектам сотрудничества, в том числе осуществлению независимого контроля за расходованием средств, выделенных на мероприятия, реализуемые в рамках программ или проектов.

В развитие Меморандума о взаимопонимании между Минобрнауки России и Министерством науки и технологий Индии (Ministry of Science & Technology, Government of India (<https://most.gov.in/>)) в ходе прошедшего 21 октября 2013 года российско-индийского саммита подписаны межведомственные документы, регламентирующие механизм организации и проведения совместных конкурсов на поддержку российско-индийских научно-исследовательских проектов:

- Программа сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между DST и Министерством образования и науки Российской Федерации на период 2014–2017 гг.
- Программа сотрудничества между Департаментом биотехнологий Министерства науки и технологий (DBT), Правительством Республики Индия и Министерством образования и науки Российской Федерации на период 2014–2017 гг. в области наук о жизни и биотехнологий.

Обе программы предполагают формирование механизмов паритетного финансирования совместных российско-индийских исследовательских проектов.

Институциональный механизм сотрудничества также включает в себя Межправительственную Российско-Индийскую комиссию по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (далее – МПК), которая была создана в 1994 году. При ней функционирует Рабочая группа по науке и технологиям. Основными направлениями кооперации в рамках Группы является атомная энергетика, космическая и лазерная техника, лечение онкологических заболеваний, радиофotonика, глубоководные исследования, новые производственные технологии, сверхпроизводительное компьютерное моделирование, высокоэнергетические материалы, биотехнологии и фармацевтика. Также намечено развитие научного сотрудничества в полярных регионах в рамках совместных климатических и экологических проектов. На этой базе предполагается создание профильного двустороннего центра.

Важной инициативой в рамках 10-го заседания Рабочей группы по науке и технологиям, прошедшей 26–28 февраля 2018 года (Научно-техническое сотрудничество России и Индии выходит на новый этап (27.03.2018) (<https://zioc.ru/events/news-announcements/2018/nauchno-texnicheskoe-sotrudnistvo-rossii-i-indii-vyixodit-na-novyij-etap>)), стал переход к тесному партнерству ключевых регуляторов и научно-

образовательных организаций двух стран. Российские и индийские участники определили направления взаимодействия в вопросах взаимовыгодного сотрудничества, подтвердили наличие совместных государственных приоритетов в ряде областей науки и технологий и одобрили дорожную карту двустороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индия по выделенным приоритетным направлениям. Благодаря такому оперативному взаимодействию на межправительственном уровне за последние несколько лет удалось провести ряд двухсторонних конкурсов по поддержке совместных российско-индийских исследований, реализовать ряд стипендиальных программ и организовать совместные научные мероприятия.

Если переходить к рассмотрению конкретных организационных структур, в рамках которых осуществляется двустороннее сотрудничество, то помимо различных лабораторий и научных групп, обе страны создают совместные научные центры, университеты и академии, заключившие двухсторонние соглашения о сотрудничестве. На их основе выполняются исследовательские проекты, а также осуществляются профессиональные контакты между учеными из обеих стран.

В ходе реализации Комплексной программы был учрежден Центр компьютерных исследований в Институте автоматизации проектирования РАН (Россия и Индия открывают центр компьютерных исследований (08.12.1999) (<https://lenta.ru/news/1999/12/08/india/>)). При активном взаимодействии с Центром высокопроизводительных вычислений Департамента электроники Индии здесь был установлен индийский суперкомпьютер PARAM-1000, программное обеспечение которого было создано российскими разработчиками. Производительность суперкомпьютера составила до 72 миллиардов операций в секунду. В июне 2010 года в Москве был учрежден Indo-российский научно-технический центр (IRSTC, РИ НТЦ) в качестве структуры, способствующей совместному развитию инновационных технологий. Затем в апреле 2012 года состоялось официальное открытие делийского отделения Центра. Заметным результатом сотрудничества стало создание Indo-российского центра компетенций (Индо-российский центр компетенций (<https://ristc.ru/>))).

В настоящее время в Индии функционирует целый ряд совместных центров – по сейсмологии (Нью-Дели), биотехнологиям (Аллахабад), порошковой металлургии и новым материалам (Хайдерабад), производству поливакцин (Буландшахр), изучению газогидратов (Ченнаи). В г. Чандигархе функционирует индийско-российский центр геофизического приборостроения. Российские датчики с индийскими цифровыми записывающими устройствами позволили организовать сети наблюдений для прогноза землетрясений, согласованные с мировой сетью. Институт ядерной физики Сибирского отделения РАН совместно с Центром передовых технологий в г. Индоре при участии Атомного исследовательского центра в Бомбее создали промышленный ускоритель электронов ИЛУ-6 (Бокова Т. Будущее инноваций: российско-индийское партнерство в науке и технологиях (02.05.2024) (<https://infobrics.org/post/41081/>))).

Важной вехой сотрудничества российских и индийских вузов стало подписание 8 мая 2015 года 21 российскими и 9 индийскими ведущими университетами Декларации о создании Российско-индийской ассоциации вузов (Декларация о создании Российско-индийской ассоциации вузов (Москва, 8 мая 2015 года г.) (https://rin.tsu.ru/sites/default/files/deklaraciya_o_sozdanii_associacii_universitetov_rossii_i_indii.pdf)). Основная цель – формирование платформы для совместных научных и образовательных программ. В 2016 году члены ассоциации начали совместные работы по шести проектам, поддержаным DST и РНФ. Одновременно начались обмены студентами. Ассоциация стала площадкой для обеспечения академической мобильности

российских ученых и преподавателей в рамках такой программы индийского правительства, как Глобальная инициатива академических сетей (GIAN). В рамках программы ученые и преподаватели российских вузов имеют возможность прочитать курс лекций на базе индийских университетов и научных организаций. Все расходы взяла на себя индийская сторона (Бокова Т. Будущее инноваций: российско-индийское партнерство в науке и технологиях (02.05.2024) (<https://infobrics.org/post/41081/>)).

Если характеризовать сотрудничество, в котором принимают участие конкретные российские университеты, то в качестве примера можно привести партнерство Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого с ведущими вузами Индии, такими как Индийский университет технологий (г. Бомбей), Индийский институт технологий (г. Мадрас), Чандигар Университет (Пенджаб), Университет прикладных наук имени Рамаяя, Институт науки и технологии Бирла, Университеты и институты Эмити. Политехнический университет обеспечивает плодотворное сотрудничество научных групп России и Индии по таким важнейшим направлениям, как интернет вещей, наноматериалы иnanoструктуры для применения в оптике, фотонике и спектроскопии; переработка микропластика с использованием биотехнологий и др. (Политех выступил с предложениями по развитию дорожной карты двухстороннего сотрудничества России и Индии (<https://ofko.spb.ru/politeh-vystupil-s-predlozheniyami-po-razvitiyu-dorozhnoj-karty-dvuhstoronnego-sotrudnichestva-rossii-i-indii/>)). Плодотворное взаимодействие стало возможным благодаря двухсторонним конкурсам РФФИ и РНФ, реализуемых совместно с DST, сетевому взаимодействию в составе Рамочной программы БРИКС, а также деятельности в рамках Ассоциации университетов России и Индии. На 11-ом заседании Российско-индийской рабочей группы по науке и технологиям, состоявшемся в 2021 году, проректор отметил, что за последние пять лет университетом было подано более 20 совместных заявок с индийскими партнерами, 6 из которых были поддержаны и реализовались в масштабные совместные проекты (Политех выступил с предложениями по развитию дорожной карты двухстороннего сотрудничества России и Индии (<https://ofko.spb.ru/politeh-vystupil-s-predlozheniyami-po-razvitiyu-dorozhnoj-karty-dvuhstoronnego-sotrudnichestva-rossii-i-indii/>)). Более 25% заявок были одобрены, что свидетельствуют об основательности научных исследований и высоком уровне коллaborации политехников и индийских ученых.

Если переходить к рассмотрению сотрудничества академий наук, то следует указать на то, что в 1996 году было заключено Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между Российской академией наук (РАН) и Индийской национальной академией наук на 1996–2000 гг. (Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между Российской академией наук (РАН) и Индийской национальной академией наук на 1996–2000 гг. (Дели, 30 марта 1996) (с изменениями на 30 декабря 2021 года) (https://www.ras.ru/win/DB/show_int.asp?P=In-ru.id-85443)), направленное на поддержку сотрудничества между учеными и научными учреждениями обеих стран по всем направлениям фундаментальных научных исследований, прежде всего во взаимно согласованных научных областях (Приложение № 1 к Соглашению) на основе координации научных исследований и объединения ученых сотрудничающих институтов для реализации совместных научных проектов. При этом не исключаются прямые формы организации сотрудничества и индивидуальная научная деятельность. В сущности, основное внимание уделено организационным вопросам командировок индийских и российских ученых.

В ходе российско-индийского саммита в ноябре 2003 года (В Кремле состоялись российско-индийские переговоры на высшем уровне (12 ноября 2003 года)

(<http://kremlin.ru/events/president/news/29730>) подписано Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между РАН и Индийской национальной академией наук (Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между Российской академией наук (РАН) и Индийской национальной академией наук (Москве 12 ноября 2003 года) (<https://docs.cntd.ru/document/901882110>)), направленное на содействие установлению прямых связей между отдельными учеными, лабораториями и институтами при посредничестве академий двух стран. Условия обмена специалистами между академиями наук России и Индии конкретизирует Протокол о научном сотрудничестве между РАН и Департаментом науки и технологий Правительства Индии (Протокол о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Департаментом науки и технологий Правительства Индии (Москва, 12 ноября 2023 года) (<https://docs.cntd.ru/document/901882116>)).

Одним из ключевых аспектов МНТС является не только проблематика охраны результатов интеллектуальной деятельности и защиты прав на них, но и проблематика финансирования. Как таковое, развитие российско-индийского научно-технологического сотрудничества стало возможно благодаря финансированию из разных источников.

Например, в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014-2021 гг.» (Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014-2021 гг.» (Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2013 года N 426) (с изменениями на 30 декабря 2021 года) (<https://docs.cntd.ru/document/499022223>)) было поддержано 15 двусторонних российско-индийских проектов, включая 11 проектов по линии специальных программ сотрудничества. В рамках вышеупомянутой совместной программы между Минобрнауки России и DST из 44 заявок, относящихся к наукам об окружающей среде, энергетике, ИКТ, нанотехнологиям и новым материалам, инженерным наукам и т.д., к финансированию было отобрано 6 совместных проектов.

В процессе взаимодействия между Минобрнауки России и индийским Департаментом биотехнологий был объявлен конкурс на поддержку проектов в следующих областях: биоэнергетика, нанобиотехнологии, биологическая аппаратура и доступное оборудование для диагностики в области здравоохранения и сельского хозяйства. По итогам конкурса из 14 заявок финансовую поддержку получили 5 совместных проектов (Научно-техническое сотрудничество России и Индии (10.06.2015) (<https://russiaindiabusiness.com/ru/nauchno-tehnicheskoe-sotrudnistvo-rossii-i-indii/>)).

Центральным финансовым механизмом Комплексной программы стал Российский фонд фундаментальных исследований (далее – РФФИ), который в 2007 г. и 2015 г. подписал с DST соглашения о программах двусторонних грантов. Аналогичное соглашение было заключено в 2014 году с Индийским советом по медицинским исследованиям. Кроме этого, РФФИ осуществлял поддержку в форме финансирования Рамочной программы БРИКС по науке и технологиям. Начиная с 2007 года происходила реализация ежегодной программы совместных конкурсов проектов DST и РФФИ с объемом финансирования до 20 тыс. долл. от каждой стороны на один проект (Индия и Россия реализовали сотни научно-технических проектов) (15.08.2016) (<https://rg.ru/2016/08/15/india-i-rossiya-realizovali-sotni-nauchno-tehnicheskikh-proektov.html>)).

В 2018 году были подведены итоги совместного конкурса исследовательских проектов.

Как следует из информационных источников, на конкурс была подана 173 заявка. По результатам экспертизы, проведенной независимо российской и индийской сторонами, поддержано 48 проектов (Итоги совместного конкурса исследовательских проектов РФФИ – Департамент Науки и Технологии Правительства Индии ИНД_а 2018 г. (https://web.archive.org/web/20221204125704/https://www.rfbr.ru/rffi/ru/rffi_contest_results/o_2073960)). В 2019 году по итогам конкурса РФФИ, на который было подано 248 заявок, 43 российско-индийских проекта получили от РФФИ гранты до 2 млн рублей (07.10.2019) (Более 40 российско-индийских проектов получат от РФФИ гранты до 2 млн рублей (https://www.rfbr.ru/press-center/press_about/5449)). С индийской стороны ожидалось эквивалентное финансирование. Среди проектов-победителей – проекты по изучению палеоклимата и эволюции ландшафтов центра и юга Восточно-Европейской равнины и Гималаев, повышение качества суперкомпьютерных приложений, геномные и метагеномные исследования пресноводных губок на Байкале и в Индии и др. В 2019 году был проведен новый конкурс проектов, которые были реализованы в 2019–2021 гг. (РФФИ – Индия (ДНТ) 2019: конкурс на лучшие проекты междисциплинарных фундаментальных научных исследований (https://www.spbstu.ru/media/announcements/competitions_grants/rffi-indiya-dnt-2019-konkurs-na-luchshie-proekty-mezhdistsiplinarnykh-fundamentalnykh-nauchnykh-issl/)). Сотрудничество с Индией продолжилось и далее, когда РФФИ был преобразован в Российский центр научной информации (РЦНИ. О Российско-индийском сотрудничестве (31.07.2023) (https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/6984))).

В 2015 году подписано соглашение о сотрудничестве между DST и Российским научным фондом (РНФ). На первый конкурс совместных проектов, объявленный в конце 2015 года, было подано 170 совместных проектных заявок, 17 из которых получили грантовое финансирование исследований на 2016–2018 гг. (Бокова Т. Будущее инноваций: российско-индийское партнерство в науке и технологиях (02.05.2024) (<https://infobrics.org/post/41081/>)). С 2016 года РНФ совместно с индийскими партнерами из DST на постоянной основе проводит конкурсный отбор по поддержке международных российско-индийских научных коллективов. За это время стороны в общей сложности поддержали 63 проекта на сумму около 1,6 млрд рублей. По итогам реализации этих проектов было опубликовано около 1000 публикаций в авторитетных научных изданиях. 1 июня 2018 года был объявлен второй конкурс российско-индийских заявок по всем направлениям исследований, кроме социальных и гуманитарных наук. Действительно, в специальном исследовании было выявлено, что удельный вес научных работ по естественно-научному профилю значительно превышает удельный вес научных работ по общественно-социальной и гуманитарной тематике [11, с. 110]. Отмеченные показатели сигнализируют об определенных изъянах российско-индийского МНТС, а именно о незначительной степени сотрудничества в сфере социально-гуманитарных наук.

2. Российско-индийское научно-технологическое сотрудничество: успехи и проблемы

МНТС России и Индии самым тесным образом пересекается с экономическим и производственно-экономическим сотрудничеством, ставшим предметом специальных научных исследований [3, с. 293–303; 12, с. 18–19]. В историческом аспекте, начиная с советского периода, локомотивом научной кооперации двух стран стало военно-техническое сотрудничество, предполагающее совместное производство и модернизацию военного снаряжения [13]. В военно-технической сфере вполне заметны примеры «глубокого» сотрудничества. Сюда следует отнести успешное функционирование совместного предприятия «BrahMos» (BrahMos AeroSpace (<https://brahmosspace.com/ru>).

home.php)). Но если в 2010-х годах Россия являлась исключительным поставщиком военной техники в Индию, то ныне ее конкурентами стали другие государства, например, США и Израиль, которые наращивают свои усилия в данном направлении^[14]. Это приводит к сокращению числа российско-индийских кооперационных проектов. Впрочем, проблемы в развитии кооперации наглядным образом появляются также в авиационной отрасли. Так, планы по сборке в Индии самолетов SSJ и узкофюзеляжных среднемагистральных пассажирских МС-21 оказались не реализованы.

На этом фоне достаточно успешным является сотрудничество в секторе здравоохранения и фармацевтики. Благодаря сотрудничеству в области лазерных технологий в Индии открыт специализированный противотуберкулезный центр, в котором заболевание лечат с помощью лазеров, которые были разработаны специалистами Физического института им. П.Н. Лебедева РАН совместно с индийскими коллегами (Лазер видит будущее. Реализованы сотни двусторонних научно-технических проектов (15.08.2016) (https://rscf.ru/en/news/media/lazer_vidit_budushchee_realizovany_sotni_dvustoronnikh_nauchno_tekhnicheskikh_proektov/)). В сфере медицины сотрудничество между Россией и Индией направлено на обмен опытом и технологиями в лечении различных заболеваний в области онкологии, кардиологии и нейрохирургии. Обмен медицинскими кадрами и совместные исследования способствуют развитию медицинской науки и улучшению качества медицинского обслуживания в обеих странах.

Достаточное длительное время, начиная еще с советской эпохи, Индия является крупным поставщиком дженериков в Россию. В 2023 году объем экспорта составил 293,9 млн упаковок (Дженерики и биоаналоги: что нужно знать о фарминдустрии Индии (05.09.2024) (<https://www.rbc.ru/industries/news/669135b69a794775c18c7d96>)). Сотрудничество далеко не всегда ограничивается поставками готовой продукции. Важной формой взаимодействия в рассматриваемой сфере стали совместные разработки и совместное производство фармацевтической продукции. Значимые результаты получены по иммунологии. В частности, разработаны иммуномодуляторы нового поколения. Возобновлены совместные разработки вакцины против гепатита С и работы по созданию устойчивых к грибковым заболеваниям сельскохозяйственных культур. Совместно разработана первая индийская вакцина от полиомиелита. В дополнение к этому в Индии создан Национальный центр производства вакцин, работающий на основе российских технологий (Bharat Immunological and Biologicals Corporation Limited/(BIBCOL) (Bharat Immunological and Biologicals Corporation Limited (<https://www.india.gov.in/bharat-immunologicals-and-biologicals-corporation-limited>)). Центр производит 100 млн доз вакцины и полностью обеспечивает потребности страны. BIBCOL находится под административным контролем Департамента биотехнологий Министерства науки и технологий Индии.

Что касается кооперационного производственного взаимодействия, то реализованы отдельные проекты, связанные с локализацией производств в Российской Федерации. И все же, несмотря на наличие опыта совместных биомедицинских исследований в период СССР, до недавнего времени двусторонние отношения не отличались глубиной. Картина частично изменилась во время пандемии COVID-19, когда российские «Спутник V» и «Спутник Лайт» получили одобрение регулирующих органов в Индии и было организовано их массовое производство на мощностях Института сыворотки крови Индии. Как следует из приведенного краткого обзора, спектр взаимодействия достаточно специализирован и не охватывает другие направления биомедицинских исследований и фармацевтического производства.

В свое время в п. 30 Совместного заявления лидеров двух стран 2018 года («Россия – Индия: надежное партнерство в меняющемся мире». Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Республики Индии Н. Моди (Дели, 5 октября 2018 года) (<http://www.kremlin.ru/supplement/5343>)), было отмечено, что стороны договорились продолжить сотрудничество в области ИКТ, а именно в сфере разработки и производства электронных систем, разработки ПО суперкомпьютеров, алгоритмов электронного правительства, сетевой безопасности, интернета вещей, стандартизации, радиоконтроля и регулирования использования радиочастотного спектра. В дополнение к этому стороны решили продолжить взаимную поддержку и добиваться «эффекта синергии» в указанных сферах на различных площадках, включая БРИКС и Международный союз электросвязи.

В сущности, вполне заметен коммерческий интерес к цифровым продуктам российских компаний (система беспрепятственного взимания платы с грузовиков на дорогах, умные системы навигации и отслеживания судов, системы безопасности на транспорте и в городе, биометрические системы и средства идентификации). В 2018 году «РТ-Инвест Транспортные системы» заключило соглашение с Национальным управлением автомобильных магистралей Индии (NHAI) о внедрении системы взимания платы на автодорогах (аналог российской системы «Платон») («Платон» продали за рубеж (12.02.2019) (<https://stimul.online/news/platon-prodali-za-rubezh-/>)). Что касается совместной разработки программного обеспечения, интернет-рынков и прочих секторов информационных технологий, то кооперация вообще не наблюдалась, в том числе в силу отсутствия по-настоящему глобальных планов у компаний обеих стран, нехватки капитала и проявления элементов конкуренции.

Определенные перспективы научно-исследовательской и производственно-технологической кооперации характерны для взаимодействия в энергетическом секторе, который отличается научноемким и высокотехнологичным характером. Текущее сотрудничество включает в себя развитие кооперации между российскими и индийскими энергокомпаниями. Подобная кооперация осуществляется, например, в такой форме, как инвестирование. Индийские инвестиции направляются в российские компании «Ванкорнефть» и «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» в России. В свою очередь ПАО «НК «Роснефть» участвует в капитале компании «Эссар Ойл». Взаимная заинтересованность российских и индийских компаний прослеживается в развитии сотрудничества не только в области поставок, но и производства сжиженного природного газа (СПГ). Участниками данного направления является ПАО «НОВАТЭК» и индийские энергетические компании.

В условиях антироссийских санкций, которые стали вводиться с 2014 года и существенным образом затронули российский энергетический сектор, повышенной актуальностью отличается реализация перспектив совместной разработки нефтяных месторождений на территории России, включая ее арктический шельф, а также совместную реализацию возможных проектов на Печорском шельфе и в Охотском море. В контексте текущего энергоперехода серьезность намерений по сотрудничеству в энергетической сфере предполагает расширение взаимодействия посредством включения в него новых направлений, таких как гидроэнергетика, возобновляемые источники энергии и энергоэффективность, что вполне коррелирует усилиям по достижению снижения негативного воздействия энергетического сектора на окружающую среду и климат планеты.

Важным аспектом стратегического партнерства двух стран, предполагающего содействие обеспечению энергетической безопасности Индии, а также выполнению ее обязательств в рамках Парижского соглашения по климату, является российско-индийское

сотрудничество в сфере ядерной энергетики. Данная сфера является традиционным направлением двустороннего технологического взаимодействия (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в сооружении дополнительных энергоблоков атомной электростанции на площадке «Куданкулам», а также в сооружении атомных электростанций по российским проектам на новых площадках в Республике Индии(Нью-Дели, 5 декабря 2008 г.)(с изменениями от 08.02.2024) (<https://docs.cntd.ru/document/902190507>)). Достигнут значительный прогресс в строительстве шести оставшихся атомных энергоблоков АЭС «Куданкулам»; осуществляется реализация усилий по локализации производства комплектующих, а также по производству оборудования для атомных электростанций. Взаимодействие происходит в соответствии с Планом действий по расстановке приоритетов в реализации сотрудничества в области ядерной энергетики (Россия и Индия подписали 5 октября план действий по расстановке приоритетов и реализации направлений сотрудничества в области ядерной энергетики (06.10.2018) (<http://www.atominfo.ru/newst/a0344.htm>)). В реализацию проектов вовлечено значительное количество российских и индийских компаний, представляющих разные производственно-технологические отрасли. Накопленный опыт взаимодействия претерпевает значительное масштабирование, что выражается не только в переговорах по строительству других АЭС в Индии, но и в совместной реализации проекта АЭС «Руппур» в Бангладеш. Поскольку ядерные технологии в современном мире используются и в других сферах, то следует указать на поставку Индии «Росатомом» изотопов (германий-68, галлий-68 и т. д.), которые используются в медицине.

В связи с тем, что Россия и Индия являются ведущими космическим державами, российско-индийское сотрудничество в данной сфере имеет многолетний и взаимовыгодный характер. Здесь реализуется целый ряд направлений. Одно из них – подготовка пилотируемых миссий. В аэродинамических трубах на объектах «Главкосмоса» были проведены успешные испытания функционирования отсека экипажа и системы аварийной эвакуации экипажа индийского космического корабля «Гаганьян» («Главкосмос» проводит испытания перспективного индийского корабля Gaganyaan (23.03.2023) (<https://www.interfax.ru/russia/892614>)). Подготовка космонавтов проходила в 2020–2022 гг. в Центре подготовки космонавтов им. Гагарина (Индийские космонавты завершили подготовку в России(22.03.2021) (<https://www.interfax.ru/russia/757264>)). Другое направление – взаимное размещение наземных станций сбора данных, поступающих от российской навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС и индийской региональной навигационной спутниковой системы NavIC. Весьма перспективным направлением является сотрудничество в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли стран БРИКС.

Одно из новейших направлений сотрудничества – Арктика. Оно включает совместное освоение арктического шельфа, поиск и разработку новых месторождений природных ресурсов, совместную эксплуатацию новых углеводородных ресурсов [15]. Помимо этого, налажено взаимное посещение станций в Антарктиде, которые имеются и у России, и у Индии. В Международной конференции по антарктическим исследованиям, прошедшей в январе 2020 года на индийской станции Бхарати, принимали участие российские ученые со станции «Прогресс».

Итак, взаимодействие в научно-технологической сфере двух стран характеризуется определенным прогрессом. Однако в экспертной среде высказывается мнение о том, что оно имеет характер «выборочной» кооперации, т.е. является фрагментарным (Данилин И. Российско-индийское сотрудничество в сфере высоких технологий: через тернии

(20.02.2024) (<https://russiangroup.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy-cherez-ternii/>). Это объясняется «провалами» сотрудничества, которые наблюдались в 1990-е гг. Как следствие, текущее сотрудничество уступает уровню сотрудничества, которое имело место в 1980-е гг. С нашей точки зрения, действительно, далеко не все направления МНТС, запланированные в Комплексной программе, были реализованы в полную меру. Как следствие, наши страны друг по отношению к другу не относятся к числу основных государств-партнеров в сфере МНТС. Налицо также определенные неудачи в реализации производственно-технологических проектов, например, в сфере авиастроения, которые с самого начала позиционировали в качестве кооперативных и предполагали существенный объем двусторонних инвестиций. На фоне достаточно внушительного количества реализуемых проектов, научно-технологическое сотрудничество остается фрагментарным из-за неполноты реализации возможных контактов. Подобного рода картина отражает характер торгово-экономического сотрудничества двух стран, которое во многом ограничивается контрактами на поставку той или иной номенклатуры высокотехнологичной продукции, а не нацелено на ее совместное производство.

Несмотря на то, что специфика межправительственной повестки вполне традиционно предопределяет масштабирование научных исследований в части военно-технологического, электроэнергетического, нефтепромышленного и иных технологических отраслей, имеют место определенные ограничения, свойственные научно-технологическому взаимодействию России и Индии. Достаточно точным является вывод о том, что «одной из самых многообещающих и в то же время сложных областей отношений Индии и России является сотрудничество в области науки и технологий (S&T)» (Zakharov A. Prospects for India-Russia Scientific and Technological Cooperation (30.12.2024) (<https://diplomatist.com/2019/12/30/prospects-for-india-russia-scientific-and-technological-cooperation/>)). О том, что это действительно так, свидетельствует ряд объективных ограничений.

Во-первых, это ограничения логистического характера. Развитие сотрудничества России и Индии в сфере НТИ, как, впрочем, и в торгово-экономической сфере, серьезным образом осложняется фактором географической удаленности государств. По-прежнему имеют место проблемы обеспечения транспортного сообщения между Россией и Индией. Так, «путь через Суэцкий канал в порты Балтийского моря наиболее подвержен и geopolitischen рискам, и чисто техническим проблемам. Транспортный коридор Север-Юг до Астрахани не в состоянии разгрузить перспективный объем грузов» [16]. Однако данный фактор можно отнести скорее к ограничениям, нежели к барьерам. Следует согласиться с мыслью о том, что географическая близость как фактор развития международной экономической кооперации остается в прошлом, поскольку новый формат международного партнерства учитывает в первую очередь общность стратегических идей и geopolitических принципов, а не смежность территорий [17]. Кроме того, видится верным предположение о том, что в развитии научной кооперации между Индией и Россией фактор территориальной удаленности может быть компенсирован сходством в приоритетах развития национальных научно-технологических комплексов [11, с. 111]. Конечно, совместные крупные научно-технические проекты требуют поставки оборудования и технологий, а также предполагают интенсивный обмен ресурсами. Поэтому крайне необходимо решение имеющейся логистической проблемы, а также осуществление поиска иных путей транспортного сообщения.

Во-вторых, на пути успешного МНТС двух стран находятся преграды финансового характера. Как уже отмечалось, вопросы финансирования двустороннего сотрудничества

нашли свое отражение в различных программах научно-технологического сотрудничества России и Индии. В них предусматривается возможность финансирования через множество агентств с каждой стороны. Портфель финансирования охватывает базовые и междисциплинарные исследования, ныне дополняемые инновационными разработками. Объем финансирования в рамках поддерживаемых прикладных проектов должен предоставляться на условиях равного софинансирования в соответствии с условиями национальных нормативных актов и конкурсной документации. Однако из шести проектов, поддержанных в 2017 году в рамках Программы сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между DST и Министерством науки и образования РФ на период 2014–2017 гг., реализация двух проектов была прекращена из-за отсутствия финансирования с индийской стороны.

Необходимо учитывать, что проблемы в сфере финансирования тесно связаны с валютными проблемами, существующими в российско-индийских торгово-экономических отношениях. Эти проблемы осложняют реализацию научно-технологических контактов и препятствуют заключению долгосрочных соглашений по совместному развитию инноваций. Национальная валюта Индии не торгуется на Московской бирже, что ограничивает осуществление валютных операций. Как следствие, неурегулированность товарно-денежных российско-индийских отношений влияет на замедление товаропотока [18–21].

Финансовые проблемы в сфере взаимных расчетов осложняют заключение долгосрочных научно-технологических контрактов между Россией и Индией вследствие нестабильного курса российского рубля и индийской рупии. Еще в 2007 году первый заместитель председателя правительства РФ С.Б. Иванов указал на целесообразность включения в межправительственные соглашения между Россией и Индией защитных валютных оговорок, позволяющих нивелировать валютные колебания [22].

Кроме указанных, существуют и другие сложности функционирования финансовых механизмов двустороннего сотрудничества. Например, в Индии действует двухэтапная процедура поддержки и финансирования совместных проектов, тогда как в России эта процедура одноэтапная [23, р. 50]. Это означает, что после принятия совместного решения о том, какие проекты поддерживать, и фиксации подобного решения в протоколе, подписанным как индийскими, так и российскими финансирующими агентствами, индийская сторона представляет выбранные проекты на второй раунд внутреннего одобрения. На втором этапе некоторые условия, такие как объемы запрашиваемого бюджета или период реализации проектов, иногда могут быть изменены в одностороннем порядке. Это вызывает неудобства с точки зрения изменения содержания проекта и заключения дополнительных соглашений между партнерами по проекту, а значит и между российским партнером и российским финансирующим агентством.

Безусловно, фрагментарность и сопутствующие ограничения сотрудничества осознаются индийской и российской сторонами. Как отмечают индийские эксперты, «оборотная сторона истории индийско-российского научно-технического сотрудничества заключается в том, что в XXI веке сотрудничество не достигло той интенсивности, которой оно достигло в первой половине 1970-х годов. Это указывает и говорит о неиспользованном потенциале» [24, р. 82]. Аналогичным образом рассуждают и российские эксперты. Так, А. Захаров указывает на то, что длительное время сотрудничество в области науки и технологий осуществлялось в формате Комплексной программы. Однако в течение последнего десятилетия программное сотрудничество

постепенно теряло свою динамику. Поэтому Совместное заявление лидеров Индии и России, выпущенное после двустороннего саммита в октябре 2018 года в Дели, предполагало возрождение Комплексной программы. Принимая во внимание необходимость поддержания высокой степени интенсивности сотрудничества, сторонами были предприняты дальнейшие усилия, направленные на расширение и углубление кооперации. Стремление к наращиванию объема научно-технологических связей осуществляется в двух направлениях – двустороннем и многостороннем.

В рамках визита премьер-министра Н. Моди в Москву 1 декабря 2021 года была подписана Дорожная карта сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между Министерством науки и высшего образования РФ и DST (Российско-индийские документы, подписанные к встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с Премьер-министром Республики Индии Н. Моди (6 декабря 2021 г.) (<https://www.kremlin.ru/supplement/5746>)). Она пришла на смену Комплексной долгосрочной программе российско-индийского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций. Документ определяет обязательства сторон и актуальные направления сотрудничества, такие как биотехнологии, искусственный интеллект, квантовые технологии, киберфизические системы, океанография, медицинские науки, фундаментальная и прикладная физика. В документе наряду с закреплением актуальных и приоритетных направлений для взаимодействия определены обязательства сторон по соответствующему организационному и финансовому обеспечению.

В целом, оба государства намерены и далее продвигать партнерство в области фундаментальных исследований и научно-технологических инноваций и предпринимательства. Такое намерение должно быть выражено в оказании содействия созданию предприятий, запуске акселерационных программ, обеспечении грантовой поддержки инноваций, локализации инновационных производств через инновационные кластеры и технопарки в обеих странах. Налицо актуализация инновационного дискурса в научно-технологическом сотрудничестве, что выражает один из ведущих трендов в современном МНТС.

Следует констатировать, что в период 2021–2022 гг. не все предусмотренные меры были реализованы в полном объеме. Но утверждать об отсутствии прорыва с точки зрения затрат и инвестиций, а также об отсутствии по-настоящему значимых двухсторонних программ (Данилин И. Российско-индийское сотрудничество в сфере высоких технологий: через тернии (20.02.2024) (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy-cherez-ternii/>)) пока преждевременно, тем более с учетом инициатив, которые предложила Россия в 2023–2024 гг.

Определенной компенсацией нереализованности потенциала двустороннего сотрудничества является участие России и Индии в многосторонних соглашениях по вопросам научно-технического сотрудничества [25]. Помимо двухсторонних отношений, Россия и Индия выступают стратегическими партнерами в рамках БРИКС и ШОС. В рамках БРИКС Индия курирует такие направления, как геопространственные технологии и их применение, а именно развитие ИКТ и систем принятия решений на основе геопространственных технологий для управления рисками, связанными со стихийными бедствиями и изменением климата, а также для надлежащего гибкого планирования развития в целях обеспечения устойчивой среды обитания. Совместно с Россией Индия отвечает за сотрудничество в области материаловедения и нанотехнологий, а также в области фотоники. И Индия, и Россия активно участвуют в реализации Рамочной

программы БРИКС по науке и технологиям, направленной на поддержку совместных исследовательских проектов в приоритетных областях. Инициатива направлена на содействие сотрудничеству между исследователями и институтами в рамках консорциумов, в состав которых должны входить партнеры как минимум из трех стран БРИКС.

3. Предпосылки отношения к Индии как перспективному научно-технологическому партнеру

Активизация рассматриваемого направления сотрудничества двух стран полностью отвечает их национальным интересам. По вполне понятным причинам значительно большую степень заинтересованности в активизации сотрудничества, конечно же, проявляет именно Россия. Это вызвано заметным ограничением круга основных государств-партнеров в научной сфере вследствие санкций. Поворот к Индии как перспективному государству-партнеру отмечен также зарубежным экспертами. В своей совместной статье зарубежные авторы выделяют Индию, наряду с Китаем и Бразилией, в качестве направления МНТС, которое не затронуто санкциями^[26]. Однако в статье нет ответа на вопрос о том, в какой мере данные направления могут компенсировать ущерб российской и мировой науке, вызванный приостановкой сотрудничества России с государствами, которые ввели экономические, а наряду с ними еще и научные санкции.

Основанием поворота к Индии как одного из направлений разворота российской внешней политики на Восток является не только имеющийся задел в научно-технических связях и активно развивающиеся отношения особо привилегированного стратегического партнерства, но и динамичное развитие индийского сектора НТИ, а также высокий уровень его интернационализации. Если в свое время СССР был ключевым партнером Индии, по крайней мере, в части военно-технологического развития, то в настоящее время Индия, являясь участником различных научно-технологических международных альянсов, активно сотрудничает во всех географических направлениях. Поэтому перед Россией стоит задача по закреплению интереса Индии к сотрудничеству с нашей страной, а также задача поиска новых точек соприкосновения научно-технологических секторов двух стран в целях достижения высокой степени научно-технологической конкурентоспособности на международном уровне. Поэтому как никогда ранее, актуализируется тематическая область исследований развития индийского сектора НТИ и соответствующей государственной научно-технической политики в единстве ее национального и международного измерений. Как справедливо отмечается в экспертной среде, «Индия является исключительным государством, которое достигает высоких экономических показателей благодаря ставке на наращивание интеллектуального капитала, а не на эксплуатации природных ресурсов» (Программа индийского технического и экономического сотрудничества (<https://www.indianembassy-moscow.gov.in/ru/russia-and-itec.php>)).

Согласно последней версии Глобального инновационного индекса, Индия занимает 34-е место по динамике развития сектора исследований и разработок (R&D), по степени воздействия знаний и их распространению – 9-е и 28-е место соответственно (Global Innovation Index 2024 Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. Р. 39 (<https://ict.moscow/static/pdf/files/wipo-pub-2000-2024-en-global-innovation-index-2024.pdf>)). Однако другие показатели, касающиеся уровня человеческого капитала, доступа к ИКТ, степени зрелости институциональной среды инновационного развития, не столь высоки. Вполне понятно, что синхронизация всех показателей на высоком уровне – это весьма сложное дело для такой огромной страны, как Индия.

Отмеченные показатели являются результатом научно-технической и инновационной политики, которую проводит индийское правительство. Ее ключевой целью является повышение уровня жизни населения. Не последнюю роль играет и такая цель, как глобальное лидерство страны на мировой арене, в том числе лидерство в определении повестки мирового научно-технологического развития. С этой целью Индия усиливает инновационный вектор научно-технологической политики, ставя акцент на инновациях, экосистемах стартапов и укреплении связей в рамках т.н. Тройной спирали [27].

Данная политика эволюционирует в контексте трендов национального и глобального научно-технологического развития (Kaushik A., Chagun Basha B., Ganesan L. Science Technology and Innovation (STI) Policies in India: a Flashback(02.01.2020) (<https://indiabioscience.org/columns/indian-scenario/science-technology-and-innovation-sti-policies-in-india-a-flashback>)). Так, особенностью программного руководства в сфере научно-технологической политики (далее – политики) 2003 года (Government of India. Ministry of Science and Technology. Science and Technology Policy 2003 (<https://indiabioscience.org/media/articles/STP-2003.pdf>)) (далее – STP) стало вовлечение представителей сектора НТИ в процесс формирования соответствующей политики, а также закрепление показателя инвестиций в этот сектор в объеме 2% ВВП. К направлениям STP-2003 относилось следующее: модернизация инфраструктуры, расширение спектра НТИ, формирование новых механизмов финансирования фундаментальных исследований, стимулирование вклада научной diáspory в развитие индийской экосистемы НТИ и др. Особое внимание уделялось развитию научной дипломатии и МНТС с развивающимися странами Юга. Несмотря на то, что к началу 2010-х годов целевые показатели не были достигнуты (вместо 2 % ВВП на сектор выделялось всего 0,7%), Индия все же сумела нарастить количество публикаций, создать большой массив стартапов, усилить патентную активность и обеспечить устойчивый рост человеческого потенциала.

2010–2020 годы были объявлены в Индии десятилетием инноваций, перехода к экономике, основанной на знаниях, и вхождения в пятерку ведущих мировых научных держав. На достижение этой цели была направлена Политика в сфере науки, технологий и инноваций 2013 года (Government of India. Ministry of Science and Technology. Science, Technology and Innovation policy 2013. (<https://dst.gov.in/sites/default/files/STI%20Policy%202013-English.pdf>)) (далее – STIP 2013). Отличительной чертой новой политики стал курс на совершенствование инновационной экосистемы, а также направленность на установление прочной связи НТИ с социально-экономическими приоритетами развития страны, в том числе в области развития сельского хозяйства, водного сектора, здравоохранения, окружающей среды и инфраструктуры. Вполне заметным результатом данной политики стало расширение участия Индии в глобальных мега-научных инициативах, таких как Лазерная интерферометрическая гравитационно-волновая обсерватория (LIGO), Большой адронный коллайдер (LHC – CERN), Международный термоядерный экспериментальный реактор (ITER) и Квадратный километровый массив (SKA) и др.

В результате реализации указанных политик в сфере НТИ Индия достигла колоссальных успехов. Но, вместе с тем, коренные проблемы национального развития, такие как бедность и антисанитария, не были решены. Поэтому на основе сохранения убежденности в том, что решить эти проблемы невозможно без НТИ, которые к тому же являются основой новой фазы развития экономики, правительство Индии в 2020 году приняло новую руководящую политику (Science, Technology, and Innovation Policy 2020. Background Note (https://dst.gov.in/sites/default/files/STIP_2020_Background_Note_0.pdf)

(далее – STIP-2020). STIP-2020 нацелена на включение Индии в тройку ведущих мировых научных держав за счет удвоения расходов на исследования и разработки. Новая политика стремится учесть недостатки STIP-2013, такие как расплывчатость целей в отношении реальной ситуации [28], отсутствие значительных обязательств со стороны государственного сектора в области исследований и разработок [29], линейный подход в понимании инноваций и отсутствие учета нюансов развития индийской экономики [30], отсутствие четко сформулированных принципов инклюзивной инновационной экосистемы [31], отсутствие продуманного процесса реализации и процедур оценки [32].

В отличие от прежней версии в STIP-2020 повышенное внимание уделено направлениям реализации ключевых идей национального научно-технологического и инновационного развития, интенсификации вовлечения частного сектора, совершенствованию процедур оценки. В целом, несмотря на некоторые критические замечания, касающиеся таких целей, как удвоение числа исследователей, занятых в течение полного рабочего дня, и увеличение расходов на исследования и разработки, документ с воодушевлением был воспринят в экспертной среде, представители которой выдвигают предложения по совершенствованию научно-технологического и инновационного развития Индии [\[33, р. 36-38\]](#).

Рассмотренные политики являются базовыми и дополняются отраслевыми политиками (Kaushik A., Chagun Basha B., Ganesan L. Science Technology and Innovation (STI) Policies in India: a Flashback (02.01.2020) (<https://indiabioscience.org/columns/indian-scenario/science-technology-and-innovation-sti-policies-in-india-a-flashback>)).

Помимо Министерства науки и технологий Правительства Республики Индии к числу ключевых субъектов национальной научно-технической политики относится Совет по научным и промышленным исследованиям, функционирующий при данном министерстве (Council of Scientific & Industrial Research (<https://www.csir.res.in/>)). Совет представляет собой современную научно-исследовательскую организацию, которая располагает информационной базой знаний относительно исследований и разработок в различных научно-технологических областях (океанография, геофизика, синтез химических веществ, производство лекарств, геномика, биотехнологии и нанотехнологии, аэронавтика, приборостроение, охрана окружающей среды, ИКТ). Совет разработал динамичную сеть, которая объединяет 37 национальных лабораторий, 39 информационно-просветительских центров, 3 инновационных комплексов. Нельзя не указать и на Национальный инновационный совет, созданный в 2010 году (National Innovation Council/NIC (<https://www.india.gov.in/website-national-innovation-council>))).

Для Индии характерно стремление к развитию наиболее перспективных направлений НТИ, что подкрепляется активной работой по формированию базы высококвалифицированных ресурсов, необходимых для реализации флагманских программ правительства Индии в области возобновляемой энергетики, умных городов, цифровой трансформации, когнитивной науки, транспортной системы будущего, недорогих медицинских приборов, исследований космоса, наука о данных, исследования океана и морей, управления стихийными бедствиями и т. д. В сущности, Индия не только развивалась как рынок для торговли, но и успешно создала идеальную экосистему для поглощения квалифицированных ресурсов мира. Это во многом обосновывает стремление России к развитию академического сотрудничества с ней.

Что касается МНТС, то еще 15 сентября 1964 года Правительство Индии запустило процесс реализации Программы индийского технического и экономического

сотрудничества (ИТЭС) (Indian Technical & Economic Cooperation (ITEC) (<https://www.itecgoi.in/index>)), нацеленной на осуществление сотрудничества и оказания технической помощи развивающимся странам. Программа индийского технического и экономического сотрудничества подразумевает взаимодействие и взаимовыгодное партнерство. Специалистам и представителям стран-партнеров ИТЭС предоставляется возможность пройти уникальные учебные курсы в различных научно-инновационных центрах Индии, которые позволяют им не только приобрести профессиональные навыки, но и готовят их для жизни в более глобализованном мире. Создано 47 специальных учебных заведений, в которых в течение года проводятся занятия по 280 краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным курсам. Программа подготовки ориентирована на спрос, а выбор предметов обусловливается заинтересованностью работающих специалистов стран-партнеров в широком спектре специальностей и дисциплин. Предлагается обучение по различным предметам – бухгалтерскому учету, аудиту, банковскому делу и финансам, управлению, работе на компьютере, продвинутым средствам вычислительной техники, информационным технологиям, телекоммуникациям, трудовым вопросам, развитию предпринимательства, развитию малого и среднего бизнеса, развитию сельских районов, английскому языку, массовым коммуникациям, планированию в области образования и управлению, дизайну инструментов, фармацевтике, образованию и исследованиям, текстильному делу, окружающей среде и возобновляемым источникам энергии, т.д.

Программа ИТЭС полностью финансируется Правительством Индии. Все расходы, связанные с учебной программой, такие как стоимость обучения, пособие на проживание, пособие на книги, стоимость учебно-ознакомительных поездок, экстренной медицинской помощи, а также обратного авиабилета берет на себя Правительство Индии.

Россия участвует в Программе с 1993 года. Согласно статистике, свыше 1500 российских граждан прошли различные курсы по программам ИТЭС, часть из которых специальным образом способствует развитию контактов между индийскими предпринимателями и новым поколением российских руководителей, чье знакомство с управлением и технологическими учебными заведениями Индии позволит увеличить их потенциал в промышленном и финансовом секторах. Наиболее популярны курсы ИТЭС по банковскому делу, развитию предпринимательства, малых предприятий, управлению и дипломатии. Министерство иностранных дел Российской Федерации играет большую роль в привлечении к программе ИТЭС внимания регионов/республик Российской Федерации. Некоторые российские журналисты прошли обучение журналистике в Индийском институте массовых коммуникаций.

4. Активизация российско-индийского научно-технологического сотрудничества в условиях антироссийских санкций 2022–2024 гг.

В силу осложнения участия России в МНТС в западном направлении налицо возникновение нового витка российско-индийских связей. Правовая база представлена соответствующими двусторонними соглашения разного уровня. Организационные рамки задает Дорожная карта российско-индийского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций 2021 года. По-прежнему, важное значение имеет стратегическое «нацеливание», зафиксированное в политических документах стратегического характера. В частности, данным вопросам уделяется внимание в Совместном заявлении лидеров Российской Федерации и Республики Индии о развитии стратегических направлений российско-индийского экономического сотрудничества до 2030 года, принятого в ходе 22-го ежегодного российско-индийского саммита,

состоявшегося в Москве в 8–9 июля 2024 года (Совместное заявление лидеров Российской Федерации и Республики Индии о развитии стратегических направлений российско-индийского экономического сотрудничества до 2030 года (Москва, 9 июля 2024 года) (<http://kremlin.ru supplement/6169>)). В п. 7 Заявления к направлениям взаимодействия было отнесено стимулирование привлечения инвестиций и реализация совместных проектов в различных сферах цифровой экономики, науки и исследований, образовательных обменов и стажировок сотрудников высокотехнологичных компаний. В дополнение к этому подтверждена решимость оказывать содействие созданию новых совместных (дочерних) компаний, а также обеспечивать для них благоприятный налоговый режим. В п. 9 предусматривается развитие сотрудничества в гуманитарной сфере, последовательное расширение взаимодействия в области образования, науки и техники, культуры, туризма, спорта, здравоохранения и в других сферах.

Указанные направления сотрудничества более детально изложены в Совместном заявлении по итогам XXII российско-индийского ежегодного саммита «Россия – Индия: прочное и расширяющееся партнерство» (Москва, 9 июля 2024 года) (Совместное заявление по итогам XXII российско-индийского ежегодного саммита «Россия – Индия: прочное и расширяющееся партнерство» (Москва, 9 июля 2024 года) (<http://www.kremlin.ru supplement/6168>)). В разделе «Сотрудничество в сфере образования, науки и техники» Стороны, отметили успешную реализацию Дорожной карты сотрудничества в области науки, технологий и инноваций 2021 года, в том числе реализацию российско-индийских исследовательских проектов, осуществляемых министерствами и научными фондами двух стран, подчеркнули важность сотрудничества в области науки, технологий и инноваций, а также подтвердили взаимную заинтересованность в развитии партнерских связей между образовательными и научными организациями, включая реализацию различных форм академической мобильности, образовательных программ и научно-исследовательских проектов, а также взаимодействие по вопросам открытия на территории Индии филиалов заинтересованных российских образовательных и научных организаций.

Как следует из п. 39, Стороны согласились сосредоточить свое внимание на коммерциализации технологий и предоставлении поддержки на протяжении всего времени реализации совместных проектов, имеющих экономическое и социальное значение. В качестве перспективной инициативы было предложено изучение возможности учреждения международных центров инновационного предпринимательства и межклластерного взаимодействия для совершенствования технологического партнерства.

Если затрагивать область сотрудничества, то она имеет, на наш взгляд, предельно широкий характер: сельское хозяйство и продукты питания, наука и технологии, судостроение и ремонт кораблей, «синяя» экономика, морская промышленность и ресурсы океана, химия и изобретения в ее рамках, энергетика, водные ресурсы, климат и природные ресурсы, здравоохранение и медицинские технологии, биология и биотехнологии, прикладная математика, аналитика данных и соответствующие технологии, материаловедение, физика и астрономия, полярные исследования и нанотехнологии (п. 40).

Немаловажное значение имеют планы по переводу академического сотрудничества двух стран на принципиально новый уровень. Это представляется весьма важным намерением, так как академическое сотрудничество самым тесным образом переплетено с сотрудничеством научно-технологическим. В частности, Стороны согласились продолжить консультации по взаимному признанию дипломов об образовании и ученых

степеней (п. 43). Особое внимание было уделено такой форме академического и научно-технологического сотрудничества, как проведение российско-индийских круглых столов, семинаров, конференций и других мероприятий, направленных на укрепление и расширение двусторонних связей в сфере образования и науки (п. 44). В дополнение была достигнута договоренность о продолжении усилий по развитию связей между университетами и другими образовательными учреждениями. Стороны приветствовали проведенный 17 апреля 2024 года в Индии первый российско-индийский образовательный саммит с участием порядка 60 российских университетов (Indo-Russian Education Summit 2024: Strengthening Educational Ties Between Russia and India (Indo-Russian Education Summit 2024: Strengthening Educational Ties Between Russia and India (17.04.2024) (<https://infobrics.org/post/40982>)).

Условия для расширения российско-индийского сотрудничества создаются в ходе реализации инициатив, выдвигаемых на уровне организационных структур. Стимулы к расширению сотрудничества исходят от переговорного процесса в рамках Межправительственной Российской-Индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, а также в рамках Рабочей группы по науке и технологиям. 23-е заседание МПК прошло в 2018 году, т.е. до пандемии COVID-19 и массированного введения антироссийских санкций, которые вызвали потрясения в мировой экономике и нарушили привычные механизмы международного сотрудничества. МПК собралась на свое 24-е заседание в апреле 2023 года (Нью-Дели, 21 апрель 2023 год). Стороны договорились активизировать проведение мероприятий, направленных на укрепление и расширение двусторонних связей в области образования и науки: конференций, круглых столов, семинаров и вебинаров (Образование, наука и гранты: Минобрнауки России намерено расширить сотрудничество с Индией (20.04.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnistvo/66883/>))).

В рамках заседания российским представителем был поднят вопрос о необходимости актуализации международно-правовой базы двустороннего сотрудничества России и Индии в области высшего образования, расширения прямых партнерских связей между образовательными и научными организациями, а также проведения конкурсов совместных научно-исследовательских проектов по широкому спектру направлений. Также указывалось на возможность проведения регулярных вебинаров и воркшопов с участием руководителей институтов, которые работают по направлениям, закрепленным в Дорожной карте. Помимо этого, индийским партнерам было предложено определить приоритетные направления подготовки молодых ученых в форме стажировок в российских научных центрах (Образование, наука и гранты: Минобрнауки России намерено расширить сотрудничество с Индией(20.04.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnistvo/66883/>))).

Российская сторона предложила создать в рамках МПК новую Рабочую группу по высшему образованию с участием Минздрава России и профильных индийских министерств. Группа призвана обеспечить координацию всего комплекса вопросов, связанных с обучением индийцев в России. Одной из функций Рабочей группы станет разработка межправительственного соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней по общим и медицинским специальностям. Также предметом ее рассмотрения может стать вопрос об открытии в Индии филиалов ведущих российских университетов.

В декабре 2021 года состоялось одиннадцатое заседание Российско-индийской рабочей группы по науке и технологиям. В мероприятии, которое из-за пандемии коронавируса

прошло в режиме онлайн, приняли участие представители министерств обеих стран, ученые и руководители ведущих университетов России и Индии, научных фондов и организаций (Политех выступил с предложениями по развитию дорожной карты двухстороннего сотрудничества России и Индии (<https://ofko.spb.ru/politeh-vystupil-s-predlozheniyami-po-razvitiyu-dorozhnoj-karty-dvuhstoronnego-sotrudnichestva-rossii-i-indii/>)). В рамках состоявшейся сессии представители министерств, академий наук и научных фондов двух стран представили сведения о планируемых в будущем программах поддержки исследовательской деятельности, определили приоритеты и условия совместной работы. В работе сессии приняли участие специалисты институтов РАН и ведущих индийских научных центров. Два ведущих российских университета, имеющих наиболее прочные и продуктивные партнерские отношения с индийской стороной – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и Томский государственный университет, были приглашены для того, чтобы представить свои наилучшие практики реализации двусторонних проектов, а также высказать предложения для внесения в новую дорожную карту.

В ходе заседания прозвучала объективная оценка текущего российско-индийского сотрудничества в сфере НТИ. По мнению проректора Политехнический университет Петра Великого по международной деятельности, члена-корреспондента РАН Д.Г. Арсеньева, «у исследователей наших стран явно недостаточно ресурсов для реализации всех научных идей в русле заявленных стратегий развития наших стран. Наше предложение – увеличить число двусторонних конкурсов, курируемых министерствами и научными фондами, по поддержке научных исследований между РФ и Индией, с привлечением ведущих университетов, участников программ превосходства» (Цит. по: Политех выступил с предложениями по развитию дорожной карты двухстороннего сотрудничества России и Индии (<https://ofko.spb.ru/politeh-vystupil-s-predlozheniyami-po-razvitiyu-dorozhnoj-karty-dvuhstoronnego-sotrudnichestva-rossii-i-indii/>)).

В рамках 12-го заседания Российско-Индийской рабочей группы по науке и технологиям, которое прошло в онлайн-формате в январе 2023 года, российские и индийские ученые, представители вузов и профильных министерств обменялись информацией о таких перспективных направлениях сотрудничества, как биотехнологии, искусственный интеллект, квантовые технологии, киберфизические системы, океанография, медицинские науки, фундаментальная и прикладная физика (Россия и Индия укрепляют сотрудничество в сфере науки и технологий (12.01.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/63021/>))).

Участники рабочей группы обсудили ход реализации межведомственной Дорожной карты российско-индийского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций, подготовленной по решению предыдущего заседания. Рабочая группа отметила высокий уровень институциональных связей Российской академии наук и индийского Совета по научным и промышленным исследованиям, а также подведомственных им научных организаций. Партнеры взаимодействуют посредством вебинаров, встреч, конференций и визитов.

Сотрудничество России и Индии в области НТИ и его значимость для экономик двух стран стало предметом обсуждения в ходе рабочей встречи представителей Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Совета по научным и промышленным исследованиям Министерства науки и технологий Правительства Республики Индии (Минобрнауки России предложило индийским коллегам активизировать взаимодействие в научной сфере (26.05.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/68432/>))).

Также к встрече присоединились представители Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева, Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», Аналитического центра международных научно-технологических и образовательных программ и Ассоциации «Российский дом международного научно-технического сотрудничества».

Примечательно, что обе страны не только выражают готовность к расширению сотрудничества, но и предпринимают активные шаги в этом направлении. Обсуждается сотрудничество по широкому спектру направлений – от космоса до финансов, от искусственного интеллекта до сельского хозяйства. Например, в 2023 г. были анонсированы, но пока не реализованы крупные инвестиционные проекты в фармацевтическом секторе, в том числе создание в России производств Safecon Lifesciences и Anicare Bio Science (RDIF to invest in import substitution of medicines // OREANDA News (11.09.2023) (<https://www.oreanda-news.com/en/gosudarstvo/rdif-to-invest-in-import-substitution-of-medicines/article1488051/>)).

Налицо резкое возрастание количества контактов в сфере Hi-Tech, бизнес-миссий и прочих мероприятий, направленных на установление связей и взаимное ознакомление с возможностями кооперации. Новый логический шаг сделан в развитии двустороннего сотрудничества в сфере информационных технологий: в июле 2023 года Сбербанк объявил о том, что он получил разрешение от Центрального банка Индии на создание своего IT-подразделения в Бангалоре (Russia's Sberbank to set up IT unit in Bengaluru, to hire 200 specialists (27.07.2023) (<https://economictimes.indiatimes.com/tech/technology/russias-sberbank-to-set-up-it-unit-in-bengaluru-to-hire-200-it-specialists/articleshow/102171756.cms>)). Важной вехой сотрудничества в секторе ИКТ станет сотрудничество в сфере квантовых технологий, перспективы которого обсуждаются «Росатомом» и индийскими предприятиями (Россия и Индия изучают перспективы сотрудничества в квантовых технологиях (09.07.2024) (<https://tass.ru/ekonomika/21313589>)). В контексте успешных испытаний квантовых компьютеров (25-кубитный атомный и 20-кубитный ионный квантовые компьютеры) «Росатом» подтвердил планы по предоставлению индийской стороне 50-кубитного квантового компьютера и сервиса по предоставлению облачного доступа (Росатом в 2024 году планирует представить 50-кубитный квантовый компьютер (27.05.2024) (https://nauka.tass.ru/nauka/20917903?utm_source=tass.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=tass.ru&utm_referrer=tass.ru)).

Напомним, что важным сегментом российско-индийского МНТС является сотрудничество академий наук. Это сотрудничество продолжает эффективно развиваться в современных условиях. Например, Институт ядерных исследований РАН пригласил индийских исследователей к работе в Баксанской нейтринной обсерватории в Приэльбрусье, а также на глубоководном нейтринном телескопе «Baikal-GVD», а Институт прикладной астрономии РАН пригласил индийских коллег к проектированию совместной станции для проведения наблюдений методами космической геодезии (Минобрнауки России предложило индийским коллегам активизировать взаимодействие в научной сфере (26.05.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/68432/>)). Одновременно с этим отмечается рост сотрудничества индийских ученых с Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ), который на сегодняшний день взаимодействует с 17 научными и образовательными организациями Индии. Формой сотрудничества является проведение совместных исследований, в том числе в рамках проекта класса мегасайенс NICA. Для дальнейшего развития сотрудничества индийской стороне предложено повышение статуса до

ассоциированного члена. Важным шагом в данном направлении может стать создание Координационного комитета Индия–ОИЯИ, в котором будут представлены все заинтересованные ведомства (Образование, наука и гранты: Минобрнауки России намерено расширить сотрудничество с Индией(20.04.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/66883/>)).

Кроме этого, со стороны российских академических кругов и представителей Министерства науки и высшего образования актуализируется важность взаимодействия в сферах сельского хозяйства, пищевых технологий, экологии, изменения климата и мониторинга данных по углеродному балансу (Минобрнауки России предложило индийским коллегам активизировать взаимодействие в научной сфере (26.05.2023) (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/68432/>)). В дополнение к этому представители Минобрнауки России предлагают проводить тематические двусторонние мероприятия и стажировки для аспирантов и молодых ученых в рамках программ академической мобильности. Это позволит ученым лучше узнать друг друга и далее найти точки соприкосновения для проведения совместных исследований.

И, наконец, важным условием двустороннего научно-технологического, как и академического сотрудничества было и остается достаточное финансирование. В 2023 году по итогам совместного конкурса Минобрнауки России и Департамента науки и технологий Министерства науки и технологий Республики Индия были поддержаны пять проектов со сроком реализации в 2023–2025 гг. До 15 июня 2023 года продолжался прием заявок на четвертый совместный конкурс РНФ–DST с финансированием до 7 млн рублей. Реализация трехлетних проектов запланирована на 2024–2026 годы. Как следует из информационных источников, было поддержано 23 проекта, тогда как на конкурс было подано более 300 заявок. Размер одного гранта со стороны РНФ составил от 4 до 7 млн. рублей ежегодно (Подведены итоги совместного конкурса РНФ и DST – Департамента науки и технологий Министерства науки и технологий Республики Индия (15.02.2024) (<https://xn--m1agf.xn--p1ai/events/podvedeny-itogi-sovmestnogo-konkursa-rnf-i-dst-departamenta-nauki-i-tehnologiy-ministerstva-nauki-i/>)). Новый конкурс на выделение грантов на реализацию проектов в 2025–2027 гг. был объявлен 7 октября 2024 года.

В современном МНТС возрастает значение сотрудничества в сфере инноваций. Это отражает укрепления курса на коммерциализацию результатов НИОКР. Поэтому вполне уместно отметить совместную поддержку Фондом «Сколково» и ключевыми индийскими институтами развития инновационных компаний из двух стран («Сколково» и институты развития Индии поддержат инноваторов из двух стран (07.09.2024) (https://nauka.tass.ru/nauka/21800307?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru)).

Партнеры планируют укрепление деловых контактов между предприятиями и ведущими российскими инновационными малыми и средними предприятиями, а также расширение доступа партнеров к технологиям. В качестве рамок сотрудничества выступают положения меморандумов о сотрудничестве в области исследований, технологий и инноваций, заключенные Фондом и Научно-технологическим парком Пуны Министерства науки и технологий правительства Индии и Фондом технологического бизнес-инкубатора (AIC-SMUTBI). Меморандумы подписаны на площадке международной конференции Startup Village 2024 (Москва, 5–7 сентября 2024 г.). Справочно отметим, что в рамках конференции проходил форум стартапов БРИКС, организованный при поддержке Минэкономразвития России.

В сущности, деятельность Фонда, являющегося одним из ключевых институтов развития,

на индийском направлении весьма значительна, т.к. она открывает широкие перспективы для российских технологических компаний по выходу на индийские рынки и созданию совместных научноемких производств, проведению совместных исследований, разработке новых технологий, реализации инфраструктурных проектов, локализации высокотехнологичных компаний, например, в области телекоммуникаций, спутниковой связи, цифровизации государственного управления и городской среды. Кроме этого, открывается возможность по расширению взаимного доступа к индийским технологиям и продуктам российских инновационных компаний.

Вкратце также надо отметить, что в последнее время определенное оживление происходит в рамках военно-технического сотрудничества Индии и России (ВТС Индии и России переориентируется на разработку передовых оборонных технологий (09.07.2024) (<https://www.interfax.ru/business/970031>)), стимулирование которого было задано Совместным заявлением 2024 года. Как следует из документа, в настоящее время происходит переориентация партнерства на совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, совместную разработку и производство передовых оборонных технологий и систем.

На интенсивность и масштаб двусторонних российско-индийских отношений, а также на их перспективы заметное воздействие оказывает геополитический фактор. В современных условиях, как нам представляется, усложняются его связи с фактором геоэкономическим: первый начинает оказывать существенное воздействие на второй. Совсем недавно в отечественной научной литературе отмечалось, что «с учетом доминирования геоэкономики над геополитикой в современном мире отсутствие России в ряду ведущих торговых партнеров Индии во многом определяет ограничения большего политического вовлечения стран» [34, с. 198]. В настоящее же время можно наблюдать, что российско-индийское МНТС развивается в условиях геополитики антироссийских санкций, что налагает на него заметные особенности. Геополитический фактор создает условия для активизации сотрудничества. Как результат, благодаря оперативному реагированию официальных властей, академических сообществ и бизнес-сообществ двух стран происходит формирование новых форматов взаимодействия, которые позволяют использовать текущую ситуацию взаимовыгодным образом, но не без игнорирования сложности текущего момента. В качестве примера приведем уход с российского рынка такой частной индийской высокотехнологичной ИТ-компания, как Infosys, занимающейся разработкой заказного ПО. Это показывает, что индийские компании не забывают проявлять осторожность в силу возможных вторичных санкций, которые являются своего рода эхом западных санкций, которые привнесли осложнения в реализацию партнерских отношений России и Индии [35, с. 15-20]. Однако затем, как оказалось, компания передумала уходить из России (The Guardian. Infosys still operating from Russia eight months after saying it was pulling out (04.11.2022) (<https://www.theguardian.com/world/2022/nov/04/infosys-still-operating-russia-rishi-sunak-akshata-murty>)).

Само собой разумеется, что реализация целой серии инициатив требует выявления и устранения сохраняющихся барьеров и ограничений, возникающих на пути развития двустороннего МНТС, которые функционируют в едином контексте с проблемами в торгово-экономической плоскости [36]. В число задач расширения сотрудничества двух стран и повышения его эффективности входит нахождение точек соприкосновения между стратегическим приоритетами двух стран в сфере развития НТИ. Речь идет о комплексе направлений научно-технологического развития. В настоящее время наибольшие возможности для кооперации характерны для таких направлений, как ИКТ,

фармацевтика и биотехнологии.

Особенностью современного МНТС является его тесное пересечение с торгово-экономическим и производственным сотрудничеством. Поэтому процессы в торгово-экономическом и производственном сотрудничестве оказывают существенное воздействие на МНТС, определяя перспективы последнего.

В последнее время произошло рекордное увеличение объема товарооборота между двумя странами. С апреля 2022 по февраль 2023 года товарооборот достиг рекордных 45 млрд долл. (Строкань С. Россия и Индия нащупывают точки роста (19.04.2023) (<https://www.kommersant.ru/doc/5940564>)). Это произошло за счет увеличения объема продажи российской нефти. Согласно официальным данным, в 2022 году экспорт российской нефти в Индию вырос в 22 раза, а экспорт российских удобрений (апрель 2022 – февраль 2023) достиг трехлетнего максимума (Новак: поставки нефти из РФ в Индию выросли в 22 раза в 2022 году (28.03.2023) (<https://www.kommersant.ru/doc/5900886>)). Уникальный рост торговли был подтвержден на бизнес-диалоге «Россия – Индия», который прошел в рамках Восточного экономического форума (3–6 сентября 2024 г.) (Бабич Д. Россия – Индия: на ВЭФ обсудили уникальный рост торговли двух стран (12.09.2024) (<https://www.kp.ru/daily/27633/4984138/>)). В результате, Россия в некоторой степени смягчила проблемы, возникающие в результате санкций, а Индия увидела в партнерстве с Россией один из драйверов своего экономического роста. Однако по-прежнему сохраняется дисбаланс торговли, дополненный препятствиями для доступа на рынки для товаров из обеих стран и отсутствием гарантий инвестиций.

Основа роста торгово-экономических связей усматривается в расширении и углублении производственной кооперации, имеющей не «точечный», а системный характер. Как отмечается, «развитие совместных проектов может не только помочь странами преодолеть ряд организационных, инфраструктурных, информационных ограничений, но и ускорить развитие внешнеторговых отношений между странами, вывести их на потенциально возможный уровень» [37, с. 18]. В данном контексте вполне рациональным является подключение представителей российского производственного сектора к программе «Make in India» (Make in India) (<https://www.makeinindia.com/>), нацеленной на позиционирование Индии в качестве крупного производителя и мощного поставщика услуг. Вполне понятно, что серьезное развитие производственной кооперации – это достаточно сложная задача. Ее решение входит, например, в планы Минпромторга РФ, задумывающегося над выходом из узкого круга поставки углеводородов и переходом к развитию в Индии газохимические и нефтеперерабатывающих производств (Главный покупатель: как развивается сотрудничество РФ и Индии в нефтегазе (05.09.2024) (<https://www.rbc.ru/industries/news/6659d7269a7947a78ccc070a>)). Впрочем, как следует из информационных источников, ряд индийских компаний рассматривают возможность локализации производств на Дальнем Востоке и в Мурманской области (Алексей Куприянов о том, что мешает и помогает развитию отношений России и Индии (12.12.2022) (https://www.kommersant.ru/doc/5719785?from=doc_vrez)).

Тезис о взаимосвязанности успехов в МНТС, с одной стороны, и успехами в торгово-экономическом и производственном сотрудничестве – с другой, можно обосновать повышением внимания к коммерциализации результатов НИОКР. В сущности, положения о сотрудничестве России и Индии в данной области содержатся в правовых актах и политико-правовых документах, регулирующих двустороннее сотрудничество. В связи с этим усиление взаимного внимания к интенсификации взаимодействия во многом зависит

от перспектив коммерциализации результатов НИОКР, полученных на кооперационной основе. Подобного рода коммерциализация в свою очередь предполагает углубленное производственное сотрудничество. Поэтому отсутствие интенсивного производственного сотрудничества помимо финансовых и логистических проблем в МНТС двух стран оказывает сдерживающее воздействие на взаимодействие России и Индии в сфере НТИ. В свою очередь на интенсивность производственного сотрудничества значительное влияние оказывает инвестиционный потенциал и внутренний спрос.

В последнем случае ограничения исходят от сравнительно небольшого внутреннего рынка России и ограниченных инвестиционных возможностей двух стран. Поэтому углубление МНТС имеет смысл в том случае, когда имеются перспективы масштабной реализации результатов НИОКР. В последнее время к ограничительным факторам добавились установки на стратегическую автономию/суверенитет в сфере НТИ. Например, Индия рассматривает совместные проекты с точки зрения интересов беспрепятственного трансфера технологий с прицелом на их дальнейшую национализацию при одновременном доступе к рынкам и финансовым ресурсам партнера. Индия всегда была заинтересована, например, в получении российских технологий в оборонной/ядерной сфере, что достаточно проблематично.

Любое перспективное взаимодействие в сфере НТИ предполагает высокий уровень информационного обеспечения. В случае российско-индийского МНТС, по мнению И. Данилина, «существенной проблемой остаются информационные асимметрии: знаний о рынке, технологиях, особенностях друг друга катастрофически не хватает. Число же экспертов и специалистов с обеих сторон ничтожно мало» (Данилин И. Российско-индийское сотрудничество в сфере высоких технологий: через тернии (20.02.2024) (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy-cherez-ternii/>)). С данным утверждением можно согласиться лишь частично. Действительно, информация о рынках высокотехнологичной продукции, функционирующих в двух странах, является неполной. Но, заметим, сфера прикладных НИОКР, которые ориентированы на эти рынки, не исчерпывает всего объема МНТС. В области фундаментальных исследований уровень информированности гораздо выше. Об этом свидетельствуют показатели заявочных компаний в рамках конкурсов РФФИ и РНФ. Но с учетом масштабности индийского сектора НТИ, безусловно, крайне востребовано расширение объема информации о проектах и программах, которые реализуют российские и, соответственно, индийские исследователи, а также информации об их результатах. Это необходимое условие для наращивания количества коллабораций. В рассматриваемом случае достичь широкой осведомленности гораздо легче, чем, например, в случае с российско-китайским МНТС, т.к. китайский сектор МНТС является более закрытым.

Свой вклад в расширение информационной базы может привнести увеличение личных контактов в рамках академических обменов. В русле высказанного представления находится вывод А. Захарова о том, что обратная сторона институционализации российского МНТС – «чрезмерное регулирование, приводящее к чрезмерным бюрократическим барьерам для взаимодействия между учеными и специалистами. В идеале встречи экспертов должны проводиться на гораздо более регулярной основе, чем встречи совместной индийско-российской рабочей группы по науке и технологиям» (Zakharov A. Prospects for India-Russia Scientific and Technological Cooperation (30.12.2024) (<https://diplomatist.com/2019/12/30/prospects-for-india-russia-scientific-and-technological-cooperation/>)). Поэтому вполне целесообразно разработать новую программу межакадемических обменов, тем более что в последнее время

активизировались контакты между академическими секторами двух стран. Как представляется, программа может активизировать сотрудничество в рамках Российско-индийской сети университетов, а также привести к усилению взаимодействия в рамках индийской программы «Глобальная инициатива для академических сетей» (GIAN).

Вполне понятно, что организационные усилия должны подкреплять изысканием новых источников финансирования возможных инициатив. С тех пор, как программа межакадемических обменов была завершена, взаимодействие между российскими и индийскими институтами и исследовательскими центрами было незначительным. Деятельность Российско-индийской сети университетов и возможности, предоставляемые индийской программой «Глобальная инициатива для академических сетей» (GIAN), не приводят к значительному увеличению взаимодействия исследователей. Объединение ученых и создание условий для их продуктивной работы является необходимым минимумом для прорыва в научно-техническом сотрудничестве. Следовательно, актуализируется востребованность в программах, способствующих академическим обменам, которые впоследствии потребуют больших инвестиций.

В продолжение высказанных соображений весьма перспективным представляется развитие площадок/форумов для встреч между предпринимателями, представителями промышленности, инноваторами и учеными в целях обмена идеями и передовым опытом. Примеры таких встреч уже имеются. В декабре 2018 года под эгидой Конфедерации индийской промышленности и Фонда «Сколково» прошел Индо-российский стартап-саммит, на котором обсуждались направления сотрудничества в сфере высокотехнологичных инноваций (1st India-Russia Startup Summit (11.12.2018) (<https://indianembassy-moscow.gov.in/press-releases-1st-india-russia-11-12-18.php>)).

Поддержка подобного рода мероприятий была продолжена и в последующем. Однако требуется расширение круга субъектов инновационной деятельности, которые были бы вовлечены в строительство «моста» между инновационными системами двух стран, что предполагает формирование партнерств между высокотехнологичными кластерами двух стран, а также между другими объектами индустриально-инновационной инфраструктуры.

5. Систематизация мер, направленных на расширение российско-индийского сотрудничества в сфере НТИ

Поскольку в МНТС с Индией прежде всего нуждается Россия, то в российской экспертной среде формулируется перечень из восьми рекомендаций [38, с. 42-43], реализация которых могла бы вывести сотрудничество на качественно новый уровень. Содержание данных рекомендаций заслуживает специального рассмотрения в целях из критической оценки, а в ряде случаев в развитии и дополнении.

В частности, в рекомендации № 1 предлагается проведение регулярных стратегических переговоров для «преодоления любых конфликтов и решения геополитических проблем, препятствующих сотрудничеству в области НТИ, путем открытого обсуждения стратегических приоритетов» [38, с. 42]. С нашей точки зрения, обращает на себя внимание то обстоятельство, что отсутствует указание на формат и субъектов таких переговоров. Вызывает сомнение и то, что такие переговоры вообще необходимы, так как в совместных заявлениях лидеров двух стран развитие двустороннего МНТС и так получило принципиальное одобрение.

В качестве содержания рекомендаций № 2 выдвинуто предложение по созданию финансовых инструментов «для поощрения совместных исследований и разработок в высокотехнологичных областях. Финансовые стимулы могут способствовать развитию

совместных инноваций, снижая при этом финансовые барьеры». Однако авторы рекомендаций не указывают на то, что они должны из себя представлять. В то же время следует согласиться с тем, что число грантов на совместные проекты нуждается в существенном увеличении. Но здесь возникает проблема, связанная с тем, что ресурсы РНФ не безграничны. Следовательно, следует разрабатывать новые финансовые инструменты. В принципе, как нам представляется, обоснованно создать Российско-индийский научный фонд.

Рекомендация № 3 содержит предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения МНТС. В частности, предлагается оказание содействия «гармонизации нормативно-правовой базы, связанной с передачей технологий, конфиденциальностью данных и защитой интеллектуальной собственности, с целью создания прозрачных и подробных соглашений о передаче технологий, определяющих параметры обмена знаниями, защиты интеллектуальной собственности и взаимной выгоды». Однако на практике осуществить гармонизацию достаточно сложно, тем более в рамках российско-индийских двусторонних отношений. Это можно обосновать тем, что для Индии Россия не является одним из главных научных партнеров, тогда как наша страна, конечно же, стремится к тому, чтобы Индия стала ее одним из главных партнеров. Но одна из главных помех гармонизации – это различия в правовых системах. Вызывает также нарекание следующая конструкция – «гармонизация ... в целях создания прозрачных и подробных соглашений». Заметим, что все обстоит наоборот: именно соглашения заключаются в целях достижения гармонизации. Вызывает также нарекание и фраза о том, что «такие соглашения могут служить правовой основой для защиты информации, являющейся интеллектуальной собственностью...». Возникает вопрос о том, является ли информация объектом прав интеллектуальной собственности? С нашей точки зрения, достаточно распространенной практикой в рамках МНТС стало включение в соглашения о сотрудничестве приложений о распределении прав на объекты интеллектуальной собственности, ставшие результатом совместных разработок. В рассматриваемом случае ориентирами для содержания данных приложений продолжают оставаться положения Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Индии об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность, хотя и они нуждаются в модернизации.

Следует полностью признать своевременной рекомендацию № 4 о внедрении надежных процедур для защиты информации и данных, находящихся в совместном пользовании. Здесь подразумевается создание безопасных линий коммуникации, разработка и внедрение стандартов шифрования, а также введение соответствующих протоколов в целях обеспечения конфиденциальности и целостности информации, связанной с технологиями. Действительно, как показано в литературе, цифровые трансформации охватили не только научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность, но и МНТС [\[39\]](#). В сущности, наличие высочайших компетенций двух стран в сфере ИКТ может, на наш взгляд, выступить основой для цифровых трансформаций двустороннего сотрудничества, что сделает его не только современным, но и предельно эффективным.

Рекомендация № 5 о дальнейшей реализации программно-проектного подхода к сотрудничеству в аэрокосмической, фармацевтической и др. отраслях не отличается новизной. Но сама идея, пусть и изложенная в чрезвычайно витиеватой форме, о рассмотрении проектного сотрудничества в качестве основы форматов системных партнерств не вызывает сомнений.

Поощрение академических институтов, исследовательских групп и коммерческих фирм к

формированию государственно-частных партнерств (ГЧП) предусматривается в Рекомендации № 6. Их назначение усматривается в объединении ресурсов, облегчении обмена опытом и в ускорении технологического прогресса. По всей видимости, в данном случае речь идет о формировании ГЧП на национальном уровне в сфере НТИ. Согласимся с тем, что это вполне рациональное предложение, как и предложение о привлечении крупнейших российских и индийских корпораций к поддержке двусторонних проектов в области НИОКР в форме грантов, заключения регулярных контрактов на проведение НИОКР, реализации краудсорсинговых инициатив «Росатома», Сбербанка, «Reliance» и др. В дополнение к этому предложены такие меры, направленные на устранение информационных пробелов, как информационная поддержка; обмен передовым опытом о сотрудничестве с различными отраслевыми ассоциациями и/или компаниями, которые имеют опыт ведения бизнеса в странах-партнерах; обмен передовым опытом о сотрудничестве с аналитическими центрами/исследовательскими институтами, внимание которых сосредоточено на российско-индийских отношениях специализирующимися; обмен информацией между региональными и центральными органами власти, в сферу компетенции которых входит торговля и инвестиции.

Согласно рекомендации № 7 необходимо организовать регулярные перекрестные «миссии» (делегации – прим. авторов статьи) в Россию и Индию по вопросам НТИ, в которые будут входить представители исследовательских и деловых кругов. Действительно, это послужит хорошей основой для расширения личных контактов. Однако, как нам думается, установление личных контактов должно быть подчинено цели разработки и дальнейшей реализации проектов совместных НИОКР.

Рекомендация № 8 предусматривает необходимость интенсификации содействия академическому сотрудничеству в форме развития двусторонних научных и образовательных программ с вовлечением разных категорий обучающихся (студенты старших курсов университетов, учащиеся колледжей, ученики средних школ). Следует признать актуальным предложение о вовлечении к формированию и реализации таких программ представителей бизнес-структур и возможных работодателей.

И, наконец, не следует забывать о планомерном развитии российско-индийского МНТС на уровне БРИКС+. Но здесь есть один нюанс. Как мы полагаем, дальнейшее развитие двусторонних отношений в рассматриваемой области не следует подменять переключением внимания на многосторонний формат взаимодействия двух стран, т.к. в данном случае существующие проблемы двусторонних связей так и останутся не решенными.

Заключение

В результате проведенного исследования российско-индийских научно-технологических отношений на современном этапе можно сделать вывод о положительной динамике совместного взаимодействия двух стран в сфере НТИ. Представляется, что имеются широкие перспективы, связанные с усилением НТИ-сотрудничества двух стран, которое позволило бы внести вклад в обеспечение их лидерства в ведущих отраслях.

Основой данного вывода является наличие развитого международно-правового механизма регулирования МНТС двух стран. В него входят положения международных соглашений, заключенных между Россией и Индией, выполнение обязательств по которым стимулируют политico-правовые ориентиры, позволяющие корректировать двустороннее взаимодействие и осуществлять его углубление. Они отражены в документах политico-правового характера (декларации, заявления, меморандумы).

Вертикальный уровень правового регулирования (межправительственные соглашения) дополнен горизонтальным уровнем (соглашения между российскими и индийскими учреждениями научно-образовательной сферы). Механизм регулирования включает в себя также программный метод регулирования, создающий условия для реализации соответствующих международно-правовых обязательств. Условием успехов в сотрудничестве выступает наличие необходимого организационного механизма, представленного межправительственными структурами.

Вместе с тем, в настоящее время данное сотрудничество по своему объему не столь значительно, а положения политico-правовых документов подчас имеют характер декларативных намерений, которые пока не воплощаются в широком объеме конкретных научных проектов. Масштабной разработке и последующей непосредственной реализации крупных научно-технологических проектов России и Индии препятствует ряд политico-правовых и социально-экономических проблем, которые требуют незамедлительного решения. Это связано с тем, что МНТС – это сложная сфера, каждый компонент которой – финансирование, академические и научные обмены, семинары и симпозиумы, совместные исследования, внедрение изобретений и т.д., – не может быть проигнорирован.

В особом осмыслиении в настоящее время нуждается проблематика выстраивания нового формата российско-индийской научной дипломатии. Последняя должна учитывать тяготение индийского академического и инновационного сектора к США, что наиболее динамично происходит на уровне многочисленной индийской научной диаспоры. Не менее значимым фактором такой дипломатии является выбор методов интенсификация российско-индийского МНТС в условиях наращивания сотрудничества России и Китая в сфере НТИ, что может болезненно восприниматься индийской стороной.

Научное партнерство России и Индии переживает период, который требует реализации накопленного длительной историей сотрудничества потенциала путем развития научной кооперации по совместной генерации инновационных знаний и технологий на уровне конкретных крупномасштабных проектов. Кроме того, важным моментом представляется поощрение научно-исследовательской кооперации не только в части прикладных исследований, но и в части научных проектов, имеющих фундаментальный характер.

Библиография

1. Куприянов А.В. Сотрудничество России и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях санкций // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 117–135. doi: 10.17323/1996-7845-2019-03-06
2. Shaumyan T. Russian-Indian Bilateral Cooperation // India-Russia Strategic Partnership: Common Perspectives / ed. by P. Stobdan. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2010. Р. 149–164.
3. Гусаков Н.П., Коновалова Ю.А. Состояние и перспективы российско-индийского сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики // Финансы и кредит. 2017. № 23. С. 292–308.
4. Рахамимов Ш.М. Международное научно-техническое сотрудничество России и зарубежных стран: обзор инструментария // Вестник Московского ун-та. Сер. 27. Глобалистика и geopolitika. 2021. № 4. С. 51–66.
5. Лукин А.В., Иванов А.В. Перспективы российско-индийских отношений // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 318–323.
6. Минина Т.И., Глеков Э.Я. Торговая интеграция России и Индии // Хроноэкономика. 2019. № 2. С. 125–129.

7. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Индия во внешней культурной политике России (Основные направления российско-индийского культурного и научного сотрудничества на современном этапе) // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб.: Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2008. С. 318–330.
8. Буртовой М.Ю. Международное научно-техническое сотрудничество России и Индии: формы сотрудничества // Международный научный журнал «Символ науки». 2023. №1-2. С. 56–59.
9. Singh S. Political and Strategic Dimensions of India-Russia Relations in Present Scenario // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 8. Issue 6. P. 1232–1239.
10. Vaish A. Promising Future for India Russia STI Cooperation // Science Diplomacy Review. 2018. Vol. 1. Issue 1. P. 3, 11.
11. Михайлов А.С., Хвалей Д.В, Сингх П., Сингх В. К. Потенциал российско-индийского научного сотрудничества (на примере регионов западного порубежья России) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 103–117.
12. Акарашов И.С. Российско-индийские отношения: от «паузы» в середине 1990-х гг. до «стратегического партнерства» начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 4. С. 16–19.
13. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З. Россия – Индия: военно-техническое сотрудничество – весомый компонент стратегического партнерства // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 3 (noo-journal.ru). doi: 10.24411/2311-1763-2016-00019
14. Валуева И.А., Коновалова Ю.А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 1. С. 28–37.
15. Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 73–90. doi: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
16. Петрушина О.М., Дзирун И.А., Чичерова В.Н. Роль Шанхайской организации сотрудничества в формировании мироустройства // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии, 2022. №9-2. С. 121–123.
17. Андреева Е.Л., Захарова В.В., Ратнер А.В. Научно-технологическое сотрудничество России в условиях становления международного экономического партнерства нового формата // Известия УрГЭУ. 2016. № 6. С. 132–140.
18. Агапова А. В. Анализ ключевых показателей российско-индийских внешнеторговых отношений // Бюллетень инновационных технологий. 2021. Т. 5. № 2. С. 15–19.
19. Ахмедзянов Р.Р., Саакян А.А. Совершенствование таможенного администрирования в условиях функционирования ЕАЭС // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 35. С. 58–62.
20. Мигел А.А., Осипов В.И. Состояние мирового рынка нефти: изменения и запас прочности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-2. С. 177–180.
21. Меркулова К. О. Торговое партнёрство России и Индии: проблемы и меры их решения // Научный аспект. 2020. Т. 1. № 2. С. 126–135.
22. Россия – Индия: новый уровень сотрудничества. Интервью первого заместителя Председателя Правительства РФ С.Б. Иванова индийской газете «Таймс офф Индия» // Глобальное партнерство. 2007. № 3. С. 9–10.
23. Zadorina, A. Review on S&T Cooperation between Russia and India // Southern perspectives on science and technology cooperation. New Delhi: Research and information system for developing countries. 2019. P. 45–50.

24. Mandal K., Priti, Grewal H. Looking back: India-Russia collaboration in Science and Technology // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 3. С. 65–83.
25. Юрлов Ф. Россия и Индия: проблемы сотрудничества и безопасности // Россия и мусульманский мир. 2005. № 12. С. 134–140.
26. Mallapaty S. et al. The countries maintain research ties with Russia // Nature. 2022. Vol. 604. Issue 7905. P. 227–228. doi: 10.1038/d41586-022-00945-3
27. Mammen J.T., Nirupama A.K. Evolution of Science Technology and Innovation policies of India: Assessing the role of the domestic and international milieu // Comparative Strategy. 2024. Vol. 43. Issue 2. P. 118–136. doi: 10.1080/01495933.2024.2317253
28. Mukhopadhyay D. Science, Technology and Innovation Policy 2013: outline of a coherent strategy for translating it into action // Current Science. 2015. Vol. 109. № 5. P. 863–868. doi: 10.18520/cs/v109/i5/863-868.
29. Krishna V. Science, Technology and Innovation Policy 2013: High on Goals, Low on Commitment // Economic and Political Weekly. 2013. Vol. 48. № 16. P. 15–19.
30. Sheikh F. Science, Technology and Innovation Policy 2013 of India and informal sector innovations // Current Science. 2014. Vol. 106. № 1. P. 21–25.
31. Joseph K. Science, Technology and Innovation Policy 2013: whither innovation and inclusion? // Indian Journal of Medical Ethics. 2013. Vol. 10. Issue 2. P. 104–106. doi: 10.20529/ijme.2013.031
32. Mani S. The Science, Technology and Innovation Policy 2013: An Evaluation // Economic and Political Weekly. 2013. Vol. 48. Issue 10. P. 16–19.
33. Ngawang T., Singh N., Killemsetty N. Analyzing India's Science and Technology Policy – A Comparative Perspective // Jindal Journal of Public Policy. 2022. Vol. 6. Issue 2. P. 28–41.
34. Куприянов А., Бандари А., Гири Ч., Кулкарни Г. Российско-индийское сотрудничество в контексте санкций: негативные последствия и новые возможности. Аналитическая записка. М.: РСМД, 2018. 24 с.
35. Захаров А.И. Стратегическое партнерство США и Индии: вызовы для России // Власть. 2016. № 8. С. 195–198.
36. Меркулова К.О. Торговое партнёрство России и Индии: проблемы и меры их решения // Научный аспект, 2020. Т. 1. № 2. С. 126–135.
37. Агапова А.В., Кхатри Т. Анализ ключевых показателей российско-индийских внешнеторговых отношений // Бюллетень инновационных технологий. 2021. Т. 5. № 2. С. 15–19.
38. Российско-индийские отношения в широком геополитическом контексте: доклад № 92 / 2024 [А.В. Кортунов, Т. Саймон [и др.]; под ред. Ю. Ю. Мельниковой, С. М. Гавриловой и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2024. 52 с.
39. Шугуров М.В., Можилин С.И. Цифровая трансформация науки: междисциплинарный подход // Науковедческие исследования. 2022. № 4. С. 101–129. doi: 10.31249/scis/2022.04.06

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы и перспективы научно-технологического сотрудничества России и Индии в современных условиях. Авторы сосредоточили свое внимание на международно-правовом аспекте проблемы. Заявленные границы исследования соблюdenы учеными.

Методология исследования раскрыта: "В процессе достижения цели исследования и решения поставленных задач авторы использовали следующие методы и подходы: историко-правовой метод, метод прогнозирования, формально-догматический метод, системный подход, метод моделирования".

Актуальность избранной авторами темы исследования несомненна и обосновывается ими достаточно подробно: "Осложнения в сфере участия России в международном научно-технологическом сотрудничестве (далее – МНТС), вызванные введением беспрецедентных экономических и связанных с ними научных санкций, побуждают нашу страну активизировать научные связи в географических направлениях, которые не затронуты прессингом санкционного давления. Существенной компенсацией негативных последствий приостановки действия соответствующих соглашений, а также институциональных разрывов в международном сотрудничестве в научно-технической сфере, которые были предприняты западными государствами, их университетами, научными центрами и академическими ассоциациями, стала интенсификация сотрудничества России с государствами Азии.

Усиление внимания к государствам Азии в рамках общего курса поворота на Восток произошло в период введения первых пакетов антироссийских санкций. Беспрецедентный шквал антироссийских санкций 2022 года стал своего рода драйвером перехода от риторики поворота на Восток к реальной практике выстраивания новых форматов внешнеполитических связей. Вполне заметно, что расширение экономических связей с государствами данного региона сопряжено с расширением и углублением научно-технологического сотрудничества, в сфере которого до этого уже был накоплен существенный задел и получены значимые результаты. К одному из государств, экономические отношения и научно-технологические связи с которым претерпели в последнее время существенную актуализацию, относится Индия, являющаяся на сегодняшний день одним из перспективных полюсов глобального экономического и научно-технологического развития. ... Несмотря на то, что наши страны на сегодняшний не относятся к числу основных партнеров в научно-технологической сфере, их заинтересованность друг в друге не вызывает сомнений, тем более МНТС было и остается инструментом достижения глобальной конкурентоспособности государств [4]. Инициатором активизации сотрудничества выступает Россия, намеревающаяся восполнить ущерб от потери институциональных связей с некоторыми основными государствами-партнерами в научной сфере. С учетом того, что Индия на данный момент достигла серьезных результатов по целому ряду направлений науки, технологий и инноваций (далее – НТИ), российской стороной предпринята целая серия инициатив по переходу к качественно новому уровню научно-технологического сотрудничества с Индией, которая также демонстрирует свою заинтересованность в нем. Представление о том, что Россия и Индия являются стратегическими партнерами в научно-технологической сфере, является скорее стратегическим ориентиром, нежели констатацией реального положения дел. Его реализация на практике предполагает усиление интенсивности и расширение направлений научно-технологического сотрудничества. В свою очередь, решение данной задачи требует обеспечения перехода к качественно новому уровню связности в рамках торгово-экономических и производственных отношений. Политическая основа осуществления скачка в двусторонних отношениях – особо привилегированное стратегическое партнерство двух стран, которое одновременно предполагает установку на формирование модели полицентричного мира. Общий контекст взаимного притяжения – стремление занять достойное место в процессе перехода к Индустрии 4.0 и усилить свои конкурентные преимущества. Одновременно с этим вполне заметны и прагматические интенции. Для России – это стремление сохранить и усилить свой научно-технологический потенциал, а

также расширить направления внешнеэкономических связей, которые пострадали от масштабных санкций, в том числе в научно-технологической сфере. Для Индии – это стремление как можно более эффективно использовать для своей выгоды ситуацию, в которой оказалась Россия, являющаяся ее стратегическим партнером, в том числе ключевым партнером по линии БРИКС. Важнейшей предпосылкой перехода научно-технологического сотрудничества на новый уровень, который обеспечивает лидерство в «отраслях будущего», является укрепление политической связанности двух государств, а также развитие диалога не только между представителями академической сферы, но и представителями бизнес-сообществ двух стран".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений авторов: "... в специальном исследовании было выявлено, что удельный вес научных работ по естественно-научному профилю значительно превышает удельный вес научных работ по общественно-социальной и гуманитарной тематике [11, с. 110]. Отмеченные показатели сигнализируют об определенных изъянах российско-индийского МНТС, а именно о незначительной степени сотрудничества в сфере социально-гуманитарных наук"; "... если в 2010-х годах Россия являлась исключительным поставщиком военной техники в Индию, то ныне ее конкурентами стали другие государства, например, США и Израиль, которые наращивают свои усилия в данном направлении [14]. Это приводит к сокращению числа российско-индийских кооперационных проектов. Впрочем, проблемы в развитии кооперации наглядным образом появляются также в авиационной отрасли. Так, планы по сборке в Индии самолетов SSJ и узкофюзеляжных среднемагистральных пассажирских МС-21 оказались не реализованы"; "Что касается кооперационного производственного взаимодействия, то реализованы отдельные проекты, связанные с локализацией производств в Российской Федерации. И все же, несмотря на наличие опыта совместных биомедицинских исследований в период СССР, до недавнего времени двусторонние отношения не отличались глубиной. Картина частично изменилась во время пандемии COVID-19, когда российские «Спутник V» и «Спутник Лайт» получили одобрение регулирующих органов в Индии и было организовано их массовое производство на мощностях Института сыворотки крови Индии. Как следует из приведенного краткого обзора, спектр взаимодействия достаточно специализирован и не охватывает другие направления биомедицинских исследований и фармацевтического производства"; "Итак, взаимодействие в научно-технологической сфере двух стран характеризуется определенным прогрессом. Однако в экспертной среде высказывается мнение о том, что оно имеет характер «выборочной» кооперации, т.е. является фрагментарным (Данилин И. Российско-индийское сотрудничество в сфере высоких технологий: через тернии (20.02.2024) (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy-cherez-ternii/>)). Это объясняется «провалами» сотрудничества, которые наблюдались в 1990-е гг. Как следствие, текущее сотрудничество уступает уровню сотрудничества, которое имело место в 1980-е гг. С нашей точки зрения, действительно, далеко не все направления МНТС, запланированные в Комплексной программе, были реализованы в полную меру. Как следствие, наши страны друг по отношению к другу не относятся к числу основных государств-партнеров в сфере МНТС. Налицо также определенные неудачи в реализации производственно-технологических проектов, например, в сфере авиастроения, которые с самого начала позиционировали в качестве кооперативных и предполагали существенный объем двусторонних инвестиций. На фоне достаточно внушительного количества реализуемых проектов, научно-технологическое сотрудничество остается фрагментарным из-за неполноты реализации возможных контактов. Подобного рода картина отражает характер торгово-экономического сотрудничества двух стран, которое во многом ограничивается контрактами на поставку

той или иной номенклатуры высокотехнологичной продукции, а не нацелено на ее совместное производство"; "Рекомендация № 3 содержит предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения МНТС. В частности, предлагается оказание содействия «гармонизации нормативно-правовой базы, связанной с передачей технологий, конфиденциальностью данных и защитой интеллектуальной собственности, с целью создания прозрачных и подробных соглашений о передаче технологий, определяющих параметры обмена знаниями, защиты интеллектуальной собственности и взаимной выгоды». Однако на практике осуществить гармонизацию достаточно сложно, тем более в рамках российско-индийских двусторонних отношений. Это можно обосновать тем, что для Индии Россия не является одним из главных научных партнеров, тогда как наша страна, конечно же, стремится к тому, чтобы Индия стала ее одним из главных партнеров. Но одна из главных помех гармонизации – это различия в правовых системах" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан авторами в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученые обосновывают актуальность избранной ими темы исследования, определяют его цель, задачи и методологию. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "1. Правовые, политико-правовые и организационные основы научно-технологического сотрудничества России и Индии"; "2. Российско-индийское научно-технологическое сотрудничество: успехи и проблемы"; "3. Предпосылки отношения к Индии как перспективному научно-технологическому партнеру"; "4. Активизация российско-индийского научно-технологического сотрудничества в условиях антироссийских санкций 2022–2024 гг.>"; "5. Систематизация мер, направленных на расширение российско-индийского сотрудничества в сфере НТИ". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 39 источниками (научными статьями и аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Авторам удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (И. Данилин, О. М. Петрушина, И. А. Дзирун, А.В. Кортунов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется авторами корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В результате проведенного исследования российско-индийских научно-технологических отношений на современном этапе можно сделать вывод о положительной динамике совместного взаимодействия двух стран в сфере НТИ. Представляется, что имеются широкие перспективы, связанные с усилением НТИ-сотрудничества двух стран, которое позволило бы внести вклад в обеспечение их лидерства в ведущих отраслях. Основой данного вывода является наличие развитого международно-правового механизма регулирования МНТС двух стран. В него входят положения международных соглашений, заключенных между Россией и Индией, выполнение обязательств по которым стимулируют политico-правовые ориентиры, позволяющие корректировать двустороннее взаимодействие и осуществлять его углубление. Они отражены в документах политico-правового характера (декларации, заявления, меморандумы). Вертикальный уровень правового регулирования (межправительственные соглашения) дополнен

горизонтальным уровнем (соглашения между российскими и индийскими учреждениями научно-образовательной сферы). Механизм регулирования включает в себя также программный метод регулирования, создающий условия для реализации соответствующих международно-правовых обязательств. Условием успехов в сотрудничестве выступает наличие необходимого организационного механизма, представленного межправительственными структурами. Вместе с тем, в настоящее время данное сотрудничество по своему объему не столь значительно, а положения политico-правовых документов подчас имеют характер декларативных намерений, которые пока не воплощаются в широком объеме конкретных научных проектов. Масштабной разработке и последующей непосредственной реализации крупных научно-технологических проектов России и Индии препятствует ряд политico-правовых и социально-экономических проблем, которые требуют незамедлительного решения. Это связано с тем, что МНТС – это сложная сфера, каждый компонент которой – финансирование, академические и научные обмены, семинары и симпозиумы, совместные исследования, внедрение изобретений и т.д., – не может быть проигнорирован"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права.

Англоязычные метаданные

The problem of dividing the rights of beneficiaries to property transferred to a foreign trust as common property of spouses

Patronova Anastasiya Ruslanovna

Postgraduate student; Department of Private International Law; O. E. Kutafin Moscow State Law University

52k1 Vavilova str., Moscow, 119296, Russia

 patronova.anastasian@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature of the beneficial rights of spouses to jointly acquired property. Using the example of judicial practice of the courts of the Russian Federation, the author analyzes the possibility of dividing the rights to property transferred to a foreign trust in Russian jurisdiction. The obscurity of such concepts as "trust" and "beneficial ownership" in the domestic legal system leads to a number of problems in resolving this category of disputes, which leads to insecurity of the rights and legitimate interests of interested parties.

The relevance of the problem under consideration is due to the lack of uniform practice and, as a result, the approach of Russian courts to the qualification of beneficial rights. Most often, the courts proceed from the impossibility of declaring these rights to be divided due to their non-recognition as property by the Civil Code of the Russian Federation and as common property of spouses by the Family Code of the Russian Federation. The article examines the advantages of applying foreign law in the consideration of disputes on the division of common property of spouses transferred to a foreign trust. In the course of the research, the author turns to the method of comparative analysis to identify the main contradictions of judicial practice in this category of disputes. The conducted research revealed the need to turn to foreign law not only at the stage of dispute resolution, but also in the qualification of legal concepts, due to the unknown institutions of trust and beneficial ownership of the domestic legal system.

The author concludes that there are such legally significant circumstances for the fair resolution of the mentioned category of disputes: establishing the figure of the beneficiary, submitting documents to the court on the establishment of the trust, proving the property interest of the interested party in the property transferred to the trust. Due to the current disparate practice of Russian courts, it is necessary for the Supreme Court of the Russian Federation to clarify the obligation of courts to apply to foreign law when considering disputes complicated by a foreign element, in particular in disputes over the division of property transferred to a foreign trust.

Keywords: applicable law, legal nature, qualification of legal concepts, foreign law, beneficial rights, trust, court, matrimonial property, separation of property, spouses

References (transliterated)

- Novikov V.S. Doveritel'naya sobstvennost' (trust) v zakonodatel'stve, pravovoi doktrine i sudebnoi praktike stran romano-germanskoi pravovoi sem'i // Zakon. 2023. № 3. S. 182-203.

2. Budylin S.L. Tituly i tsennosti. Razdel semeinogo imushchestva i trasty // Zakon. 2017. № 2. С. 42-56.
3. Sokolova N.V. Doveritel'naya sobstvennost' (trast) v kontinental'noi Evrope. M.: Infotropik Media, 2012.
4. Kanashevskii V.A. Kontseptsiya benefitsiarnoi sobstvennosti v rossiiskoi sudebnoi praktike (chastnopravovye aspekty) // Zhurnal rossiiskogo prava. 2016. № 9. С. 27-38.
5. Oxford Dictionary of Legal Terms, Sixth Edition / Edited by Elizabeth A. Martin, Market House Books, 2003.
6. Morozova O.S., Berman A.I. Nalogovye aspekty nekotorykh instrumentov nasledstvennogo planirovaniya // Zakon. 2024. № 2. С. 89-96.
7. Kanashevskii V.A. Kollizionnye voprosy razdela mezhdu suprugami sovmestno nazhitogo imushchestva, nakhodyashchesya za rubezhom // Zakon. 2020. № 2. С. 178-185.
8. Tyagai E.D. Pravo sobstvennosti na nedvizhimost' v SShA: Sloznostrukturnye modeli. M.: Prospekt, 2014.
9. Faust D.I. Asset Protection Trusts: Some Practical Recommendations / Ed. by A. Kaplan. New York: Globe Business Ltd, 2010.
10. Kanashevskii V.A. Vzaimootnosheniya uchastnikov trasta v otnoshenii peredannogo v trast imushchestva // Zhurnal rossiiskogo prava. 2017. № 10. С. 37-49.
11. Sirazhetdinova O. Razdel zarubezhnogo imushchestva. Analiz sporov // Zhilishchnoe pravo. 2020. № 1. С. 71-76.

Application of Article 25 of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts

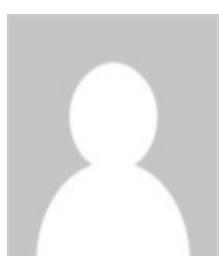
Yin Yihai

Doctor of Law

Professor, Russian-Chinese Center for Comparative Law, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuanlu str., 1, office 1003

✉ yinyh@szu.edu.cn

Zhang Zhan

PhD in Politics

Researcher of Russian-Chinese Center for Comparative Law, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuanlu str., 1, office 657

✉ zhan.zhang@yandex.ru

Abstract. As human exploration and use of outer space increases, the problem of space debris becomes more acute. The accumulation of space debris poses a huge threat to the exploration and use of outer space and may also affect the Earth's atmosphere and the environment. International organizations encourage national and non-governmental organizations to take initiatives in removing space debris. However, current international space law does not contain comprehensive rules governing the active removal of space debris of other States, which does not allow establishing the legality of such actions in international law. In the context of the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts (ARS), it would be useful to clarify the issue of State responsibility for the active removal of space debris of other States. This article uses the literature review method

and the case analysis method. In particular, a detailed analysis of the application of the relevant provisions of ARS was conducted, which provides useful ideas for solving the problem of space debris and regulating space activities. It was noted that it is necessary to improve the legal system and that the active removal of space debris of other States should be discussed on a case-by-case basis. If the country to which the space debris belongs clearly does not consent to other countries to clean up its space debris, then continuing to clean up the space debris of other countries should be determined to be an internationally wrongful act. However, after a country takes the initiative to clean up the space debris of other countries, it can also declare a state of emergency to eliminate the illegality of its actions depending on the specific circumstances, thereby promoting the active participation of countries in cleaning up space debris and protecting the space environment.

Keywords: major and imminent danger, state of necessity, low orbit giant constellation, substantial interest, legality, state responsibility, internationally wrongful acts, active removal, space debris, balance of benefits

References (transliterated)

1. Cassella S. La nécessité en droit international: De l'état de nécessité aux situations de nécessité. Brill Press, 2011, 159.
2. Cowing K. Space debris: A quantitative analysis of the in-orbit collision risk and its effects on the Earth. (2023-06-30) [2023-09-11]. <https://phys.org/news/2023-06-space-debris-quantitative-analysis-in-orbit.html>.
3. Crawford, James. State Responsibility: The General Part. Cambridge University Press, 2014, 307.
4. Enron Corporation and Ponderosa Assets LP v Argentine Republic, ICSID Case No ARB/01/3, Award (22 May 2007) para. 289; Bernhard von Pezold and Others v Republic of Zimbabwe, ICSID Case No ARB/10/15, Award (28 July 2015) para. 628.
5. ESA Space Debris Office, ESA'S ANNUAL SPACE ENVIRONMENT REPORT, The European Space Agency, GEN-DB-LOG-00288-OPS-SD, 2023, 53.
6. Federica P. Michael W. Necessity 20 Years On: The Limits of Article 25 // ICSID Review, 2022(1-2), 1-2.
7. Fitzmaurice M. Necessity in International Environmental Law. Netherlands Yearbook of International Law, 2010, 41, 163.
8. Henderson C. The Use of Force and International Law. Cambridge University Press, 2018, 277.
9. Larry, Alexander. Lesser evils: A closer look at the paradigmatic justification // Law and Philosophy, 2005, 24, 629.
10. Manton R. Necessity in international law. University of Oxford, 2016, 170-171.
11. Paddeu, Federica, Justification and Excuse in International Law: Concept and Theory of General Defences. Cambridge University Press, 2018, 348.
12. Sempra Energy International v Argentine Republic, ICSID Case No ARB/02/16, Award (29 September 2007) para. 326; BG Group Plc v The Republic of Argentina, UNCITRAL, Award (24 December 2007) para. 393; National Grid plc v The Argentine Republic, UNCITRAL, Award (3 November 2008) para. 245.
13. The European Space Agency, Space debris by the numbers. (2023-9-12) [2023-9-14]. URL: <https://sdup.esoc.esa.int/dicosweb/statistics/>.
14. United Nations. Materials on the Responsibility of States for Internationally Wrongful

- Acts (Second Edition). United Nations Publication, 2023, 274.
15. United Nations. Yearbook of the International Law Commission (Volume II Part Two). United Nations Publication, 1980, 49.
16. 王国语, 卫国宁. 低轨巨型星座的国际空间法问题分析 [Van Goyui, Vei Gonin. Analiz problem mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava v svyazi s nizkoorbital'nymi mega-gruppirovkami] // International Law Studies, 2022 (02), 84-97.
17. 曹喜滨, 李峰, 张锦绣等. 空间碎片天基主动清除技术发展现状及趋势 [Tsao Sibin', Li Fen, Chzhan Tszin'syu i dr. Sostoyanie i tendentsii razvitiya kosmicheskikh tekhnologii aktivnogo udaleniya kosmicheskogo musora] // Zhurnal Natsional'nogo universiteta oboronnykh tekhnologii, 2015, 37 (04), 117-120.

Is public control possible in relation to international governmental organizations: towards the formulation of the problem

Malinovskii Oleg Nikolaevich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure and International Law; Kuban State University
Head of the Department; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Kuban State University'

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure and International Law; Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Petrenko Elena Gennad'evna

PhD in Law

Associate Professor of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the formalization and analysis of the problem associated with the possibility of public control over international governmental organizations. Unlike the public authorities of national States, the constitutions and legislation of most of which provide for the possibility of organizing and exercising public control over their activities, acts and decisions, international governmental organizations created by representatives of public authorities of national States are, in fact, removed from the subject of control of the peoples of the world. This circumstance creates favorable conditions for irresponsibility in the behavior of officials of these international governmental organizations, which leads to violation of the rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities provided for by both national legislation and international law. A number of scientific research methods are used in the work, including: formal-logical; comparative-legal; historical-legal; statistical; sociological; method of analyzing specific legal situations. The paper examines the main problems that hinder the organization and implementation by the peoples of the world of

public control measures in relation to international government organizations, as well as their territorial representations in individual states. The authors have developed and substantiated a system of measures to resolve these problems, including by: enshrining in the UN Charter and constituent documents of international governmental organizations the right of peoples to organize and exercise public control over international governmental organizations, as well as their territorial representations in individual states (with details of principles, forms, methods, principles and mechanism measures of the specified control, types of its subjects authorized to carry out these public control measures); creation of interstate and international associations and unions of public control, which should be empowered to carry out the above-mentioned measures; consolidation in international and national legislation of a system of measures of legal responsibility for countering the specified subjects of public control in the organization and conduct of the above-mentioned public control measures organization of scientific and practical research on the problems of this type of public control; development of a system of measures to verify the effectiveness and efficiency of the work of the above-mentioned subjects of public control.

Keywords: people's sovereignty, democracy, problem statement, governmental organizations, international, public control, state sovereignty, national sovereignty, Russian Federation, efficiency

References (transliterated)

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. T. 12. № 4. S. 3454-3463.
2. Antonov A. N. Otvetstvennost' missii OON v Kosovo za narushenie prava na zhizn' vsledstvie nedostatochno polnogo provedennogo rassledovaniya (S.C. v. UNMIK) // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2013. № 2 (6). S. 32-39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19120601_41255776.pdf.
3. Berdnikova E. V. Mezhdunarodnye pravovye standarty v sfere obshchestvennogo kontrolya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2018. № 4. S. 6-9.
4. Goncharov V. V. Obshchestvennyi kontrol' za filialami i predstaviteľstvami mezdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii na territorii Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 7 (120). S. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
5. Goncharov V. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sub"ektov obshchestvennogo kontrolya: k postanovke problemy // Mezhdunarodnoe pravo i mezdunarodnye organizatsii. 2023. № 4. S. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Goncharov V. V., Maksimova S. M., Petrenko E. G., Poyarkov S. Yu. O problemakh i perspektivakh razvitiya informatsionnogo obespecheniya obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (217). S. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
7. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A., Tolmacheva L. V., Dmitrieva I. A. Sistema sotsial'nogo doveriya (sotsial'nogo reitinga) v KNR: problemy i perspektivy vnedreniya v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Gulasaryan A. S. Otvetstvennost' mezhdunarodnykh organizatsii i natsional'nye sudy // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. № 9 (34). S. 1174-1185.

9. Zav'yalova T. D., Kirillov R. A., Kirillova O. Yu. Obshchestvennyi kontrol' v sisteme gosudarstvennykh zakupok: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskaya praktika // Vestnik MIRBIS. 2020. № 2 (22). S. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
10. Zamyatin V. Yu. Razvitiye sovremennoi kontseptsii otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2005. № 12. S. 130-136. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12887859_20568520.pdf.
11. Kozhamkulova Zh. A. Nekotorye aspekty otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsii // Nauchnye trudy YuKGU im. M. Auezova. 2014. № 2 (29). S. 260-262. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41560998_94174172.pdf.
12. Nezhenets O. V., Petrenko E. G. OON kak posrednik v uregulirovaniyu mezhdunarodnykh konfliktov // Epomen. 2020. № 35. S. 230-235.
13. Pal'chenkova V. M. Organizatsiya obshchestvennogo kontrolya na mezhdunarodnom urovne: istoriko-pravovoi aspekt // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 4 (10). S. 51-56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
14. Petrenko E. G., Kuleshova E. D. Problemy zashchity zhertv voennogo konflikta na Vostoke Ukrayiny // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 86-89.
15. Tamrazyan M. V. Mezhdunarodnaya otvetstvennost' OON za deistviya svoikh mirotvorcheskikh sil // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2009. № 7-1. S. 128-131. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17645846_16296212.pdf

"Transitional justice": general characteristics

Sergeeva Anzhelika Anatol'evna

PhD in Law

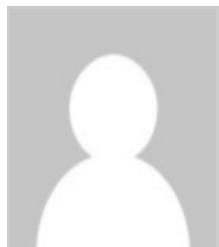
Associate Professor; Department of Criminal Law and Procedure; St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice

190000, Russia, Saint Petersburg, Baskov Lane, 16

✉ lokhi@yandex.ru

Voskoboinik Igor' Olegovich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Law and Procedure; St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice

199034, Russia, Saint Petersburg, Baskov Lane, 16

✉ lokhi@rambler.ru

Pitulko Kseniya Viktorovna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Law and Procedure; St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice

197341, Russia, Saint Petersburg, Baskov Lane, 16

✉ lokhi@rambler.ru

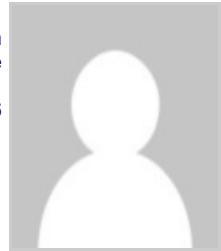
Sokolova Elena Valer'evna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Law and Procedure; St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice

199034, Russia, Saint Petersburg, Baskov Lane, 16

 lokhi@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is a special procedural mechanism for establishing the circumstances of the commission of genocide and other crimes against humanity during the functioning of various totalitarian regimes that widely use the practice of mass violations of human rights, the ideology of historical exclusivity, and the destruction of civil society institutions. Usually we are talking about states that have survived dictatorship or war, so the center of judicial knowledge is, first of all, precedents of gross violations of the rules of warfare, torture, mass executions, slavery. The declared goals of "transitional justice" are the rehabilitation of victims of repression. The authors conducted a study of the activities of special judicial presences and truth and reconciliation commissions, summarized the mediation experience implemented in the states of Africa and Southeast Asia. The research methodology is based on the principles of dialectical cognition, as well as a wide range of general scientific and private scientific methods (analysis, synthesis, legal comparative studies). The main conclusions of the study are concentrated around the specifics of the subject jurisdiction of conciliation commissions and tribunals, covering only acts of violence against the civilian population. For the first time, the authors have assessed the effectiveness of these institutions in a number of states. The various methodologies that make up "transitional justice" usually combine the "healing" measures of restorative justice (truth and reconciliation commissions) and a parallel system of punitive justice (mainly against those primarily responsible for the most serious crimes and their direct perpetrators). The text of the article substantiates that the activities carried out within the framework of "transitional justice" are aimed at reforming social institutions by restoring the rule of law and ensuring the functioning of constitutionally established judicial bodies in the future.

Keywords: The Tribunal, genocide, tolerance, crimes against humanity, mediation, conciliation commissions, international judicial authorities, justice, human rights, judicial presence

References (transliterated)

1. Pitul'ko, K. V. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i protsess: uchebnik. M.: KnoRus, 2023.
2. Burmagin S. V. O sushchnosti, ponyatii i predelakh ugolovnogo pravosudiya // Pravovedenie. 2018. № 1. S. 32-53.
3. Ignatenko G.V. Zapret povtornogo privlecheniya k otvetstvennosti (non bis in idem) kak obshchii printsip prava // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal 2005. № 1. S. 75-80.
4. Dzherykin I.V. Pravosudie perekhodnogo perioda v kontekste problemy otvetstvennosti nesovershennoletnikh za voennye prestupleniya // Universum Juris. 2021. № 1. S. 3-19.
5. Olson L. Mekhanizmy, dopolnyayushchie sudebnoe presledovanie // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo kresta. 2002. № 845. S. 87-91.
6. Bektimirova N.N. Mezhdunarodnyi tribunal nad «krasnymi khmerami» kak mekanizm realizatsii pravosudiya perekhodnogo perioda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2012. № 3. S. 87-103.

7. Sottas E. Pravosudie perekhodnogo perioda i sanktsii // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo kresta. 2008. T. 90. № 870. S. 225-263.
8. Uil'yamson D.A. Obzor mezhdunarodnykh organov pravosudiya, deistvuyushchikh v Afrike // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo kresta. 2006. T. 88. № 861. S. 137-161.
9. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Transformatsiya afrikanskikh povstancheskikh liderov: iz «polevykh komandirov» v bol'shuyu politiku // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2020. № 13. S. 214-231.
10. Shipilov A.Yu. Vmeshatel'stvo Ch. Teilora v grazhdanskuyu voynu v S'erra-Leone (po materialam Spetsial'nogo suda po S'erra-Leone) // Kunstkamera. 2019. № 4. S. 99-105.

Problems and prospects of scientific and technological cooperation between Russia and India in modern conditions: international legal dimension

Shugurov Mark Vladimirovich □

Doctor of Philosophy

Professor; Department of International Law; Saratov State Law Academy

410056, Russia, Saratov, Cheryshevsky str., 104

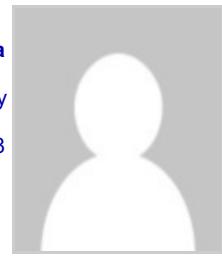
✉ shugurovs@mail.ru

Pechatnova Yuliya Vadimovna

Postgraduate student; Department of Theory and History of State and Law; Altai State University

656049, Russia, Barnaul, Socialist ave., 68

✉ jp_0707@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the intensification of cooperation between Russia and India in the field of science, technology and innovation in the context of responding to anti-Russian sanctions against Russian science. The purpose of the article is to identify the initiative directions of scientific and technological cooperation between the two countries in modern conditions, which will effectively implement the provisions that form a systemic legal framework for bilateral cooperation. The article shows that Russia is the initiator of the intensification of cooperation, intending to compensate for the damage caused by the loss of institutional ties with some of the main partner states in the scientific field. The authors elaborate on the characteristics of the mechanism of legal regulation of Russian-Indian scientific and technological cooperation both from the point of view of its historical formation and through the prism of its compliance with the modern needs of intensifying bilateral cooperation. In the process of achieving the research goal and solving the tasks set, the authors used the following methods and approaches: historical and legal method, forecasting method, formal dogmatic method, systematic approach, modeling method. The authors of the article came to the conclusion that the operation of the developed international legal mechanism for regulating the ISTC of the two countries has become the basis for the successes achieved in long-term cooperation. This mechanism combines the implementation of the provisions of intergovernmental bilateral agreements (vertical level), as well as the provisions of agreements concluded between Russian and Indian institutions of the scientific and educational sphere (horizontal level). The directions of cooperation and the prospects for its regulation are set by political and legal documents of a strategic nature (declarations, statements, memoranda). All this is complemented by the use of a programmatic method that

creates conditions for the implementation of relevant international legal obligations. The organizational mechanism is represented by intergovernmental structures. At the same time, currently this cooperation is not so significant in its scope, and the provisions of political and legal documents sometimes have the character of declarative intentions, which are not yet embodied in a wide range of specific scientific projects. The novelty of the article lies in understanding the prospects of the Russian-Indian ISTC through the prism of solving the problem of enhancing Russia's participation in cooperation in geographical areas not complicated by sanctions.

Keywords: research funding, academic exchange, joint projects, innovation, strategic partnership, Russian-Indian cooperation, antirussian sanctions, scientific-technological cooperation, mutual interest, technology transfer

References (transliterated)

1. Kupriyanov A.V. Sotrudnichestvo Rossii i Indii v Indo-Tikookeanskem regione v usloviyakh sanktsii // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2019. T. 14. № 3. S. 117–135. doi: 10.17323/1996-7845-2019-03-06
2. Shaumyan T. Russian-Indian Bilateral Cooperation // India-Russia Strategic Partnership: Common Perspectives / ed. by P. Stobdan. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2010. R. 149–164.
3. Gusakov N.P., Konovalova Yu.A. Sostoyanie i perspektivy rossiisko-indiiskogo sotrudnichestva v vysokotekhnologichnykh otrazlyakh ekonomiki // Finansy i kredit. 2017. № 23. S. 292–308.
4. Rakhamimov Sh.M. Mezhdunarodnoe nauchno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i zarubezhnykh stran: obzor instrumentariya // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2021. № 4. S. 51–66.
5. Lukin A.V., Ivanov A.V. Perspektivy rossiisko-indiiskikh otnoshenii // Vestnik MGIMO Universiteta. 2011. № 2. S. 318–323.
6. Minina T.I., Glekov E.Ya. Torgovaya integratsiya Rossii i Indii // Khronoekonomika. 2019. № 2. S. 125–129.
7. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. Indiya vo vneshei kul'turnoi politike Rossii (Osnovnye napravleniya rossiisko-indiiskogo kul'turnogo i nauchnogo sotrudnichestva na sovremenном etape) // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. SPb.: Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, 2008. S. 318–330.
8. Burtovoi M.Yu. Mezhdunarodnoe nauchno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Indii: formy sotrudnichestva // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki». 2023. № 1–2. S. 56–59.
9. Singh S. Political and Strategic Dimensions of India-Russia Relations in Present Scenario // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 8. Issue 6. P. 1232–1239.
10. Vaish A. Promising Future for India Russia STI Cooperation // Science Diplomacy Review. 2018. Vol. 1. Issue 1. P. 3, 11.
11. Mikhailov A.S., Khvalei D.V., Singkh P., Singkh V. K. Potentsial rossiisko-indiiskogo nauchnogo sotrudnichestva (na primere regionov zapadnogo porubezh'ya Rossii) // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. № 3. S. 103–117.

12. Akarashov I.S. Rossiisko-indiiskie otnosheniya: ot «pauzy» v seredine 1990-kh gg. do «strategicheskogo partnerstva» nachala KhKh veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 12. Ch. 4. C. 16–19.
13. Grishin Ya. Ya., Galiullin M. Z. Rossiya – Indiya: voenno-tehnicheskoe sotrudnichenstvo – vesomyi komponent strategicheskogo partnerstva // Nauka. Obshchestvo. Obrona. 2016. № 3 (noo-journal.ru). doi: 10.24411/2311-1763-2016-00019
14. Valueva I.A., Konovalova Yu.A. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichenstvo dvukh regional'nykh derzhav: novye vyzovy dlya Rossii i Indii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika. 2018. T. 26. № 1. S. 28–37.
15. Bhagvat D. Rossiya i Indiya v Arktike: neobkhodimost' bol'shei sinergii // Arktika i Sever. 2020. № 38. S. 73–90. doi: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
16. Petrushina O.M., Dzirun I.A., Chicherova V.N. Rol' Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichenstva v formirovani miroustroistva // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii, 2022. № 9-2. S. 121–123.
17. Andreeva E.L., Zakharova V.V., Ratner A.V. Nauchno-tehnologicheskoe sotrudnichenstvo Rossii v usloviyah stanovleniya mezhdunarodnogo ekonomicheskogo partnerstva novogo formata // Izvestiya UrGEU. 2016. № 6. S. 132–140.
18. Agapova A. V. Analiz klyuchevykh pokazatelei rossiisko-indiiskikh vneshnetorgovykh otnoshenii // Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii. 2021. T. 5. № 2. S. 15–19.
19. Akhmedzyanov R.R., Saakyan A.A. Sovremenstvovanie tamozhennogo administrirovaniya v usloviyah funktsionirovaniya EAES // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2021. № 35. S. 58–62.
20. Migel A.A., Osipov V.I. Sostoyanie mirovogo rynka nefti: izmeneniya i zapas prochnosti // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2022. № 5-2. S. 177–180.
21. Merkulova K. O. Torgovoe partnerstvo Rossii i Indii: problemy i mery ikh resheniya // Nauchnyi aspekt. 2020. T. 1. № 2. S. 126–135.
22. Rossiya – Indiya: novyi uroven' sotrudnichenstva. Interv'yu pervogo zamestitelya Predsedatelya Pravitel'stva RF S.B. Ivanova indiiskoi gazete «Taims of Indiya» // Global'noe partnerstvo. 2007. № 3. S. 9–10.
23. Zadorina, A. Review on S&T Cooperation between Russia and India // Southern perspectives on science and technology cooperation. New Delhi: Research and information system for developing countries. 2019. R. 45–50.
24. Mandal K., Priti, Grewal H. Looking back: India-Russia collaboration in Science and Technology // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2016. T. 7. № 3. S. 65–83.
25. Yurlov F. Rossiya i Indiya: problemy sotrudnichenstva i bezopasnosti // Rossiya i musul'manskii mir. 2005. № 12. S. 134–140.
26. Mallapaty S. et al. The countries maintain research ties with Russia // Nature. 2022. Vol. 604. Issue 7905. P. 227–228. doi: 10.1038/d41586-022-00945-3
27. Mammen J.T., NirupamaA.K. Evolution of Science Technology and Innovation policies of India: Assessing the role of the domestic and international milieu // Comparative Strategy. 2024. Vol. 43. Issue 2. P. 118–136. doi: 10.1080/01495933.2024.2317253
28. Mukhopadhyay D. Science, Technology and Innovation Policy 2013: outline of a coherent strategy for translating it into action // Current Science. 2015. Vol. 109. № 5. P. 863–868. doi: 10.18520/cs/v109/i5/863-868.
29. Krishna V. Science, Technology and Innovation Policy 2013: High on Goals, Low on

- Commitment // Economic and Political Weekly. 2013. Vol. 48. № 16. P. 15–19.
30. Sheikh F. Science, Technology and Innovation Policy 2013 of India and informal sector innovations // Current Science. 2014. Vol. 106. № 1. P. 21–25.
31. Joseph K. Science, Technology and Innovation Policy 2013: whither innovation and inclusion? // Indian Journal of Medical Ethics. 2013. Vol. 10. Issue 2. R. 104–106. doi: 10.20529/ijme.2013.031
32. Mani S. The Science, Technology and Innovation Policy 2013: An Evaluation // Economic and Political Weekly. 2013. Vol. 48. Issue 10. P. 16–19.
33. Ngawang T., Singh N., Killemsetty N. Analyzing India's Science and Technology Policy – A Comparative Perspective // Jindal Journal of Public Policy. 2022. Vol. 6. Issue 2. P. 28–41.
34. Kupriyanov A., Bandari A., Giri Ch., Kulkarni G. Rossiisko-indiiskoe sotrudnichestvo v kontekste sanktsii: negativnye posledstviya i novye vozmozhnosti. Analiticheskaya zapiska. M.: RSMD, 2018. 24 s.
35. Zakharov A.I. Strategicheskoe partnerstvo SShA i Indii: vyzovy dlya Rossii // Vlast'. 2016. № 8. S. 195–198.
36. Merkulova K.O. Torgovoe partnerstvo Rossii i Indii: problemy i mery ikh resheniya // Nauchnyi aspekt, 2020. T. 1. № 2. S. 126–135.
37. Agapova A.V., Kkhatri T. Analiz klyuchevykh pokazatelei rossiisko-indiiskikh vneshnetorgovykh otnoshenii // Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii. 2021. T. 5. № 2. S. 15–19.
38. Rossiisko-indiiskie otnosheniya v shirokom geopoliticheskom kontekste: doklad № 92 / 2024 [A.V. Kortunov, T. Saimon [i dr.]; pod red. Yu. Yu. Mel'nikovo, S. M. Gavrilovo i dr.]; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). – M.: NP RSMD, 2024. 52 s.
39. Shugurov M.V., Mozzhilin S.I. Tsifrovaya transformatsiya nauki: mezhdisciplinarnyi podkhod // Naukovedcheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 101–129. doi: 10.31249/scis/2022.04.06